

С. В. БЫЧКОВ

**ПО ЗЕЛЕНЫМ
ХОЛМАМ
МАЛАЙЗИИ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

С. В. Бычков

**ПО ЗЕЛЕНЫМ
ХОЛМАМ
МАЛАЙЗИИ**

Путевые заметки

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Л. Б. АЛАЕВ,
А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ,
Г. Г. КОТОВСКИЙ, Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Ответственный редактор

Н. А. СИМОНИЯ

Бычков С. В.

Б 95 По зеленым холмам Малайзии. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979.

158 с. с ил. и карт. («Рассказы о странах Востока»).

Советский журналист рассказывает о своем пребывании в Малайзии. В книге повествуется о современном положении страны (политическом и экономическом) со всеми сложностями и противоречиями. Много внимания уделено истории и этнографии. Читатель узнает о жизни, быте и нравах современного населения Малайзии.

Б $\frac{11104-074}{013(02)-79}$ 139-79. 0803000000

91 (И5)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1979.

Не раз, когда я говорил знакомым москвичам, что работаю корреспондентом ТАСС в Малайзии, мне приходилось слышать иронически-вопросительное:

— Ну и как там жизнь, в этой самой Малой Азии?

Друзья, видимо, и не подозревали, что, намеренно играя словами, были недалеки от истины. Малайзию действительно можно в определенном смысле назвать Малой Азией.

Малой Азией Малайзию можно назвать потому, что ее население, насчитывающее около 11 млн. человек, включает представителей трех крупнейших народов Востока: малайцев, китайцев и индийцев, а в глубинных районах Малаккского п-ова и в джунглях Восточной Малайзии обитают племена аборигенов: семанги, джакуны, даяки, муруты, идаханы и др. Все они сохранили свой язык, культуру, религию, верования, традиции, а китайцы и индийцы (в основном тамилы) — множество обычаев, обрядов и праздников, которых сейчас ни в Китае, ни в Индии уже нет.

Малайзия, государство близ экватора в Юго-Восточной Азии, состоит из двух разделенных морем частей: занимающей почти весь Малаккский п-ов Западной, или Полуостровной, Малайзии (131,8 тыс. кв. км) и лежащей на севере о-ва Калимантан Восточной Малайзии (201 тыс. кв. км). Первая, в свою очередь, тоже делится на западную и восточную половины, границей между которыми служит протянувшаяся почти посередине полуострова цепь высоких, покрытых вечнозелеными влажными тропическими лесами холмов.

По форме государственного устройства Малайзия — федерация, состоящая из 13 штатов. Штаты Джохор, Кедах, Келантан, Малакка, Негри-Сембилан, Паханг, Перак, Перлис, Пинанг, Селангор и Тренггану составляют Западную Малайзию, а штаты Сабах и Саравак — Восточную. Джохор, Кедах, Келантан, Негри-

Сембилан, Паханг, Перак, Перлис, Селангор и Тренггану являются султанатами. Их главы — султаны, продолжающие династические линии правителей самостоятельных княжеств, некогда существовавших на территории нынешних штатов. Остальные четыре штата — губернаторства. Пинангом и Малаккой управляют губернаторы, а Сабахом и Сараваком — президенты.

Малайзия — конституционная монархия. Ее глава — Верховный правитель, которого из своего круга избирают на пять лет девять султанов, входящих в Совет правителей Малайзии. Свои полномочия Верховный правитель осуществляет только по рекомендациям правительства. Высший орган законодательной власти — двухпалатный, построенный по английскому образцу парламент. Высший исполнительный орган власти — кабинет министров во главе с назначаемым Верховным правителем премьер-министром.

Территория современной Малайзии была заселена еще в раннем палеолите. Первые, сравнительно крупные централизованные княжества на Малаккском п-ове складываются в XV в. В начале XVI в. они были объединены под властью султанов Малакки. Одновременно с возвышением Малаккского султаната набирает силу и султанат Бруней на севере о-ва Калимантан. В это время в обоих государствах господствующей религией становится ислам. В наши дни конституцией он провозглашен государственной религией Малайзии.

В 1511 г. Малакку захватили португальские конкистадоры, и Малаккский султанат распался на отдельные княжества, самым значительным из которых был султанат Джохор на юге полуострова. В 1641 г. Малаккой овладели голландцы. С конца XVIII в. на историю развития малайских княжеств решительное влияние оказывает колониальная экспансия Англии. В 1786 г. англичане стали хозяевами о-ва Пинанг, в 1819 г. — о-ва Сингапур, а в 1824 г. голландцы отдали им в «вечное пользование» Малакку. Три владения Великобритании были объединены в колонию, называвшуюся Стрейтс-Сеттльментс, которую контролировал генерал-губернатор Индии, задолго до этого ставшей английской колонией.

В 70—90-х годах XIX в. Англия распространила свое господство на все княжества Малаккского п-ова и дала им общее название Британская Малайя. На территории

Стрейтс-Сеттльментс англичане правили непосредственно, а в султанатах — через назначаемых ко дворам султанов своих резидентов, в руках которых была фактически сосредоточена вся власть.

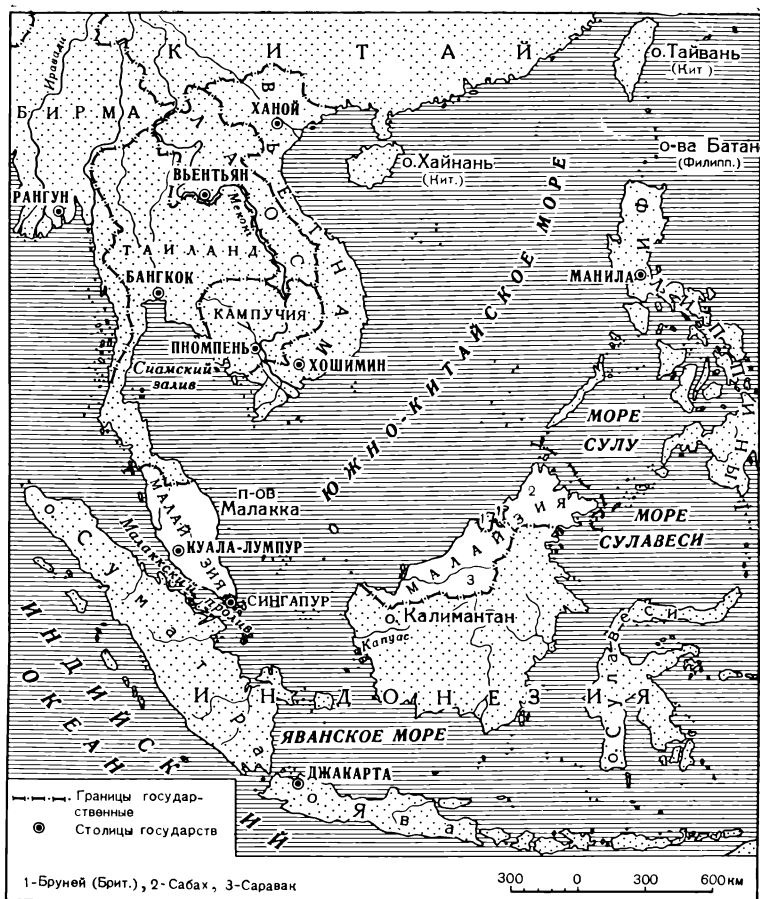
В это же время англичане утвердились на севере Калимантана, который именовался тогда Борнео. В 1841 г. авантюрист Джеймс Брук получил от султана Брунея в управление территорию Саравак и основал там династию «белых раджей». Через 40 лет после этого брунейский султан отдал территорию Сабах в распоряжение «Британской компании Северного Борнео». Малайя, Сабах и Саравак были превращены в сырьевой придаток английской промышленности, сферу приложения английского капитала.

Во время второй мировой войны Британская Малайя, Сабах и Саравак с 1941 по 1945 г. были оккупированы японскими войсками. После капитуляции Японии англичане, возвратившись, пытались восстановить прежние колониальные порядки. Сингапур отделился от Малайи, которая была преобразована в колонию, названную Малайской Федерацией. Саравак и Сабах перешли в ведение английского министерства колоний.

Но под натиском национально-освободительных сил англичане в конце концов признали право местных народов на самостоятельное существование. 31 августа 1957 г. Малайская Федерация была провозглашена независимой. Власть в Малайе взял в свои руки политический блок из партий, представлявших интересы феодальной аристократии и национальной буржуазии.

В 1963 г. к независимой Малайе присоединились в качестве отдельных штатов Сингапур, Сабах и Саравак. Новое объединение стало называться Федерацией Малайзия. В 1965 г. в силу экономических, политических и национальных противоречий из состава Федерации вышел Сингапур и стал самостоятельным государством. Так определились границы сегодняшней Малайзии, о которой пойдет речь в предлагаемой читателю книге.

Английский империализм сохранил ключевые позиции в экономике молодого государства. До сих пор он оказывает сильное влияние на его экономическое и политическое развитие. В последние годы все большую роль в экономической эксплуатации страны приобретает японский, американский, западногерманский и австра-

лийский капитал. Иностранные монополии заинтересованы в сохранении аграрно-сырьевого характера малайзийской экономики. Они всячески препятствуют усилиям правительства Малайзии, направленным на ослабление зависимости страны от внешнего капиталистического рынка. Тем не менее в перестройке отсталой структуры хозяйства, создании новых отраслей обрабатывающей промышленности, преодолении узкой специализации сельского хозяйства малайзийцы добились некоторых успехов. В планах экономического развития большое

значение придается государственному сектору. Но главную роль в экономике по-прежнему играет частный капитал.

Предлагаемые читателю заметки, сделанные мной в результате поездок по Малайзии, разумеется, далеки от полного и глубокого описания этой страны. Специфика работы требует от корреспондента ТАСС за рубежом знания истории, политики, культуры, экономики — словом, всех сторон прежней и настоящей жизни страны, которую он обязан освещать. В то же время эта жизнь, захлестывая потоком оперативной ежедневной информации, не дает широких возможностей углубляться в страноведение так, как этого порой хотелось бы. Поэтому, если этнографы, историки и другие специалисты найдут некоторые мои замечания дилетантскими, я готов признать их оценку справедливой. Но если рядовой читатель, прочитав книгу, проникнется добрым интересом к Малайзии, симпатией к населяющим ее народам, я буду считать, что цель, которую я ставил, когда писал эти заметки, достигнута.

«Это место рождает смелость»

Все мои малайзийские знакомые, которыми я успел обзавестись за два месяца со дня приезда в Куала-Лумпур, в один голос убеждали меня, что необходимо съездить в Малакку побродить пару дней по этому «тихому, провинциальному» городу, где по камням развалин можно прочесть почти всю историю Малайзии.

Вскоре мне представилась такая возможность. В самом древнем малайзийском городе должен был состояться фестиваль народного сценического искусства. Его организатор — министерство культуры по делам молодежи и спорта прислало в отделение ТАСС приглашение. После недолгих сборов я выехал в Малакку.

Поехал с неясно осознаваемым в потоке будничных мыслей волнением, которое росло по мере того, как расстояние до нее сокращалось. Предстояла встреча с «Золотым Херсонесом». Так античный географ Птолемей, опираясь на записки посетивших Китай и Индию арабских путешественников, назвал Малакку на своей карте мира.

Подъезжая к Малакке мимо затопленных рисовых полей, нетрудно было поддаться искушению и вообразить себя в этих местах в XV в.

Упрятав лица от палящего солнца под широкополые конусообразные шляпы, крестьяне, как и их далекие предки, копошились на ровненьких квадратиках заливных полей. Буйволы, извечную невозмутимость которых ничуть не убавили ни рев современных скоростных автомобилей, ни грохот железной дороги, как и в давние времена, лениво тянули скрипучие повозки с традиционно изогнутой крышей и огромными, в человеческий рост, колесами. Аисты, редкими неподвижными белыми пятнами нарушавшие зеленое однообразие придорожного

ковра, казалось, не сходили с места еще со времен основателя Малакки Парамешвары.

Дорожные чары исчезли мгновенно, как только машина въехала в город. Хотя по сравнению с Куала-Лумпуром он действительно сразу же показался провинциальным своей малозатяжностью и узостью улиц, я не нашел его тихим. Главная улица — непрерывная линия магазинов, отелей, банков, лавок и контор — была весьма оживленной, несмотря на полуденный час, когда зной становится особенно нестерпимым.

В плотном потоке не признающих никаких дорожных правил пешеходов и велорикш, в обломках густого, черного дыма огромных грузовиков и городских автобусов скорость пришлось снизить до минимума. Тащась за запряженной буйволами повозкой, загородившей пол-улицы, можно было, не останавливая автомобиль, спросить у пешехода дорогу к старой части города, переспросить несколько раз и получить в ответ маловразумительный жест руки и веселую, несколько ироническую улыбку.

Лишь попав в старый город, я понял, почему Малакку называют тихой заводью, удобным местом для отдыха от городской суеты. Древняя Малакка начиналась с пустынной широкой набережной, в углу которой примостился небольшой ряд открытых ресторанчиков. Единственными фигурами в них были дремлющие в ожидании случайных клиентов хозяева и их дети, готовые по первому зову оторваться от игры в камешки и превратиться в расторопных официантов.

За совершенно безлюдной набережной расстилалось обрамленное редкими пальмами широкое поле. По правую сторону от него, через дорогу, почти не нарушаемую автомобилями и велорикшами, в покрытые густой зеленью склоны холмов взбирались без видимого порядка сильно разрушенные толстые серые стены, белые и красные дома, сразу же выдававшие свой почтенный возраст и немалайзийское происхождение, церкви без крыш. Открывшиеся простор, пустынность и безмолвие были настолько разительным контрастом с загроможденными людьми и транспортом узкими и оглушительными улицами нового города, что сомнений не было: я попал в музей под открытым небом, размеры и строгость которого делают посетителей незаметными, обяза-

вают их говорить вполголоса, двигаться без шума и торопливости.

Здесь я и остановился в отеле, построенном задолго до того, как были изобретены кондиционеры. Каменный пол, высокие деревянные потолки, продуманная система вентиляции поддерживали в его комнатах желанную в тропиках прохладу. У стойки, где оформляют документы, я впервые соприкоснулся с прошлым. Пожилой малаец, представившийся бывшим школьным учителем, узнав, что я из Москвы, тут же предложил бесплатно, из любви к своему городу, поводить впервые в жизни встретившегося ему советского человека по Малакке.

После пятичасовой гонки на автомобиле очень не хотелось снова выходить в полуденное пекло. Сославшись на дела, я попросил учителя отложить экскурсию на завтра. Явно разочарованный, малаец вежливо согласился. Было очевидно, что завтра он не придет. Чтобы исправить положение, я сказал ему, что мне хотелось бы узнать что-нибудь из истории Малакки.

Старик с энтузиазмом закивал головой. Его красивая сказка, в которой правду трудно отделить от вымысла и которую я впоследствии много раз читал в исторических сборниках, поведала следующее.

Основал Малакку лихой человек, выходец из княжества Палембанг в Южной Суматре. Впервые в исторических хрониках человек этот упоминается как Парамешвара (Парамесвара). Но это не имя собственное, а санскритский титул — «принц-супруг», которым его наградили после того, как он женился на дочери яванского правителя.

По неизвестным причинам Парамешвара в 1393 (или 1395) г. вместе с семьей и рабами бежал с Суматры на о-в Тумасек (Тумасик). Так в те времена называли находившийся под властью Сиам (нынешнего Таиланда) о-в Сингапур. Тамаги, местный правитель, принял беглеца с почестями, положенными для высоких гостей. Он и не подозревал, какого коварного авантюриста приглашает в свои покои. Уже на восьмой день Парамешвара убил Тамаги и захватил власть.

За пять лет обманщик превратил остров в пиратскую базу. Разбойничьим набегами подвергалось каждое судно в Малаккском проливе, каждое поселение на берегах Малаккского п-ова, Суматры, Калимантана.

Несколько раз властители Сиама пытались вернуть себе остров. Наконец в 1398 (или 1400) г. Парамешвара был изгнан. Принц, перебравшись на материк, на Малаккский п-ов, еще несколько лет разбойничал, пока не узнал, что дальше на севере, в устье большой реки лежит крупный поселок мирных рыбаков, никогда не знавших власти одного человека. Парамешвара снялся лагерем в 1000 человек и двинулся на поиски поселка.

Легенда гласит, что принц, перед тем как войти в поселок и объявить себя его правителем, прилег отдохнуть под тенистым деревом. Неожиданно его покой был нарушен. Свора охотничьих собак с громким лаем окружила пеландука — маленького олененка (непременный персонаж народных, дидактических сказок о животных). Хрупкий зверек не растерялся, ловким ударом сбил одну из собак с ног и вырвался из смертельно опасного кольца. Увидев это, Парамешвара сказал:

— Прекрасное место для моей столицы. Это место рождает смелость. Остановимся здесь.

— Как называется дерево, под которым я отдыхаю? — спросил он придворных.

— Малакка, — последовал ответ.

— Пусть мой город тоже называется Малакка, — решил Парамешвара. Это случилось в 1403 г.

Все торговые пути ведут в Малакку

Что заставило принца, изгнанника и авантюриста, решиться на оседлую жизнь? Может быть, он устал от скитаний и надумал сменить разбой на торговлю? Если это так, то нельзя отказать ему в прозорливости. Он сумел в рыбацкой деревне рассмотреть будущий главный торговый центр Юго-Восточной Азии. Устье реки, названной тоже Малакка, очень скоро стало той точкой, где встретились торговые пути с Востока и Запада.

Становление Малакки как торгового центра началось с малого: обмена найденного в глубине полуострова олова, а позднее и золота на рис и сахарный тростник с Суматры. Сами жители Малакки не занимались земледелием в достаточных для самообеспечения продуктами питания размерах.

Постепенно слух о малаккском базаре в удобной, свободной от штормов бухте стал распространяться все дальше и дальше. Через какие-то два года население поселка вырастает до 2 тыс. Малаккские воды уже принимают громоздкие, неуклюжие джонки из Китая с шелком и фарфором, легкие, стремительные лодки *пепрау* из Индонезии с рисом и пряностями. Из Южной Индии в Малакку приходят суда, груженные благовониями и тонкими тканями, из Арабии привозят драгоценные камни, стеклянные диковинки из неведомых, холодных стран.

Китайские путешественники тех времен так описывали Малакку. На правом берегу реки, на холме стоял деревянный дворец Парамешвары. С левого берега в море уходили крытые платформы на сваях. Здесь и торговали. Днем на настилах шумела многоликая, разноязычная толпа, в которой можно было найти представителей почти всех стран — от Египта до Китая. На ночь базар, огороженный с суши высоким забором, запирался цепями.

Полноправным правителем Малакки был Парамешвара. Он облагал налогом каждое заходящее в бухту судно и всякую торговую сделку. Ему помогали править назначаемые из родственников или богатых торговых семей *бендахара* — первый министр, *теменггонг* — командующий армией и полицией и главный судья и *пенгхулу бендахари* — казначей, ответственный за сбор пошлин. Город был так велик, отмечали путешественники, что кошке, для того чтобы обойти крыши всех домов, понадобилось бы более года.

Стремительный рост Малакки и превращение ее в важнейший мировой торговый узел объясняются ее географическим положением. Столица Парамешвары разместилась на полпути между Китаем и Индией и в той точке, где царствовали полугодовые муссонные ветры. И пока паровые машины не пришли на смену парусам, это имело решающее значение.

Весной и летом дующие из Индийского океана ветры приносили суда с Запада, а осенью и зимой с юго-восточными ветрами в Малакку приплывали восточные купцы. В те времена мало кто отваживался на плавание без остановки из Индии в Китай или наоборот. Гораздо удобней и безопасней было добраться до Ма-

лакки, обмениваться товарами, а с переменной ветра вернуться домой.

Не случайно захватившие позднее Малакку португальцы говорили о ней как об «идеальном торговом месте». «Здесь не бывает шторма, и здесь не затонуло ни одно судно. Это место, где рождаются одни муссоны и умирают другие... Каждый год в Малакку заходят суда из Каликута, Адена, Мекки, с Коромандельских островов и из Бенгалии, китайцы, яванцы...— писал один из них,— и я верю, что, если есть другие миры и другие торговые пути, они все встречаются в этом городе, где можно найти любой товар, какой только существует на свете».

Баба

С золотым веком Малакки я познакомился в единственном городском музее. Он находился недалеко от отеля в двухэтажном каменном домике, доставшемся Малакке в наследство от голландских колонизаторов. Как и все голландские постройки в городе, домик был выкрашен в темно-красный цвет и покрыт черепицей.

Музей был пуст. Стертые и шаткие деревянные ступеньки привели на второй этаж в центральный зал. Сразу же в глаза бросилась выполненная акварельными красками простенькая картина. Она изображала прием посланцев китайского императора правителем Малакки.

Парамешвара, пытаясь оградить себя от нападений правителя Сиам, поначалу согласился быть его вассалом. Несколько лет он отправлял ему ежегодную дань. Но потом нашел опекуна посильнее в лице китайского императора.

Союз Малакки с Пекином был закреплен в 1409 г., когда прибывший в Малакку во главе мощного флота адмирал Чжэн Хэ привез Парамешваре в жены Хан Ли-бо, дочь китайского императора, пятьсот рабынь и черепицу для украшения дворца. Адмирал официально провозгласил принца наместником китайского императора в Малакке, и с тех пор, как записано в китайских хрониках, Малакка «перестала быть зависимой от Сиам». Парамешвара, правда, осторожности ради и после этого еще несколько лет платил дань сиамам.

Через два года после визита Чжэн Хэ Парамешвара сам съездил в Пекин, чтобы услышать заверения в «защите и опеке» из уст самого богдыхана. Его положение подтвердили, а за верность наградили «усыпанным драгоценными камнями кушаком, лошадьми, седлами, золотом, серебром, простым и расшитым золотой нитью шелком и желтым зонтом». Желтый зонт с тех пор для Парамешвары стал одним из символов монархической власти. И сейчас на официальных церемониях слуга держит над головой Верховного правителя желтый шелковый зонт.

С установлением отношений между Малаккой и Китаем в городе начали оседать китайцы. Этот период оставил свои следы. Хан Ли-бо была похоронена, по китайскому обычаю, на склоне высокого холма, который, как утверждают, к настоящему времени превратился в самое крупное за пределами Китая китайское кладбище и сейчас известен как Китайская гора.

У ее подножия местная китайская община построила храм в честь приобщенного к семейству святых адмирала Чжэн Хэ. В этом самом древнем на территории Малайзии китайском храме хранится каменная плита с надписью, повествующей о том, как в один из многочисленных визитов в Малакку Чжэн Хэ посетил могилу Хан Ли-бо.

Но самым интересным из того, что осталось от китайского влияния тех времен на Малакку,— это, пожалуй, китайский квартал на левом берегу реки. Такие кварталы имеются во всех городах Малайзии, но в Малакке он особенный. Достаточно полчаса побродить по его узким, где невозможно разъехаться двум автомобилям, темным улочкам, чтобы почувствовать, как его жители заметно отличаются от китайцев Куала-Лумпура, Серембана, Джохор-Бару и других городов Малайзии.

Дело в том, что малаккские китайцы — потомки тех, кто осел в Малакке около шести веков назад, тогда как остальные малайзийские китайцы происходят от значительно более поздних иммигрантов — середины XIX в. Но их разделяет не только время. Первые немногочисленные поселенцы приехали в Малакку насовсем. Они вступали в браки с коренными жителями и в значительной степени переняли местный образ жизни, не

утратив при этом некоторых своих особенностей. А вторые прибыли крупными партиями с намерением, подзаработав, вернуться домой. Они держались замкнутыми общинами, сохранили нетронутым свой образ жизни.

• Малаккские китайцы, которых в Малайзии называют *баба*, говорят на непонятном для других китайцев языке. Он включает множество малайских слов в искаженном китайском произношении. В меньшей степени их язык заимствовал, но столь же неузнаваемо изменил фонетически португальские, голландские и английские слова.

Проникновение малайских элементов в быт нынешних потомков первых китайских поселенцев чувствуется почти во всем. Женщины, оставив в своем туалете традиционные китайские блузки со стоячим воротником, отказались от широких коротких шаровар и стали пользоваться малайской юбкой *саронгом*. Пицца под влиянием местной стала более пряной и острой.

Но, пожалуй, смешение китайского и малайского более всего прослеживается в обрядах. Мне довелось быть свидетелем одного из них — свадебного. Правда, свадьба была инсценированной специально для иностранных туристов. Последняя настоящая подобная свадебная церемония, сказали мне устроители спектакля, состоялась более 30 лет назад. Сейчас молодые люди китайского квартала Малакки предпочитают вступать в брак с наименьшей тратой и денег и времени. В результате прежний, торжественный и роскошный свадебный обряд оказался в забвении.

На сцену, условно разделенную перегородками на «дом» жениха и «дом» невесты, поднялись будущие супруги в изысканно и щедро расшитых золотой и серебряной нитью традиционных китайских одеждах. Их сопровождали слуги и посаженный отец, одетые по малайскому обычаю. В «доме» девушки затем состоялось, если так можно выразиться, «пострижение в невесты». Главная распорядительница свадьбы, малайская сваха, *мак андам*, согласно малайской традиции отстригла прядь волос с челки невесты.

Прежде чем принести брачную клятву, жених переоделся во все белое, что должно было говорить о его нравственной чистоте. В руках он держал китайскую книгу с гороскопами, сидел, по малайскому обычаю, на

гантанге — бронзовом тазу, используемом малайцами как мера зерна. Он символизировал материальное благополучие будущей семьи. На столике перед юношей лежал китайский безмен, который должен был напоминать ему, что любое семейное решение необходимо тщательно взвешивать.

Когда клятву давала невеста, тоже переодетая в белую длинную блузу, она, как и жених, сидела на *гантанге*, но в руках у нее не было книги с гороскопами: женщине уметь читать не обязательно. Но зато на столике перед ней лежали деревянный метр и ножницы: она должна быть рачительной и умелой хозяйкой.

После того как клятвы были произнесены, жених, облаченный снова в парадную одежду, под звуки гонгов и грохот петард направился к «дому» невесты. Посаженный отец, выкупив поданный *мак андам* на блюде апельсин, ввел юношу в «дом» и подвел его к будущей жене, лицо которой теперь покрывала черная вуаль. Молодые люди остались одни. Жених поднял вуаль — родилась новая семья.

Юноше была нужна не только расторопная, экономная, но и послушная жена. Поэтому во время церемонии он старался как бы невзначай наступить ей на ногу. Если ему это удавалось, несмотря на бдительность заранее предупрежденной девушки, он, по поверью, мог рассчитывать на безоговорочное послушание будущей супруги.

По китайскому обычаю, жениху запрещено входить в дом невесты. А на свадьбе малаккских *баба́* почти весь обряд как раз и происходил, как у малайцев, в доме родителей девушки. Так, отказавшись от каких-то исконных китайских свадебных традиций и переняв некоторые характерные черты малайской свадьбы, китайцы, приехавшие в Малакку в XV—XVI вв., создали для вступающих в брак свой обряд. Китайская чопорность в нем уступила место малайской мягкости, естественности, а многозначительная символика обогатилась не менее глубокими по содержанию малайскими элементами.

В настоящее время *баба́* занимаются в основном мелкой торговлей, ремеслом. Особенно они искусны в резьбе по дереву. Дома малаккских китайцев обязательно украшены резными дверьми и ставнями, многие из

которых по тонкости и затейливости рисунка — настоящие произведения искусства.

В Национальном музее Малайзии в Куала-Лумпуре деревянной резьбе *баба* отведен специальный отдел. Это как бы «дом» малаккского китайца в миниатюре, где мебель украшают гирлянды из деревянных цветов, птиц, фантастических животных, бытовых сенок. Когда видишь, с какой точностью вырезана каждая человеческая головка, каждый лепесток, каждое птичье перышко и с каким вкусом все фигуры сплетены в радостный и лирический узор, то не верится, что это дело рук человеческих. А поймав себя на мысли, что никто, кроме человека, не мог создать такое чудо, остается удивляться мастерству и терпению его творцов.

«Золотой век» Малакки

С именем Парамешвары связано не только становление Малакки как международного торгового порта, но и превращение ее в столицу первого на Малаккском п-ове султаната. Прибыл принц в Малакку индуистом, на что указывают как его титул, так и порядки, заведенные им при дворе. Парамешвара считался священной особой, нога его не касалась грешной земли, по крайней мере вне пределов дворца. По городу и окрестностям он или разъезжал на слоне в сопровождении *теменггонга* и колонны лучников и копыеносцев, или его носили знатные люди в роскошном паланкине. Для передвижения на короткие расстояния и по дворцу правитель усаживался на спины рабов.

В соответствии с индуистскими обычаями, развился и дворцовый язык. Парамешвара не «ел», как простой смертный, а «угощал себя», он не «спал», а «изволил почивать» и т. д.

Контакты с китайцами совершенно не изменили религиозную и культурную жизнь Малакки. В последние годы жизни Парамешвара вступил в политический союз с уже принявшим ислам государством Пасай на севере Суматры. Еще Марко Поло, возвращаясь из Китая домой по Малаккскому проливу в 1292 г., отметил в своих записках, что правитель Пасай был убежденным мусульманином.

На Суматре уже в наше время обнаружена могила одного из пасайских царей. Она датирована 1297 г. Надпись на могильной плите выполнена арабской вязью. Имя усопшего — Малек ал-Салех — тоже указывает на его приверженность исламу.

В 1414 г. Парамешвара женился на дочери правителя Пасай, принял ислам и соответствующее новой религии имя Мегат Искандар Шах. Таким образом, мусульманская вера была привнесена в Малакку с Суматры, куда ее, в свою очередь, завезли гуджератские купцы из Южной Индии. То, что Парамешвара принял южноиндийскую версию ислама, а не ближневосточную, имело большое значение для дальнейшего развития Малакки.

Этим, в частности, можно объяснить терпимость новой религии не только к элементам индуизма, но даже и к элементам анимизма, наполнявшим духовную жизнь жителей Малакки того времени. Будь проводники ислама более ортодоксальными, более нетерпимыми, возможно, Коран не привился бы на малаккской земле. До сих пор в малайских обрядах, и особенно в дворцовых и свадебных церемониях, присутствует множество индуистских черт, а малайские женщины всегда пользовались более высоким статусом в обществе, нежели их сестры на родине ислама — Ближнем Востоке. Они никогда не знали чадры, им приходилось даже играть заметную роль в управлении Малаккским султанатом.

Принявший вместе с новой женой ислам, правитель Малакки начал приглашать к себе в столицу знатоков Корана. Как говорится в историческом сборнике «История Малайи», он «стал оказывать им всяческие почести, предоставил места для жительства, отвел место для мечети». Этот шаг имел далеко идущие последствия.

С легкой руки Мегат Искандар Шаха ислам стал государственной религией Малайзии. Ему Малайзия в значительной степени обязана своими нынешними границами. Он явился одной из тех сил, которые толкали султанов Малакки к экспансии, превращению города-государства Малакки в столицу обширного и могущественного султаната, уже в XV в. охватившего почти весь Малаккский п-ов и большую часть Суматры.

Основатель Малакки умер в 1424 г. В сегодняшнем городе не найти крупных материальных следов его

20-летнего правления. В память о себе он оставил лишь красивую легенду о рождении города. По собранной в музее более чем скромной коллекции появившихся через много лет после смерти первого султана Малакки документов, карт и предметов быта можно тем не менее иметь хотя бы приблизительное представление о Малакке XV в. как центре мусульманской империи.

После Мегат Искандар Шаха малаккский трон на два десятилетия занял Шри Махараджа. Санскритское имя правителя свидетельствует о том, что ислам хотя и проник в Малакку, но пустить глубокие корни еще не успел. Утверждение его как государственной религии происходит в период царствования четвертого султана — Мудзаффар Шаха (1445—1459). При нем Малакка стала достаточно сильной, чтобы дважды отбить атаки сиамских войск и вынудить правителя Сиамы пойти на мир и обмен дипломатическими миссиями.

Ободренный этими успехами, следующий малаккский султан, Мансур Шах (1459—1477), приступил к расширению своих владений. Первым под власть Малакки попадает Паханг, большая территория на юго-востоке Малаккского п-ова, издавна находившаяся в сфере влияния Сиамы. Сборник «История Малайи» говорит об этой победе коротко: «Люди Малакки сражались с людьми Паханга, и волей Всевышнего и Всемогущего страна была легко покорена». Плененный властелин Паханга был отправлен на царскую «конюшню» смотрителем слонов султана, а дочь пополнила обширный султанский гарем. Сейчас Паханг — самый крупный штат Западной Малайзии.

Затем Мансур Шах силой оружия распространил свою власть на другие княжества Малаккского п-ова — Джохор, Кедах, Перак, Селангор и Центральную Суматру. К 1470 г. он стал правителем самой крупной в Юго-Восточной Азии мусульманской империи. В Малакке к тому времени проживало уже около 40 тыс. человек.

Султан вел увеселительную и праздную жизнь в огромном роскошном дворце, крытом красной черепицей и увешанном снаружи огромными зеркалами. «Так прекрасен был этот дворец, — отмечали путешественники того времени, — что ни один царский замок в мире не мог с ним сравниться по великолепию».

Окружали Мансур Шаха знатоки Корана, поэты, маги и чародеи. Он не занимался государственными делами и все свое время проводил в религиозных диспутах, беседах о литературе, охоте, пирах. И в правление этого, по признанию современников, «слабохарактерного, бесцветного и мирного» человека Малаккский султанат достигает своего расцвета, переживает свой «золотой век».

Все становится на свои места, если познакомиться с Тун Пераком, властным и решительным, коварным и дальновидным малайцем, который занимал пост *бендахары* с 1456 по 1498 г. Это он был архитектором и строителем империи. Его неограниченное влияние на султана прекрасно иллюстрирует случай, когда 15-летний наследник престола Раджа Мухаммед за пустяковую оплошность в игре убил сына Тун Перака и главный министр заставил Мансур Шаха отправить злого юношу на вечное поселение в Паханг.

Бендахара создал большую, дисциплинированную и хорошо обученную армию, воинственный *сорак* — боевой клич — которой наводил ужас на весь Малаккский п-ов и Суматру. Возглавляли армию храбрые и преданные воины. За верную службу наиболее отличившиеся из них получали звание *ханг*, сокращенное от *хулубаланг*, что значит «командир».

Более всего из них известен отчаянный храбрец *ханг* Туах. Выполнив несколько рискованных поручений султана, он дослужился до звания *лаксмана*, т. е. адмирала. Имя этого малайзийского д'Артаньяна стало легендой, о нем сложены повести и баллады, его подвиги сегодняшние школьники Малайзии изучают на уроках истории. Крис *ханг* Туаха, традиционный малайский кинжал с резной рукоятью и волнистым лезвием, используется сейчас как царская регалия султаном штата Перак.

Главный памятник «золотого века» Малакки — это Колодец султана у подножия Китайской горы. Местные жители считают, что если омыть водой из этого Колодца лицо и руки, то избежишь в жизни все невзгоды. Поверье родилось, видимо, потому, что даже в самые засушливые годы, когда в городе пересыхали все источники, этот колодец оставался наполненным чистой водой. Недаром завладевшие позднее Малаккой гол-

Памятник «золотого века»
Малакки—Колодец султана

ландцы обнесли его высокой крепостной стеной с узкими бойницами. Они предвидели, что им придется не раз сидеть в осажденной Малакке и тогда наличие питьевой воды будет решать исход осады.

Около Колодца меня и застал вечер. Солнце, приобретающее цвет раскаленной меди, быстро скатывалось в притихшее к ночи море. Я знал, что через 15—20 минут южного, меняющего цвета с калейдоскопической быстротой и неповторимостью заката падет непроницаемая тропическая ночь. Уже начал свою всеобщую звонкую хор цикад, ушли торговавшие около Колодца нехитрыми сувенирами мальчишки, в лавчонках

через дорогу зажглись ослепительные, до боли в глазах, керосиновые лампы.

Было грустно от сознания того, что золотой век Малакки оставил на память о себе один невзрачный колодец. Я понимал, что памятником ему служит и вся нынешняя мусульманская Западная Малайзия, от самого северного штата Перлис до самого южного — Джохор. Но это нельзя было потрогать, окинуть взглядом, ощутить физически.

Те, кто хоронил Мансур Шаха, знали, что время не пощадит ни его дворцов, ни мечетей, ни порта, ни садов. На найденной случайно в 1918 г. в Малакке, а позднее вывезенной англичанами из Малайзии и утраченной надгробной плите этого самого известного малаккского султана арабской вязью было написано:

Мир преходящ,
Нет в мире постоянства,
Мир хрупок. Он похож
На пряжу паука.

Во имя креста и короля

Памятников эпохи европейской колонизации в Малакке предостаточно. Первые белолицые появились в малаккских водах в 1509 г., когда султанат достиг своего расцвета. Это были прибывшие на разведку из Гоа пять кораблей под португальским флагом во главе с капитаном Лопезом де Секвейрой. Жители Малакки с возгласами «Смотрите, белые бенгальцы!» окружили высадившихся на берег первых европейцев, щупали их бороды, одежды, трогали оружие. Прием был мирный и дружелюбный.

Капитану со всеми полагающимися иностранному послу почестями султан Махмуд Шах дал аудиенцию и принял от него послание короля Мануэля. Но индийские купцы, зная уже «франков» по Индии и боясь потерять монополию на торговлю с Малаккой, подговорили султана перебить чужеземцев, захватить их корабли. Получив от доброжелателя предупреждение, де Секвейра успел поднять паруса и уйти в море. Но впопыхах он оставил на берегу два десятка солдат, которых сул-

тан упрятал в яму. Независимой Малакке после этого осталось жить всего два года.

Конечно, не враждебный прием был причиной последующей интервенции португальцев. Осуществляя «во имя креста священный поход» против мусульманской веры и объявив «во имя короля» войну монополии арабов на торговлю восточными пряностями, они так или иначе со временем подчинили бы Малакку. Захватив ее, они становились хозяевами богатейшего малаккского рынка и могли контролировать весь морской путь из Европы в Китай.

«Каир и Мекка,— утверждали они,— будут превращены в руины только тогда, когда Малакка будет вырвана из рук неверных. Тогда и Венеция будет покупать пряности только в Португалии».

Покорил Малакку губернатор Гоа Алфонсо де Албукерк. В июле 1511 г. он ввел в малаккскую бухту 18 кораблей с более чем тысячью солдатами. Из записки, тайно переданной ему от португальцев, оставшихся в плену, он узнал, что ключом к овладению городом был мост, перекинутый через реку в полукилометре от устья и соединяющий левобережные кварталы простолудинов с усадьбами аристократии на правом берегу.

«Захват моста решит победу»,— говорилось в записке. Он очень хорошо виден на средневековой португальской гравюре, хранящейся в музее и изображающей крепость, построенную португальцами после того, как деревянная Малакка была сожжена. Этот мост, много раз реконструированный, стоит и сейчас. С него хорошо просматриваются нынешние малаккские причалы и уходящая в глубь города, облепленная китайскими домиками река.

25 июля Алфонсо де Албукерк приказал трубить сигнал «в атаку». «Франки» стреляли из корабельных пушек так густо, что «ядра сыпались как дождь», а «треск мушкетных замков был подобен треску обжариваемых на сковороде орехов».

Взять мост удалось лишь 10 августа при повторной атаке. Основным звеном малайской обороны был отряд из 25 боевых слонов. На беду, мушкетная пуля угодила в глаз вожаку стада. Обезумевшее от боли животное бросилось с поля боя, увлекая за собой остальных сло-

нов. Малайская армия была смята. 24 августа, после мощного артиллерийского обстрела, португальцы без особого труда «вошли во дворец султана». «Люди Малакки бежали, и Малакка пала», — говорится в «Истории Малайи».

Сын Алфонсо де Албукерка потом писал, что при взятии города «все мусульмане, женщины и дети, погибли от меча, пощады не было никому». Султан Махмуд Шах с приближенными бежал на юг. Большая часть его наемного яванского войска разбежалась по окрестностям. Город был сожжен дотла. Вместе с последними угольками навсегда угасли слава и величие Малакки. Никогда больше не суждено было ей подняться до прежних высот могущества и процветания.

Португальцы захватили множество «слитков золота, кувшинов с золотым песком, горы драгоценных камней, рулоны дорогого шелка, редкие благовония и куски ценного дерева». Для себя Алфонсо де Албукерк оставил массивный золотой браслет тонкой работы и шесть китайских бронзовых львов для фамильного склепа. Королю и королеве он отобрал позолоченный паланкин султана. Но ничем из награбленного воспользоваться не пришлось. Все богатства на следующий год вместе с завоевателем Малакки легли на морское дно. Корабль, на котором Алфонсо де Албукерк возвращался в Гоа, попал в жесточайший шторм и затонул у берегов Суматры.

Через полгода после взятия Малакки португальцы на правом берегу реки, на пепелище, выстроили каменную крепость, которая получила название А Фамоса (Известная). Гравюра в музее дает полное представление о том, какое это было мощное сооружение. Подплывавших к Малакке теперь встречала выраставшая прямо из воды шестиметровая крепостная стена, утыканная пушками и достигавшая в отдельных местах толщины до 3 м.

По свидетельству европейских историков, А Фамоса была самой неприступной крепостью в Юго-Восточной Азии в те времена. Ни одна попытка взять ее приступом в последующие 130 лет не увенчалась успехом.

За каменной стеной португальцы выстроили целый город. На холме, где некогда сверкал на солнце черепицей и зеркалами дворец султана, был сооружен как

«символ победы христовой веры» храм Богородицы. Всего же набожные конкистадоры построили девять церквей. Местному населению жить в крепости не разрешалось. Они разместились на левом берегу, в районе, который сейчас является центром китайского квартала.

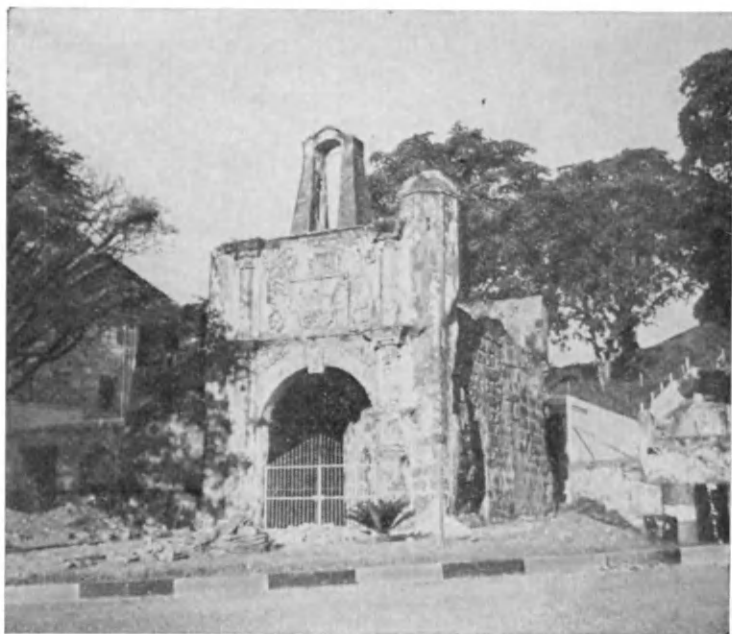
С приходом европейцев Малакка утратила свое значение международного торгового порта. Восточные купцы стали все реже заходить в ее воды. Их отталкивала походящая на грабеж, насильно навязываемая новыми хозяевами Малакки система налогов. Все проходящие через Малаккский пролив суда под страхом уничтожения должны были заходить в порт и платить назначаемую совершенно произвольно пошлину. Кроме того, попытки португальцев превратить Малакку в центр пропаганды и распространения христианства заставляли многих торговцев, которые в большинстве своем исповедовали ислам, избегать встреч с «франками».

Махмуд Шах, все еще считавший себя правителем империи, которая фактически развалилась с падением Малакки, не раз пытался вернуть себе бывшую столицу.

Из построенного на одном из островов к югу от Сингапура нового дворца он предпринял шесть морских и сухопутных походов на Малакку, но взять каменную твердыню не смог и умер изгнанником в 1528 г. Правда, сменявшие одна другую осады Малакки мешали португальцам наладить торговлю.

Во второй половине XVI в. в борьбу за изгнание белолицых бородачей из Малакки активно включилось северосуматранское государство Аче. Но, к сожалению, не как сторонник малайцев, а как соперник, преследующий свои корыстные интересы. Правители Аче мечтали захватить Малакку, стать хозяевами новой мусульманской империи, подобной малаккскому султанату XV в. Поэтому в растянувшейся почти на целое столетие борьбе за влияние на Малаккском п-ове малайцы и ачехцы то и дело воевали друг с другом, вместо того чтобы объединить свои силы в борьбе с чужеземцами. Более того, в этой борьбе они иногда даже вступали с португальцами в военные союзы.

В 1582 г., например, португальцы помогли малайцам Джохора отразить вторжение армии Аче. После победы

Порта де Сантьяго

джохорский султан Абдул Джалил Риайят Шах II посетил Малакку, чтобы лично выразить благодарность губернатору А Фамосы. Что чувствовал этот прямой продолжатель династии малаккских султанов, когда въезжал в город, отобранный у его отца? А в 1587 г., когда португальцы сровняли с землей уже его столицу Джохор-Ламу и перебили тысячи малайцев, ачехцы послали в Малакку гонца с поздравлениями и подарками и на время прекратили нападения на европейские суда.

От неприступного форта А Фамоса в сегодняшней Малакке остались ворота Порта де Сантьяго и остатки мощного фундамента крепостной стены. Судя по музейной гравюре, описаниям очевидцев и сохранившимся обломкам, можно вполне допустить, что крепость стояла бы и по сей день, не уничтожь ее порохowymi взрывами англичане, пришедшие в Малакку позднее,

Забутые временем

Еще одно свидетельство португальского пребывания в Малакке — стены храма Богородицы. Вернее, фундамент и остатки стен, на которых сменившие португальцев голландцы соорудили церковь св. Павла. И голландцам, и появившимся позднее в Малакке англичанам она служила местом захоронения. Но был там похоронен, правда временно, и один известный португалец — не раз посещавший Малакку миссионер Фрэнсис Ксэвиер. Проповедуя христианство, он умер где-то близ южных берегов Китая. Тело причисленного к семейству святых «апостола Востока» в 1533 г. какое-то время находилось в Малакке, пока его не вывезли на постоянный покой в Гоа. Сейчас те несколько квадратных метров в глубине церкви, которые когда-то служили священнику временной могилой, покрыты пологом, сваренным из металлических полос. Это место считается всеми христианами Малакки святым, и там я встретил человека, который познакомил меня, пожалуй, с самым интересным наследием периода португальского владычества.

Он сразу привлек к себе внимание. Его смуглое лицо носило отчетливо выраженные европейские черты. Прямая линия узкого носа, округлость глаз, жесткие очертания губ — все говорило о том, что он неазиатского происхождения.

Человек что-то ожесточенно бормотал, порой резко вскрикивал, после чего бился головой о стальную решетку полога. Время от времени он, широко раскинув руки, всем телом прижимался к железу и затихал на несколько мгновений, чтобы с удвоенной яростью заняться самоистязанием.

Я дождался его у выхода и заговорил с ним. Странного человека звали Да Силва. Он оказался одним из проживающих и поныне в этих местах полутора тысяч потомков португальского гарнизона Малакки XVI в. С большой готовностью он согласился проводить меня в поселок его общины в 3 км к югу от Порта де Сантьяго.

Поселок из традиционных малайских деревянных домиков на сваях сразу же поразил не по-малайски прямыми улочками со странными для непосвященных названиями — Да Коста, Да Сантьяго. Неазиатское про-

Потомок португальских завоевателей, Малакки.

исхождение жителей выдавали не только лица, но и гортанный, отрывистый говор. Лингвисты утверждают, что говорят они на языке, базой которого служит архаический, средневековый португальский, вобравший в себя искаженные слова из других европейских языков, а также из местных.

За четыре с лишним столетия португальская община сохранила свою целостность. Она осталась христианской и с местными жителями вступает в общение только в одном месте — на рыбном рынке. Мирный и скудный рыбный промысел — единственное средство к существованию потомков жестоких, склонных к авантюрам конкистадоров. Живут они чрезвычайно бедно, в подавляющем большинстве безграмотны, отличаются редкой пассивностью. Заботу о своем благополучии полностью

отдали в руки небольшой группы прибывших из Европы миссионеров.

Их полная лишений, безрадостная жизнь оживляется, когда вечерами молодежь собирается с гитарами на берегу моря. Девушки в ярких широких юбках под дробный стук кастаньет пускаются в страстный, темпераментный танец, а юноши запевают давно забытые миром нежные романсы о любви отважных рыцарей к жгучим очам прекрасных принцесс. Только в такие, становящиеся все более редкими вечера можно увидеть в глазах рыбаков тот огонь, который согрел и их далеких предков.

На вопрос о том, что он думает о своем будущем, Да Силва мрачно сказал: «Его нет». Он признался, что каждое утро ходит к временной могиле «апостола Востока» и молит Богородицу хоть на мгновение перенести его на неведомую ему родину. Он приносит страшные клятвы, готов похоронить здесь себя заживо, лишь бы это чудо свершилось, хотя бы во сне.

Но как может человеку присниться страна, где он ни разу не был! Денег на билет ему не собрать и за три жизни. Время остановилось для Да Силвы. Ему нет дороги к уже давно ставшим чужими португальским берегам, а путей слияния с местной жизнью он еще не нашел.

Чрезвычайно редко на руке у потомка португальского гарнизона Малакки увидишь часы. Им нет нужды следить за течением времени. Их монотонная, застывшая жизнь подчиняется только одному ритму — вечной и неизменной череде отливов и приливов.

От португальцев до независимости

«Вытащите португальцев из моря — и они погибнут, как рыбы без воды», — говорили военные стратеги Европы XVII в. Именно по этой ахиллесовой пяте Португалии и ударили ее соперники в борьбе за сферы влияния в Юго-Восточной Азии — голландцы. В июне 1640 г. при помощи армии султана Джохора Абдул Джалил Риайят Шаха II они обложили А Фамосу с суши и с моря и одновременно заблокировали Гоа, чтобы преградить путь спасательной экспедиции.

К новому году в осажденной Малакке было съедено все, вплоть до кошек, собак и даже крыс. Гарнизон катастрофически поредел не только от голода, но и от вспыхнувших с приходом дождей эпидемий малярии и холеры. 14 января 1641 г. он не смог отразить совместную атаку голландских и малайских сил. Город стал частью колониальной империи Голландии в Юго-Восточной Азии.

С 1619 г. объединенная Ост-Индская компания, под вывеской которой Голландия грабила Юго-Восточную Азию, обосновала свою контору в Батавии (совр. Джакарта). Малакка интересовала ее лишь как конкурирующей в торговле пряностями порт. Голландцы и захватили А Фамосу с единственной целью — задуть в Малакке торговлю. С приходом новых колонизаторов значение Малакки как торгового центра падает.

Восстановив крепость, частично разрушенную при осаде, новые хозяева превратили ее в обычный сторожевой пост на стратегически важном морском пути.

Хорошо сохранились в старом городе построенные голландцами административные здания из кирпича. До сих пор эти крытые черепицей красные коробки используются городскими властями под учреждения. Историки утверждают, что это самые первые голландские каменные постройки в Юго-Восточной Азии.

Красной штукатуркой отделана и церковь, возведенная в 1753 г. на правом берегу реки. Ныне она действует как англиканская церковь Христа. В ней сохраняется коллекция средневековых голландских серебряных кубков. Строгие и лаконичные линии церкви дают представление о простоте и некоторой подчеркнутой суровости протестантской архитектуры. Они резко контрастируют с каменной резьбой, колоннами и башенкой ворот Порта де Сантьяго — творением рук склонных к украшательству и помпезности католиков-португальцев.

Такое сравнение сейчас было бы невозможным, если бы осуществился план английских колонизаторов, пришедших на смену голландцам. В 1795 г., в разгар Наполеоновских войн в Европе, Голландия на время перешла Малакку Англии, с которой была в союзе против Франции. Голландцы не без оснований опасались, что у них не хватит сил удержать А Фамосу в случае атаки французского флота.

Новые хозяева предвидели, что их колониальные интересы рано или поздно столкнутся с голландскими и им когда-нибудь придется штурмовать Малакку. Чтобы облегчить себе эту задачу, они постарались использовать временную оккупацию с максимальной для себя пользой.

Первым делом они попытались разрушить крепость. Нелегко было сровнять с землей стены, простоявшие около трех столетий, к тому же такие толстые, что, когда их разламывали пороховыми взрывами, отваливались «куски величиной со слонов и даже больше». Потом появился план полного уничтожения всего города. Жителей Малакки, около 15 тыс. человек, предполагалось вывезти на о-в Пинанг, который к тому времени уже лет десять принадлежал британской короне. Англичане хотели возвратить союзникам «населенное призраками кладбище камней». Этот чудовищный план был отменен в последнюю минуту.

Но все усилия англичан оказались напрасными. По окончании Наполеоновских войн в 1818 г. они вернули голландцам Малакку, но всего лишь на шесть лет. В 1824 г. по Голландскому соглашению «город и крепость Малакка и зависимые от нее прилегающие территории» были отданы голландцами «в вечное пользование» Англии. Амстердам обязался «никогда не создавать в любой части Малаккского п-ова каких-либо поселений и заключать какие-либо соглашения с любым местным правителем».

Взамен Малакки голландцы получили английскую колонию Бенкулен на Суматре. Так две европейские колониальные державы поделили между собой Юго-Восточную Азию на сферы «исключительного» влияния.

До 1957 г., когда Малайя приобрела независимость, Малакка оставалась под господством Англии (133 года).

Четыре года второй мировой войны приходятся на оккупацию Малайи Японией (1941—1945). Наследие английского периода проявляется в Малакке в той же мере и в тех же формах, что и по всей стране. Сделав центром своей торговли о-в Пинанг, а затем Сингапур, англичане с самого начала отвели Малакке роль порта местного значения. Устье реки, обмелевшее в результате наносов, не могло принимать океанские пароходы.

Малаккский порт сегодня

Сейчас к низким, заплесневевшим деревянным причалам малаккского порта могут подходить лишь утлые баржонки, с помощью которых разгружают стоящие далеко в море современные сухогрузы.

Так за четыре с половиной века иноземного господства процветавшая и гремевшая славой от Каира до Токио Малакка превратилась в «тихое и провинциальное» прибежище для многочисленных туристов и всех желающих отдохнуть от шумной городской жизни.

Движением и шумом старый город наполняется только во время школьных каникул, когда со всех уголков Малайзии в Малакку приезжают дети, чтобы познакомиться с прошлым страны в музее под открытым небом. Здесь, как нигде в другом месте, молодежь, не знавшая

горечи и унижений колониальных лет, может оценить все то, что принесла ей независимость.

Одну из таких школьных групп я встретил на берегу моря, у Железного креста, поставленного португальцами после взятия Малакки в том месте, где в 1509 г. на малайзийскую землю ступила нога первого европейца. Учитель рассказывал детям о митинге, который состоялся здесь в 1957 г. На нем впервые малайзийцам было объявлено о грядущей независимости. Здесь, и только здесь, у Железного креста, где началась долгая европейская колонизация, следовало сообщить и о ее кончине. «Пусть этот крест,— с воодушевлением говорил учитель,— станет для нас, малайзийцев, могильным памятником колониализму, обокравшему нашу землю и наши души».

Майн гасинг

Уже пора было возвращаться в Куала-Лумпур, а на фестивале народного искусства я так и не побывал. В моем распоряжении было еще около трех часов, и я решил съездить в расположенное недалеко от Малакки местечко Пантай Кундур, где уже второй день шел фестиваль. Приехал и задержался на целых полдня — и не жалею.

Фестиваль, как я и предполагал, не был чем-то выдающимся. Большая часть его программы состояла из концертов традиционных малайских танцев и песен. Их можно было увидеть и услышать в Куала-Лумпуре. Но включенный в программу древний вид народной спортивной игры — запуски волчков, как мне было известно, лучше всего сохранился в Малакке. Вокруг площадки с крутящимися волчками я и провел несколько часов.

Как долго может крутиться волчок? Минуты три, пять, ну от силы десять. Наше воображение, отталкаясь от восприятия волчка как детской игрушки, дальше не идет. А здесь волчки крутились по часу и больше. Конечно, они совсем не похожи на ярко раскрашенную жестяную юлу, которой забавляются наши дети.

Словоохотливый пускатель волчка Мааруф разъяснил, что изготовление его — долгий, до двух месяцев, трудоемкий процесс, требующий опыта и твердой, уме-

лой руки. Начинается он с отбора кругляша из тяжелого, прочного дерева. Предпочитают малайцы вырезать волчок из дерева *мербау*, которое имеет ровный цилиндрический ствол. Кругляш высушивают на солнце недели три. Затем из него вручную вытачивают диск радиусом 20—25 см, похожий по форме на спортивный. По периметру отшлифованный до блеска диск, чтобы придать ему еще большую тяжесть, обрамляют свинцовой шиной. Внизу, строго в центре, намертво закрепляют стальную иглу, а наверху оставленное при выточке цилиндрическое возвышение высотой в два пальца украшают серебряным колпачком, чаще всего выполненным в форме цветка. Теперь только остается, высверливая в шине отверстие, отбалансировать диск, и волчок (по-малайски *гасинг*) весом 5—6 кг готов.

Но запустить его (*майн гасинг*) тоже надо уметь. Тут требуется не только сила, но и ловкость, острый глаз. Перед запуском верхнюю плоскость *гасинга* покрывают ровным слоем клейкого, густого сока дерева *кечуну*. На смазанную поверхность, начиная от цилиндрического возвышения, тугими кольцами укладывают толстую веревку. Одному человеку трудно справиться с этим делом. Хозяину волчка кто-нибудь помогает. Упираясь ногами в землю, помощник крепко держит свободный конец веревки, как при перетягивании каната, а запускающий, поворачивая кольцо за кольцом, подтягивает его к себе.

Оставшийся веревочный хвост он особым образом обматывает вокруг кисти руки, в которой держит *гасинг*, заносит волчок над головой, делает несколько шагов вперед, а затем, присев и высоко вскрикнув, резко бросает диск в очерченный на земле круг.

Сидящий на корточках на черте круга помощник молниеносным движением подсовывает под кажущийся неподвижным от быстрого вращения волчок деревянную лопаточку *чокок* и так же быстро пересаживает его с лопаточки на вбитый рядом с кругом бамбуковый шест, в торец которого вделана металлическая тарелочка. В нее заблаговременно опустили каплю кокосового масла.

Если запускающий в какой-то момент не так повел руку, присел больше положенного или нерасчетливо дернул за веревку, то диск на шесте скоро даст *ленггок*,

т. е. завибрирует, потом закачается и минут через десять свалится. Но если он не ошибся, а его помощник окажется достаточно проворным, то *гасинг* будет вращаться около часа. Мааруфу сказал, что однажды его волчок вращался полтора часа.

В этом виде запусков побеждает тот, чей волчок продержался на шесте дольше остальных. Но есть еще одна разновидность игры. Соревнуются две команды из трех-пяти человек. По жребию одна из них первой запускает свои волчки в круг. Потом наступает черед второй. Каждому ее участнику надо бросить свой *гасинг*, но так, чтобы он, сбив один определенный волчок соперников, продолжал крутиться в кругу. Не собьешь ничего или собьешь не тот волчок — выбываешь из игры. Так команды и состязаются, пока одна из них не выбывает из игры целиком.

Эта народная игра родилась давным-давно. *Майн гасинг* была одним из самых любимых зрелищ султанов Малакки. Сейчас этот народный спорт по-прежнему широко распространен среди малайцев-крестьян. После уборки урожая, когда у них появляется свободное время, они сходятся деревня на деревню командами по 40 человек и более и состязаются от зари до зари. Перед тем как выйти к кругу, хозяева волчков непременно отдают их местному колдуну *бому*, который заклинаниями и дымом от тлеющих высушенных трав призывает духа дерева, заключенного в волчке, не допустить *ленггок*.

Волчки еще настолько популярны, что министерство культуры по делам молодежи и спорта успешно устраивает состязания в разных штатах. Оно даже подумывает о разработке единых для всей Малайзии правил этой народной игры, которые унифицировали бы размеры и вес волчков, различные в каждом штате. Тогда станет возможной и организация соревнований в общенациональном масштабе. Если эти планы осуществляются, то древний спорт *майн гасинг* получит второе рождение.

Там, где сливаются реки

В лежащей близ экватора тропической Малайзии выросшим в северных и средних широтах приходится нелегко. Не покидает ощущение, что постоянно находишься в бане. Температура в стране в течение всего года 26—32° по Цельсию, а среднегодовое количество осадков составляет 3—4 тыс. мм. Достаточно побыть на улице четверть часа, чтобы все тело охватила испарина и возникло нестерпимое желание встать под струю прохладного душа.

Кроме того, нас, привыкших к четырем временам года со всеми их прелестями и неудобствами, уже через полгода начинает удручать вечное жаркое и влажное малайзийское лето.

В Малакке еще можно было дышать. Остывший в морских даях бриз приносил невесть какую, но все же свежесть, а по утрам и вечерам даже прохладу. А в Куала-Лумпуре из тропической бани не выходишь даже по ночам.

Этот самый большой город Малайзии лежит вдалеке от моря и со всех сторон окружен высокими зелеными холмами. Он находится как бы на дне глубокой чаши. Движение воздуха, нагретого солнцем и отравленного дыханием большого города, незначительное.

Это заметно, когда въезжаешь в Куала-Лумпур через единственную брешь в цепи холмов на западе, со стороны порта Кланг. Уже издалека видно покрывшую город неровной сферой серую дымку. Ядовитая шапка исчезает на какое-то время лишь после хорошей грозы с гигантскими, раскалывающими небо и землю молниями и чудовищным громом.

Куала-Лумпuru немногим более ста лет. В переводе с малайского название города означает «болото, где сливаются реки». Так окрестили это место те, кто в

1858 г. первыми высадились на берегу р. Кланг недалеко от того места, где в нее впадал Гомбак — река поменьше. Их глазам предстало болото, дышащее тяжелыми испарениями, полное крокодилов и звенящее турами москитов.

Первопроходцы приплыли сюда из Кланга, столицы султаната Селангор, лежащей в устье одноименной реки. Интересна история возникновения султаната. Основали его выходцы с индонезийского острова Сулавеси, представители народности бугов. В 1677 г. султан Джохора пригласил их в качестве наемного войска для войны с суматранским государством Джамби. На всю Юго-Восточную Азию буги славились как «гордые, воинственные и независимые» люди.

Султан нанял их, зная их боевые качества, но забыв об их независимом духе. Когда наемники одержали для него ряд блистательных побед и надобность в них отпала, султан не смог спровадить их восвояси. Более того, буги обратили свое оружие против хозяина. Они разорили Джохор, потом северные малайские султанаты Кедах и Перак; немало хлопот они доставили сидевшим тогда в Малакке голландцам, а в 1742 г. основали новую султанскую династию в захваченном Селангоре. Первым правителем нового султаната стал Раджа Луму, сын Даенг Челака, одного из пяти братьев-бугов, которые во главе наемного войска когда-то прибыли по зову султана Джохора.

Через два столетия после этого продолжатель бугийской династической линии направил вверх по Клангу экспедицию из 87 человек. Они должны были найти олово. Из глубины материка река выносила породы, говорившие о том, что где-то вверху по течению лежат мощные пласты оловонесущей глины. Первые же пробы, взятые пионерами с невысоких холмов, окружавших место слияния Кланга и Гомбака, показали, что это и есть те самые пласты.

Девственные джунгли сурово наказали всех, кто посмел потревожить их первозданный покой. Через месяц от экспедиции в живых осталось всего 20 человек. Остальных скосила малярия, сожрали крокодилы, засоало болото. Но вместе с гомоном вспугнутых человеческими голосами птиц вниз по реке понеслась молва об олове. И потянулись к поселку старателей сотни пере-

полненных надеждами на скорое обогащение лодок. Стали строиться дома. Сначала временные, потом постоянные — все больше и больше. Так было положено начало Куала-Лумпуру.

Становление будущей столицы было мучительным. В первые годы деревянный поселок не раз сжигали дотла пожары, носили безудержные наводнения. Не меньшей бедой были частые и жестокие гражданские войны. Добывали олово кули, приезжавшие из южных провинций Китая. В погоню за призрачным счастьем их гнала нужда.

Они привезли с собой обычай объединяться в кланы по месту рождения. В Селангоре самыми крупными были кланы хакка и кантонцев. В руках их руководителей, «капитанов», сосредоточивалась вся власть над общиной.

Когда между кланами вспыхивал спор из-за богатого оловом участка, то он неизменно переходил в кровавую резню. Длительностью и жестокостью эти усобицы отличались в 60—70-х годах прошлого столетия. Победу тогда одержал «капитан» Яп Ах Лой. В 1873 г. после двухнедельной войны на улицах Куала-Лумпура он не без помощи англичан укрепился как единственный хозяин города.

В наступившую после этого относительно мирную пору Куала-Лумпур быстро растет, набирает силу. К 1879 г. в нем проживало около 10 тыс. человек. В те годы англичане, владевшие тремя портовыми городами — Пинангом, Малаккой и Сингапуром, — активно прибирали к рукам Малаккский п-ов. Мимо богатого оловом города они, конечно, пройти не могли.

В 1880 г. управление Куала-Лумпуром из рук Яп Ах Лоя полностью переходит к английской колониальной администрации.

Англичане переводят в него столицу султаната Селангор, а через 15 лет после этого Куала-Лумпур становится столицей находящейся под властью англичан Федерации малайских штатов. С приобретением независимости 31 августа 1957 г. город, ставший крупнейшим в Малайзии административным и промышленным центром, провозглашается столицей новорожденного государства. Это был самый подходящий подарок Куала-Лумпуру в год его столетия.

По улицам и площадям

В сегодняшнем Куала-Лумпуре от болота, конечно, не осталось и следа. На том месте, где некогда высадились первые люди, в память об этом событии стоит красно-белая мечеть в окружении кокосовых пальм. Но ее теперь нелегко отыскать. Невысокие купола и минареты затерялись среди беспорядочного нагромождения разнокалиберных и разностильных зданий делового квартала.

От прошлого столетия в нем остались ряды двухэтажных лавочек. На нижнем этаже — прилавки с товарами, склад, на верхнем — жилище лавочника. Своими покосившимися грязными стенами они лепятся к высотным конторам, отелям, универсамам из бетона, стекла и металла. Днем здесь всегда многолюдно, нестерпимо жарко, от обилия выхлопных газов из глаз льются слезы.

К вечеру узкие улочки заполняют сотни тележек на велосипедных колесах. Каждая освещена ярко-белым пламенем керосиновой лампы. На тележках — дешевые тряпки, обувь, галантерея. Центр превращается в шумный и бестолковый ночной базар, переполненный мало что покупающими зеваками.

Такие же тележки заполняют и освободившиеся на ночь площадки для стоянки автомобилей. Рядом с каждой тележкой — колченогий стол и четыре табуретки. Там торгуют дешевыми горячими яствами, фруктами, жареными орехами, напитками.

Есть в городе множество ночных закусочных. Самая знаменитая «обжираловка» находится на улице Кэмпбелл. Когда проезжаешь мимо нее днем, то лучше не смотреть. Безлюдный, наглухо забраный железными дверьми, насквозь прокопченный барак, где располагаются кухни, производит отнюдь не способствующее аппетиту впечатление.

Но каждый вечер, часов с семи, когда настает запахнуты двери, зажжены яркие огни, на заставленных столиками цементных площадках перед бараклом трудно найти свободное местечко. Густые тени скрадывают все то, что так неприглядно днем, а разнообразие и хорошее качество блюд вовсе заставляют забыть о дневных сомнениях.

Центр Куала-Лумпура

Сюда приходят целыми семьями с грудными детьми и ветхими стариками. Сравнительная дешевизна делает Кэмпбелл доступным для большинства горожан. Здесь можно отведать почти все, чем богата малайзийская кухня. Малаец предложит вам *сатэ* — нанизанные на деревянные палочки и обжаренные на открытом огне кусочки баранины или курятины — так сказать, мини-шашлыки. Предварительно мясо выдерживают целые сутки в соусе, приготовленном из земляных орехов и обильно сдобренным пряностями.

Подают *сатэ* со свежим огурцом, красным репчатым луком и прессованным, завернутым в банановый лист вареным рисом. Но главное, что делает *сатэ* столь оригинальным по вкусу, — это острый, сладковатый ореховый соус, в который обмакивают кусочки мяса, прежде чем отправить их в рот. Мини-шашлыки готовят прямо у вас на глазах, на мангалах с древесным углем. Ровным и умеренным пламя поддерживается ручным веером. Рядом — китайский торговец. У него из клетки можно выбрать живого краба, и через 10—15 минут его

Федеральный секретариат

принесут на широком блюде дымящимся и утопающим в остром соусе. Чуть в стороне тамил по заказу быстро готовит *муртабу* — индийский омлет с луком. Одно удовольствие смотреть, как он ловкими и точными движениями переливает сырую яичную массу из стакана в стакан или переворачивает омлет на огромной черной сковороде.

Если хотите, здесь можно поковырять вилочкой редких моллюсков, отведать три-четыре вида китайской лапши *ми*, заказать жаренного по-малайски цыпленка *айям халал* и еще множество редких, экзотических блюд.

Причем, несмотря на то что весь барак и площадка перед ним разделены на десятка два принадлежащих разным хозяевам секций, все можно вкусить, не выходя из-за столика. Стоит только попросить — и тут же ваш заказ по живому телефону будет передан в нужную секцию, а через несколько минут по цепочке приплывет и нужное блюдо. Удобен Кэмпбелл еще и тем, что здесь можно взять ужин на дом. Отобранные кушанья горячими завернут в полиэтиленовую пленку, соус перельют

Парад в День независимости

в пластиковые мешочки, завернут в газеты и вы донесете все это домой еще горячим. Все здесь подают прямо с огня.

В центре города, в хаотичном переплетении старого и нового, восточного и западного, каменного и деревянного, богатого и бедного особняком на названной в честь первого премьер-министра Малайзии улице Туанку Абдул Рахмана стоят цепочкой великолепные здания. Они были выстроены в начале нынешнего века под влиянием традиций исламской архитектуры. Их портики, украшенные каменными кружевами галереи, могут соперничать своей воздушностью и затейливостью с дворцами калифов из «1001 ночи». Сейчас эти здания заняты под такие центральные учреждения, как муниципалитет, федеральный секретариат, главный почтамт, министерства.

У главного входа центрального здания с высокой четырехугольной часовой башней в День независимости сооружают трибуну, с которой Верховный правитель Малайзии принимает военный парад. Перед зданием через дорогу на вечнозеленой глади огромного поля проходят общенациональные митинги, выступления военных и школьных оркестров, международные соревнования по теннису, хоккею на траве. В будни поле занимают гоняющие мяч мальчишки. Но зеленая площадь известна не только парадами и спортивными зрелищами.

* * *

В начале декабря 1974 г. я по заведенному порядку поехал в Департамент информации за последними официальными сообщениями. Угол департамента как раз выходил на улицу Туанку Абдул Рахмана. Метров за пятьсот до департамента стало очевидным, что в центре творится что-то чрезвычайное. На обочинах улиц с заведенными моторами стояли громадные красные машины с водяными пушками, грузовики с солдатами. К центру шеренга за шеренгой двигались полицейские в касках, с дубинками и плетеными из бамбука щитами.

Вскоре мою машину остановили. Дальше не пропускали даже по корреспондентскому удостоверению. После долгих уговоров офицер пропустил меня за кордон пешком. На зеленой площади я увидел настоящий бой. Ухали разрывы гранат со слезоточивым газом, выли сирены, слышались крики раненых: полиция разогнала студенческую демонстрацию.

Как потом выяснилось, около 2 тыс. молодых малайцев еще до рассвета собрались на поле с намерением вручить властям петицию, в которой они требовали от правительства принять срочные меры, которые облегчили бы жизнь крестьян.

В тот год, год свертывания экономической активности в капиталистическом мире, Малайзия оказалась в тяжелом положении. Ее экономика ориентирована на экспорт сырья, главным образом каучука, олова, пальмового масла и древесины, в западные страны. И каждый раз, когда в США, Западной Европе, Японии в свя-

зи с промышленным застоём сокращается спрос на сырьевые товары, Малайзию лихорадит.

Особенно ощутимо падение цен на сырьё ударяет по крестьянам — владельцам крохотных каучуковых плантаций. В 1974 г. крестьяне штатов Кедах и Перак были доведены до такого отчаяния, что стихийно направились в административные центры, требуя риса. В поддержку «голодных маршей» и выступили столичные студенты. Они пришли на главную площадь с плакатами: «Долой голод!», «Накормите крестьянских детей!», «Остановите обнищание народа!» Полиция встретила их дубинками и слезоточивым газом.

Но на этом демонстрация молодежи не прекратилась. Под натиском грубой силы студенты были вынуждены отступить в университетский городок на окраине столицы. Четыре дня полиция и армейские подразделения держали их в осаде, а когда настроения учащихся стали передаваться горожанам, оккупировали общежития. Арестам подверглось свыше тысячи студентов. Студенческие союзы были разогнаны. Их руководителей упрятали за решетку по Закону о внутренней безопасности, допускающему содержание в тюрьме без суда, следствия и срока.

Студенческие волнения, их размах и характер были знаменательными во многих отношениях. В прошлом в Малайзии не раз случались стихийные бунты учащейся молодежи. Но все они были направлены в поддержку чисто студенческих требований: улучшения условий быта или отставки какого-нибудь преподавателя, повышения роли диплома при устройстве на работу или изменения учебной программы.

А декабрьские выступления возникли не случайно: студенты хотели узнать, как живут крестьяне, послали в деревни своих делегатов, а когда им стало известно о царивших там нищете и голоде, посчитали своим гражданским долгом выступить в защиту обездоленных.

Самое крупное в истории Малайзии политическое выступление студентов было подавлено силой. Лидеры молодежных организаций упрятаны в тюрьмы, сами организации запрещены, в вузах введены правила, по которым каждый студент должен давать письменное обязательство не заниматься политикой. Но, как указывалось в одной из последних листовок декабрьских волнений,

репрессии уже не в силах остановить процесс политического пробуждения молодежи. «Протесты будут продолжаться, с каждым разом становиться все настойчивей и решительней, и так будет до тех пор, пока в стране существует социальная несправедливость».

* * *

Крупномасштабное строительство с применением современных материалов и методов началось в малайзийской столице недавно, в последние два десятилетия. Дань модернизму чувствуется во всех новых постройках. Ее не избежала даже Национальная мечеть, которая, казалось бы, в силу своего функционального назначения должна была быть выполнена в традиционных формах. Но в мечети нет обычных куполов-луковиц, все ее линии прямы и жестко очерчены. Тем не менее она производит впечатление легкости и прозрачности. Это впечатление усиливается, когда находишься внутри. Свет льется со всех сторон: через каменную решетку стен, синее стекло крыши, от играющего солнечными бликами неглубокого бассейна вокруг минарета.

Самая главная служба в главной мечети страны происходит в день *райя нуаса*, когда мусульмане заканчивают ежегодный месячный пост рамадан. Он приходится на девятый месяц лунного календаря, и в течение его верующие в дневные часы не принимают пищу, не пьют воду, а усердные не глотают даже слюну. *Райя нуаса* празднуется в тот день, когда нарождается луна десятого месяца.

Утром под удары бубнов к мечети стекаются многотысячные колонны верующих. Мужчины в темных шапочках-пилотках *сонгкок*, в светлых рубашках со стоячим воротником. Поверх светлых брюк на бедро надета короткая юбка *сонгкет* из вытканной вручную ткани, расшитой в зависимости от доходов золотой, серебряной или простой ниткой. Женщины в национальных *баджу куронг* — сшитых из одинаковой ткани просторных блузах до колен и юбках.

Прежде чем войти в мечеть, все разувается, омываются, шепча молитвы, ноги, руки, лицо. Совершив омовение, мусульмане проходят внутрь, расстилают захваченные из дома коврики с вытканными на них изречениями из Корана и рассаживаются ровненькими ряда-

Национальная мечеть

ми. Некоторые из них в белых чалмах. Это хаджи, люди, совершившие паломничество в Мекку. Мужчины и женщины внутри мечети разделяются. У женщин своя половина, которую они заполняют после омовения и смены одежды.

Служба начинается после того, как в первый ряд верующих усаживаются Верховный правитель, премьер-министр, другие члены кабинета. Имам читает Коран, радио разносит его пение по всей мечети, мусульмане повторяют за ним вполголоса. Во весь голос они хором пропевают время от времени «Аллах акбар!» («Велик Аллах!»). Современная радиотехника еще шире применяется в будние дни. Муэдзину теперь нет надобности взбираться на минарет и, напрягая связки, пять раз в день звать единоверцев к молитве. За него это делают магнитофон и мощные динамики.

Колонна верующих в день райя пуаса

При строительстве мечети удалось на редкость гармонично сочетать внешний вид и интерьер. К сожалению, этого не скажешь о парламенте. Снаружи здание просто восхищает своим совершенством: белое, воздушное, с высокой башней, похожее на лебедя, готового взлететь с зеленой глади обрамленного цветущим парком холма. Оно, как драгоценный камень, в полную меру раскрывает тонкость и глубину своих граней благодаря удачно выбранной оправе. Но внутри очарование исчезает. Сверху давят уходящие ввысь тяжелые потолки, темный мрамор стен угнетает, множество лестниц создает атмосферу беспорядка.

Здесь заседает высший орган законодательной власти — парламент. Он состоит из двух палат: верхней — сената и нижней — палаты представителей, здесь же работают многочисленные парламентские комиссии. На

Парламент

внутреннем дворе парламента ежегодно в апреле совершается торжественная церемония открытия очередной сессии, главное действующее лицо которой — малайзийский монарх, Верховный правитель.

«Даулат Туанку!»

Малайзия — конституционная монархия. Полный титул правителя — Дули Янг Маха Мулия Шри Падука Багинда Янг Ди-Пертуан Агунг. Кратко это с малайского можно перевести как Его Величество Верховный правитель. В Юго-Восточной Азии монархии остались еще в Таиланде и английском протекторате Бруней.

Особенность малайзийского монархизма заключается в том, что Верховный правитель — лицо избираемое. 9 султанов, составляющих Совет правителей, раз в 5 лет избирают Верховного правителя и его заместителя. На срок своих полномочий избранный переезжает в расположенный на окраине Куала-Лумпура роскошный государственный дворец.

В функции монарха входят созыв и роспуск парламента, назначение губернаторов штатов Пинанг и Малакка, президентов Сабаха и Саравака, премьер-министра страны, членов кабинета министров. Он утверждает принятые парламентом законы, он же главнокомандующий вооруженных сил и первый страж «особых прав» малайцев — коренных жителей Малайзии. В этом отношении монархия как институт играет определенную и значительную в условиях многонациональной Малайзии политическую роль. Поэтому она и пользуется такой мощной поддержкой со стороны малайской буржуазно-помещичьей верхушки.

В феврале 1976 г. мне довелось быть свидетелем возведения на малайзийский престол шестого Верховного правителя, султана штата Келантан Туанку Яхья Петра ибни аль-Мархум Султан Ибрагима. Подготовка к этому событию началась чуть ли не за месяц. К торжественному дню Куала-Лумпур был разукрашен национальными флагами, гирляндами из бумажных цветов и электрических лампочек, традиционными арками с надписью «*Дуалат Туанку!*» («Будь славен, мой господин!»). День возведения на престол был объявлен выходным. Школьников отпустили на каникулы.

Пышная, по-восточному чопорная церемония из-за обилия приглашенных состоялась не во дворце, как положено, а в самом крупном столичном конференц-зале имени Туанку Абдул Рахмана. Церемония велась по тому же ритуалу, что и во времена малаккских султанов XV в. Она хранит в себе множество элементов, унаследованных еще из доисламской эпохи, и поэтому интересна в историко-этнографическом плане.

После того как по периметру поля перед зданием Девана собрались гости, включая всю малайзийскую аристократию в сияющих золотом и драгоценными камнями парадных одеждах, прибыл будущий Верховный правитель с супругой. Голову его украшал специальный убор *тенгколок ди-раджа*.

Издавна короной малайским султанам служил замысловато обернутый вокруг головы, расшитый золотом шелковый четырехугольный платок. У каждого султана платок сворачивали особым и единственно неповторимым способом. У Верховного правителя *тенгколок* свернут в форме, символизирующей «бесконечную жажду».

Верховный правитель Малайзии

Что подразумевалось под «жаждой», мне не мог разъяснить даже такой знаток дворцовых обрядов, как главный церемониймейстер двора. Украшает *тенгколок дираджа* исламская эмблема — месяц и 11-конечная звезда из платины с 66 бриллиантами. Звезда имеет 11 концов, потому что в 1957 г., когда изготовляли эмблему, Малайзия состояла из 11 штатов. Сабах и Саравак присоединились к ней позднее.

Тенгколок носят не только аристократы. Он служит головным убором малайцам в такой торжественный день, как, например, свадебный. Отличить простую повязку от султанской несложно. Лишь люди аристократического происхождения могут носить *тенгколок* с торчащим над правым ухом углом платка. В Национальном музее выставлено около двух десятков образцов

повязки. Трудно поверить, что четырехугольный платок можно свернуть без единой булавки и ниток столькими не похожими один на другой способами. Это мастерство идет из глубины веков и передается из поколения в поколение.

Далее — ритуал почетного караула. Он ничем особенным не отличался от тех, что устраиваются при встрече всех высоких иностранных гостей, на открытии парламента или в День независимости. Исполнен национальный гимн, опущены до земли знамена, отдан рапорт. Будущий Верховный правитель обходит две шеренги солдат: Все они одного роста, в бело-зеленой униформе. За ним неотступно следует слуга, держа над его головой широкий зонт из желтого шелка.

Почетный караул — новый элемент в церемонии. Его позаимствовали у англичан. А вот то, что перед тем, как начали собираться гости, поле, шепча заклинания, обошел *бомс*, малайский шаман, уходит своими корнями еще в доисламскую Малайю анимистов. Колдун заклинаниями уговаривал дух неба не разразиться в самый ответственный момент проливным дождем.

Остальная часть церемонии проходила внутри помещения. Нас, журналистов, в зал не пустили. Мы наблюдали, стоя на шатающихся досках лесов, специально воздвигнутых у окон под крышей.

На задрапированной желтым шелком сцене и под навесом, тоже желтого шелка, был установлен привезенный из здания парламента трон — два одинаковых кресла для правителя и его супруги. Они сделаны из твердого красного дерева *найрех*, обтянуты красной тисненой кожей, украшены тонкой резьбой. По обе стороны от трона, вдоль стен — кресла для знати. По периметру зала — бравые молодцы с пиками, зонтами, флагами.

Появление будущего монарха приветствовал протяжной, несколько унылой для современного уха мелодией оркестр *нобат*. Его музыка и состав инструментов не изменились с тех пор, как он был создан для музыкального оформления церемоний султанов Малакки XV в. Три барабана разной величины, две флейты и гонг исполняют около 15 канонизированных мелодий, в которых основную партию ведет флейта *серунай*. *Нобат* играет только на таких церемониях, как восхождение султана на престол, его свадьба и похороны. Оркестранты — при-

вилегированная каста. Свое искусство они передают только своим детям. Музыканты, исполнявшие дошедшие без изменений из глубины веков гимны в честь шестого Верховного правителя Малайзии, были прямыми потомками оркестрантов малаккского двора XV в.

На троне без пяти минут Верховный правитель согласно ритуалу сидел неподвижно, с ничего не выражающим лицом и устремленным в пустоту взглядом. Ему править на земле не только как монарху-человеку, но и как заместителю бога на земле, полусвятому. Поэтому и не пристало суетиться, встречаться глазами с простыми смертными. Названия почти всех регалий монархической власти, элементов церемонии включают наряду с малайскими множество санскритских слов. Это указывает на то, что дворцовые обряды в Малакке XV в., распространившиеся впоследствии по другим султанатам Малайзии, складывались под сильным влиянием индуизма.

Оркестр заиграл новую мелодию, и в зал внесли регалии Верховного правителя — серебряную булаву *чоган алам* (вселенский жезл), символизирующую светскую власть, и булаву *чоган угама* (жезл веры), знак духовной власти, также отлитую из серебра.

На малиновой бархатной подушке несли самую главную регалию — *крис ди-раджа панджанг* (длинный крис раджи), традиционный малайский кинжал. Его лезвие отлито из лезвий султанских крисов 11 малайзийских штатов-султанатов. На его золотых ножнах выгравирован герб Малайзии, а рукоятка отлита тоже из золота в виде лошадиного копыта. Крис — символ власти и силы. Его имеет право обнажать только Верховный правитель.

Это он и сделал, завершая церемонию. Заключительному акту предшествовало чтение выдержек из Корана и текста провозглашения. Написанный древнеяванским шрифтом *джави*, текст гласил: «В соответствии с конституцией Малайзии их Королевские Высочества правители штатов Малайзии избрали его Королевское Высочество Туанку Яхья Петра ибни аль-Мархум Султан Ибрагима Верховным правителем. Настоящим объявляется всему народу и другим живущим в Малайзии, что Туанку Яхья Петра ибни аль-Мархум Султан Ибрагим с этого дня провозглашен Верховным главой Малайзии с титулом Его Величество Верховный Правитель».

Новый монарх принес присягу, обнажил крис и поцеловал лезвие. Все присутствующие в зале малайзийцы поклялись в верности монарху. Трижды они произнесли «*Даулат Туанку!*». Размещенная во дворе соседской школы артиллерийская батарея салютовала 21 залпом. В Малайзии на пять лет воцарился новый Верховный правитель. Вечером в честь этого события для народа в парках были устроены бесплатные зрелища, фейерверк.

Городские «деревни»

Куала-Лумпур известен как один из самых зеленых городов Юго-Восточной Азии. В столице лишен зелени только закованный в камень и асфальт деловой центр. На расходящихся от него улицах административные и торговые здания, жилые корпуса, отели разделяют широкие полосы насаждений. А еще дальше от центра невысокие дома прямо-таки утопают в зеленом море. Помнится случай, как в одном из таких кварталов 14-летний мальчик вечером отошел слишком далеко от дома и с наступлением темноты заблудился. Его удалось отыскать только под утро.

Городские власти стремятся сочетать развернувшееся в последнее время строительство с мероприятиями по сохранению природы. Но зеленые острова нужны городу не только для красоты или свежего воздуха. Чтобы понять еще одну причину, достаточно немного углубиться в гущу деревьев. Под их густой сенью прячутся поселки из деревянных лачуг без канализации, водопровода и большей частью без электричества. Около сотни таких «деревень» (*кампонгов*) насчитывает до 200 хижин, более мелких — гораздо больше. Занимают они в общем 15% территории города, а вмещают почти треть его полумиллионного населения. Эти трущобы — горе и позор Куала-Лумпура, недуг, трудно поддающийся лечению.

Появляться они начали с первыми сельскими мигрантами в послевоенные годы. Безземельные, безработные крестьяне шли в город, которому не хватало рабочих рук. Оседали они на государственной земле, в стороне

от оживленных улиц, подальше от административных глаз.

С годами поток мигрантов рос. В 1972 г., например, из сельской местности в столицу переехало около 25 тыс. человек. Росли и трущобы. Их «строительство» было даже превращено ловкачами в бизнес. Вновь прибывшей деревенской семье они быстро помогали расстаться с последними грошами, сколотив для них за ночь из случайных материалов лачугу где-нибудь на темной окраине.

«Деревни» вскоре превратились в злокачественную опухоль Куала-Лумпура. Царящая в них антисанитария сделала их источником регулярных эпидемий. Столицу каждый год стала навещать уносящая десятки жизней лихорадка *денге*. Разносчики болезни — москиты разводятся в стоячей воде, которой в лишенных водопровода трущобах предостаточно. Не случайно этот недуг местные жители так и окрестили — «трущобная лихорадка». А безграмотная, зачастую безработная молодежь «деревень» стала благодатной почвой для проституции, преступности и других социальных пороков.

Покончить с «деревнями» с помощью бульдозеров власти не решаются. Никакие доводы о незаконно занятой земле не сдержат гнева задавленных нуждой людей, если их лишит последнего — пусть дырявой, но все же крыши над головой.

Поэтому мигрантов не сгоняют. Более того, к самым крупным *кампонгам* подводят дороги, электричество. Но это не решает проблемы.

Жителей «деревень» следовало бы переселить в благоустроенные государственные дома. А в этом направлении делается крайне мало. В 1974 г. муниципалитет запланировал за пять лет построить для обитателей трущоб 30 тыс. квартир. Такие темпы далеко отстают от роста населения «деревень» за счет естественного прироста и новых мигрантов. Если не предпринять какие-то чрезвычайные меры, то наступит день, когда трущобы вылезут из-под зеленого прикрития. Тогда внешняя гармония города и природы в один миг обернется жуткой дисгармонией города и «деревни».

Еще одно несчастье малайзийской столицы — наводнения. Бывают такие месяцы, когда город ежедневно поливает кратковременный дождь. Он начинается в одно

и то же время на протяжении многих недель. Можно даже, шутят горожане, по дождю проверять часы. Но бывает и так, что с неба льет несколько суток без перерыва. Тогда уже не до шуток. Дренажная система старая, масштабам выросшего города не соответствует, и если какое-то ее звено начинает захлебываться, то вода в считанные минуты захлестывает целые кварталы, а то и районы. В феврале 1971 г. стихия разбушевалась настолько, что вся столица неделю плавала в мутно-желтом «море».

Триада без грима

Малайзия — страна многонациональная. Основную часть ее населения (43%) составляют малайцы, или, как они себя называют, *бумипутра*, т. е. сыновья земли. Вторая по величине национальная община (37%) — китайская. Первые китайцы осели еще в XV в. в Малакке. Но основная масса начала прибывать со второй половины XIX в., когда в глубине Малаккского п-ова было найдено олово.

Добывать металл, спрос на который стремительно рос в связи с развитием консервной промышленности, малайские султаны приглашали кули из южных провинций Китая. Желających разбогатеть в «оловянной лихорадке» прибыло так много, что вскоре китайская община вышла из-под контроля местных властей, стала самоуправляемой. Приезжали китайцы с мыслью, обогатившись, вернуться домой, но исторические обстоятельства сложились так, что многим из них пришлось остаться в Малайзии.

Третью национальную общину составляют тамилы, выходцы из Южной Индии. Они прибыли в Малайю во времена каучукового бума в первые десятилетия нынешнего века. Тогда резко возрос спрос на резину для автомобилей, и Малайя, оказавшаяся идеальным местом по климатическим и почвенным условиям для бразильской гевеи, покрылась обширными каучуковыми плантациями. Для сбора сока гевеи, латекса, хозяева плантаций, англичане, стали вербовать бедняков в Индии. Многие из них осели в конце концов на новой земле. Так возникла третья община.

Китайский квартал Куала-Лумпура

Многонациональность больше всего чувствуется в городах. Деревни и поселки целиком малайские, китайские или индийские. Однако в любой деревне, какой бы она ни была, хозяин лавки — всегда китаец. А городское население состоит, правда в разных в зависимости от географии пропорциях, из представителей всех трех общин.

В городах на восточной половине Малаккского п-ова преобладают малайцы, на западной — китайцы. Из западных городов в этом отношении показателен Куала-Лумпур.

Преобладание китайских вывесок на торговых улицах, китайских лиц в банках и деловых конторах, изобилие китайских школ, госпиталей, ресторанов создают в целом представление о столице как о китайском городе.

Для того чтобы в Куала-Лумпуре не создавалось ложного впечатления о национальном составе населения всей страны как о китайском, власти в последние годы предпринимают некоторые меры. Хозяев банков, отелей, контор, торговых учреждений обязывают брать на работу малайцев, вывески дублировать на малайском языке. В городе создано несколько торговых малайских центров и рядов. Заметно увеличилось число малайцев в розничной, мелкой торговле и кустарной промышленности.

Преобладание китайского населения в столице сильно сказывается также и в том, что преступный мир ее представлен китайскими тайными обществами. Правда, в XVII в., когда они только начали возникать (на юге Китая), с уголовным миром ничего общего не имели.

Первое тайное общество, согласно легендам, основали буддийские монахи как орудие религиозно-политической борьбы с маньчжурской династией. Пять монахов, бежавших из разгромленного правительственными войсками монастыря, разошлись по южным провинциям и стали создавать общества с целью поднять широкое восстание. Символом их был избран треугольный флаг, концы которого, по представлению буддистов, отражают три элемента, на которых зиждется вселенная,— небо, землю и человека. Поэтому тайные общества еще известны и как триады.

Условия деятельности развили в триадах конспиративные начала. Вступая в общество, новые члены давали страшные клятвы, а за нарушение строгих правил устава грозила смерть. Всего тридцать шесть клятв. Буддисты считают, что на столько равных частей разделено небо, которое призывается в свидетели, когда вступающий в триаду дает клятвы.

Обряды тайных обществ полны мистических деталей. Их члены — исключительно мужчины — собирались в полумраке вокруг украшенного шелком и уставленного ритуальными предметами деревянного алтаря. При посвящении новых лиц в жертву духам основателей движения приносили белого петуха.

В триаде соблюдалась строгая субординация. Руководил ею Красный жезл. Его первыми помощниками были пять Тигров — люди, облеченные правом убивать.

За ними следовали духовный наставник и церемоний-мейстер. Белый веер и посыльный, а также специалист по ведению переговоров с другими триадами — Соломенная сандалия. Положение в иерархической лестнице определяла степень изысканности и богатства ритуальной одежды.

Когда в XIX в. китайцы прибывали в Малайю, то их тайные общества, утрачивая в новых условиях свою религиозно-политическую роль, превращались в органы самоуправления общины. Руководители триад, которых здесь стали называть «капитанами», взяли в свои руки решение практически всех вопросов, связанных с жизнью членов общины, независимо от того, принадлежали они к обществу или нет. Прибравшие тогда к своим рукам Малаккский п-ов англичане сознательно поддерживали этих диктаторов, вступая с ними во всякого рода сделки. Ведь «капитаны» исправно поставляли рабочих на оловянные разработки, пресекали всякие попытки китайцев сблизиться с местным населением. Это как нельзя лучше отвечало колониальной политике, строящейся на известном принципе «разделяй и властвуй».

При попустительстве колониальных властей общества вкусили и запретного плода: стали устраивать на разработках игорные и публичные дома, занялись контрабандой спиртного и опиума. А обрядовая сторона в жизни триад в то время стала забываться.

С приобретением Малайзией независимости общества окончательно превратились в шайки преступников. Китайская община была полностью подчинена национальной администрации, и власти «капитанов» пришел конец. Одни из них, используя влияние и награбленные деньги, стали легальными воротилами в финансовой и торговой сферах, другие ушли в подполье как короли нелегального уголовного мира.

Сейчас в Куала-Лумпуре, по данным полиции, действует около 30 триад, объединяющих до 12 тыс. человек. Город они поделили на зоны влияния и стараются не нарушать их границ. Любой противозаконный акт, начиная от обшаривания карманов зевак и кончая крупными сделками в обход налогового управления, так или иначе связан с триадами. Но самые распространенные пути добывания денег остаются традиционные: вымога-

тельство, нелегальные игорные и публичные дома, контрабанда, торговля наркотиками.

Не найдешь в Куала-Лумпуре ни одного китайца, от велорикши до владельца банка, который бы не платил гангстерам отступных денег. Население чувствует себя настолько беззащитным перед триадами, что готово платить ежемесячную дань, лишь бы не подвергать себя или своих родственников опасности быть искалеченными или даже убитыми.

В 1975 г. общества перессорились из-за сфер влияния и устроили на городских задворках настоящую войну. Только за первых полгода в глухих переулках произошло около 30 сражений, некоторые из них с применением огнестрельного оружия.

Эти стычки полиция относит на счет омоложения рядов триад. В общества пришли молодые люди и стали требовать новых порядков, новых границ. Почерк мафии заметно изменился. Действия гангстеров стали поражать своей жестокостью, бесчеловечностью даже выдавших виды ветеранов из уголовного розыска. Навсегда ушли те времена, когда в триадах право на убийство давалось избранным лицам. Сейчас даже мелкий воришка без колебаний всадит тебе нож в живот или обольет лицо кислотой.

В триадах стала возрождаться обрядовая сторона. Один из новичков, участник церемонии посвящения в члены общества, нарушив все клятвы, рассказал мне, как в темной и тесной комнате он с десятком сверстников произносил клятвы. Их читали по бумажкам, и каждая клятва заканчивалась одними и теми же словами: «Если я нарушу эту клятву, то пусть в меня вопьются мириады мечей». После этого молодые люди, надрезав ножом средний палец левой руки, выдавили несколько капель крови в чашу с вином и, пустив ее по кругу, осушили. Так состоялось их принятие в мафию. Разумеется, клялись они не в готовности бороться с диктацией Маньчжу до конца жизни, а в беспрекословном повиновении главарю шайки и молчании.

В середине 60-х годов многие специалисты уголовного розыска с удовлетворением поговаривали о том, что триады изживают себя, вянет их влияние, убывают силы. Удовлетворение оказалось преждевременным. Они ожили. И как! Пополнились готовыми в каждую минуту

на любое преступление головорезами. Теперь власти вынуждены создавать специальные отделы по борьбе с тайными обществами и постоянно разоблачать их «тайну».

Тайпусам

С Муту, нашим садовником, творилось что-то неладное. Он осунулся, стал молчаливым, даже посерел. Подолгу теперь сидел он на корточках в тени дерева с отрешенным видом. Я спросил: что случилось? Тамил ответил, что ничего особенного, просто он готовится к реликому дню *тайпусам*. Оказалось, что уже около месяца он ест только раз в сутки и только молоко, овощи и фрукты. Очищающий душу и тело пост должен завершиться в день *тайпусам* в пещерах Бату-Кейвс в 18 км от Куала-Лумпура.

Согласно легенде, давным-давно, одолеваемые злыми демонами, благородные божества обратились к всемогущему Шиве за помощью. Тронутый мольбой, открыл бог свой единственный глаз и из посыпавшихся из него искр создал Субраманиама. На десятый месяц *тай*, когда полная луна проходила через звезду *пусам*, самую яркую в созвездии Рака, Субраманиам одолел темные силы и явился перед божествами в сверкающей колеснице.

С тех пор ежегодно в конце января — начале февраля поклонники победителя, ставшего олицетворением красоты и силы, разума и доблести, отмечают эту победу как символ неизменного торжества добра над злом. *Тайпусам* возник в Южной Индии, откуда его в Малайзию завезли тамилы. Сейчас в Индии он не празднуется так широко, как в Малайзии. Малайзийские индийцы, стремясь сохранить свои национальные обычаи вдали от родины, избрали *тайпусам* главным своим религиозным торжеством и превратили его в двухдневную, пышную и жуткую церемонию.

Тамилы в Малайзии верят в неограниченные способности Субраманиама исполнять любые просьбы, если они обращены в горячей молитве и подкреплены обетом доказать свою преданность богу жертвой в день *тайпусам*. Так, женщина, мечтающая о ребенке, просит Суб-

Лестница, ведущая в пещеру Бату-Кейвс

рама́ниама ниспослать ей беременность, больной молит вернуть здоровье, безработный — вознаградить работой, богатый — увеличить доходы. Муту с полгода назад обратился с просьбой к Субраманиаму: исцелить своего больного полиомиелитом младшего сына.

В *тайпусам* задолго до рассвета он уже был в многотысячной толпе верующих на берегу маленькой речки, огибающей скалу с пещерами. Как только первые лучи солнца позолотили верхушку скалы, Муту вошел в остывший за ночь ручей. Месячный пост надо завершить омовением грешного тела.

На берегу, в толпе, яркими шафрановыми мокрыми накидками выделялись те, кто уже искупался в реке. Группами из трех-пяти человек они стояли, дрожа от холода, у небольших костров. Многие из них шептали молитвы, закрыв глаза и поднеся сложенные ладонями руки ко лбу.

Около каждой группы играл оркестр из трех барабанов. Он повторял один и тот же ритм. Священники в шафрановых хитонах, пританцовывая вокруг костров, глухо бормотали что-то, посыпали мокрые головы своих подопечных пеплом, рисовали им на лбу красной краской *кум-кум* — третий глаз мудрости.

У одной из групп оркестр начал ускорять ритм. Быстрее задвигались и монахи. Причитания их стали переходить в крик. Полуобнаженные тела молящихся охватила легкая дрожь. Вот уже они пританцовывают вместе со священником, кричат что-то невразумительное, глаза их дичают. Вдруг один из них, высунув язык, с безумным, невидящим взглядом упал на колени. Его бьстренько схватили за руки, стиснули, а священник привычным, уверенным движением проткнул ему язык и щеки серебряными иглами, пеплом остановил заструившуюся кровь.

На плечи ему водрузили *кавади*, украшенную цветами и павлиньими перьями полуметровую деревянную арку с портретиком Субраманиама, кокосовыми орехами и парой медных сосудов с молоком. Теперь эту тяжелую ношу надо было донести до бога.

Субраманиама, отлитого из серебра, накануне в специальном ковчеге перевезли из города в храм, находящийся в главной пещере. Везли его целый день, с останками, под музыку, в сопровождении длинной колон-

ны верующих. Повозку тянули два белых буйвола с раззолоченными рогами и копытами. Бог восседал под серебряным балдахином на спине алебастрового, ярко раскрашенного павлина, символизирующего гордость и благородство. В руках серебряный Субраманиам держал трезубец *вель* как регалию власти над вселенной. Ногами он топтал кобру, что значило его превосходство над славящейся бесстрашием и мудростью ползучей тварью.

Донести *кавади* до бога не так уж просто. Далеко. От берега реки до скалы километра два. А потом еще надо подниматься в пещеру по лестнице в 272 ступеньки.

Кроме того, пройти этот путь с громоздкой и неуклюжей *кавади* на плечах требуется не размеренным шагом, а пританцовывая под крики «*вель-вель!*», которыми родственники и знакомые давшего обет убеждают Субраманиама в том, что приносящий жертву не чувствует физической боли, поскольку душа его экзальтирована благодарностью за божескую милость.

Некоторые фанатики доказывают свою преданность, протыкая обе щеки четырехметровым стальным прутком толщиной с большой палец. Другие добираются до пещеры, танцуя в башмаках, подошвами которых служит утыканная гвоздями дощечка. Третьи несут *кавади* не на плечах, а на вонзенных в тело стальных прутьях. В бесконечной, сотрясающейся в жутких конвульсиях, вопящей веренице истязающих себя немало женщин и детей. Подростки, с глазами, полными боли и страха, неловко пытаются подражать безумным движениям взрослых.

После того как верующие преодолевают запруженную плотным людским потоком лестницу, они попадают в душные объятия пещеры. Она пышет жаром пылающих в глубине костров, смрадом сжигаемой камфары, дыханием тысячной толпы, сквозь которую, кажется, невозможно пробраться к алтарю. А пробраться надо. Непременно надо с *кавади* на плечах дойти до Субраманиама. Только под его равнодушным металлическим взглядом можно избавиться от всех орудий самоистязания. После этого останется лишь обсыпаться священным пеплом, вылить жертвенное молоко, разбить кокосовые орехи, и... обет будет выполнен.

Поклонник бога Субраманиама с *кавади* на плечах

Муту далеко не молод. Солнце почти достигло зенита, когда он добрался до зева пещеры. Но здесь силы оставили садовника. Зной, долгий пост, нервное напряжение утра дали о себе знать. Близкие, не давая *кавади* сползти с опустившихся плеч, подхватили старика под руки и потащили беднягу к Субраманиаму. Не дойти нельзя — разгневется бог, накажет.

Приводили Муту в чувство санитары из общества Красного Полумесяца. В медпункт у подножия скалы его принесли без сознания на носилках. Сколоченный наспех из досок барак был переполнен такими, как он. У дальней стены недвижно лежало несколько фигур, с головы до пят покрытых простынями. Напротив громкоговоритель надрывался: «Потерялась девочка 5 лет...». «Мальчик Ганеш ищет своих родителей...» и тому подобное.

Тайпусам продолжался до самого вечера, а наутро убогатворенного Субраманиама в той же колеснице и так же пышно отвезли обратно в Куала-Лумпур. В городе он скрылся в темной кладовой за железными решетками храма Мариаммам по улице Бандар, чтобы через год снова появиться на белый свет для сбора жуткой дани с надеющихся на лучшую долю, верящих в добро, молящих о счастье.

Музей для народа

Большинство современных зданий Куала-Лумпура построено по канонам западной архитектуры. В начале 60-х годов, когда возникла идея построить в столице Национальный музей, первоначальный проект его тоже был подготовлен поклонниками западной школы. К счастью, руководство будущего музея предложило свой проект. В результате Куала-Лумпур приобрел одно из самых оригинальных и красивых зданий современной Малайзии.

Музей построен в 1963 г. по модели крестьянского дома штата Тренггану. Его центральная часть в форме невысокой башни накрыта двумя, одна над другой, остроугольными крышами, а расходящиеся от башни длинные крылья как бы стоят на традиционных сваях. Стены крыльев — сплошное мозаичное панно, рассказывающее об истории Малайзии от Парамешвары до Дня независимости.

В музее всегда много народу, и особенно школьников. Открыт он ежедневно, вход бесплатный. Единственный выходной приходится на мусульманский праздник *райя пуаса*.

Огромной популярностью музей в значительной степени обязан своему директору Шахрум бин Юбу, ученому-историку. Он вечно спешит по делам и имеет свою точку зрения на назначение музеев. «Мы,— говорит он,— отказались от восприятия музея как полуморга для престарелых интеллектуалов и хотим сделать его местом, где можно узнать не только прошлое, но и настоящее, и посещение его должно стать привычным для простого человека». И в музее сразу ощущаешь влияние этой идеи. Большинство экспонатов не упрятаны под

стекло, от зрителей их отделяют лишь веревочные барьеры, не видно и назойливых табличек: «Не трогать!»

Один из четырех просторных залов в правом крыле наполнен атрибутами богатой, многонациональной культуры Малайзии. Здесь собраны богатые коллекции кукол театра теней — *вайянг кулит*, музыкальных инструментов, малайских головных уборов *тенгколок*, индийских ритуальных масок. Манекены, одетые в национальные одежды, воспроизводят сцены из малайской свадьбы, китайской оперы.

В этом же крыле зал на втором этаже дает полное представление о богатстве флоры и фауны тропической Малайзии. Широкие витражи показывают обитателей морского дна, мангровых болот, тенистых джунглей. Восхищение вызывают коллекции насекомых, бабочек, моллюсков. Верхний зал в левом крыле полностью посвящен истории, прикладному искусству, художественным ремеслам. Одним из самых интересных экспонатов исторической секции является камень Тренггану.

Все четыре грани этой перевернутой усеченной пирамиды из серого гранита высотой в 80 см покрыты стершейся от времени арабской вязью. Это — кодекс поведения граждан исламского государства, существовавшего в XIV в. на берегах р. Тренггану в нынешнем одноименном штате на восточном побережье Малаккского п-ова.

Кусок гранита говорит о том, что ислам был известен малайцам задолго до возникновения султаната вокруг Малакки, принадлежавшей суматранскому принцу Парамешваре. На камне высечена дата: пятница, число 4-е, месяц Раджаб, год 702-й (что по христианскому календарю соответствует 22 февраля 1303 г.).

Учитывая то, что новой религии для утверждения в качестве государственной при системе коммуникаций тех времен требовалось по крайней мере пройти через три поколения с момента появления ее первых приверженцев, можно предположить, что ислам впервые проник на Малаккский п-ов в самом начале XIII в., т. е. еще до того, как Марко Поло обнаружил мечети на Суматре. Малайзийские историки считают, что ислам пришел на берега Тренггану через индокитайские государства Чам и Паттани из Южного Китая, который был знаком с Кораном еще в VIII в.

Камень Тренггану — самый первый свидетель приобщения малайцев к мусульманству. Он был совершенно случайно найден в 1887 г., обнажившись после обвала берега, подмытого наводнением. Около 15 лет гранитная пирамида служила святыней в мечети маленькой деревушки, пока ее, также случайно, не увидел историк-любитель. Прошло много лет, прежде чем арабская вязь на Камне была прочитана. Надписи на его гранях, к сожалению, лишь концовка более широкого трактата о нормах поведения. Камень является нижним осколком гранитной стелы, верхняя и большая часть которой еще ждет своих открывателей. Имея полный текст, который непременно должен начинаться с перечисления имен и титулов правителя, ученые могли бы нам рассказать подробнее о древнем государстве на берегах Тренггану.

Центральная башня музея используется под периодические специальные выставки. В год неутомимый Шахрум бин Юб устраивает около 20 таких выставок. Многие из них оказываются настолько популярными, что по просьбе общественности сроки их работы продлеваются на недели, а то и на месяцы. Когда, например, была устроена выставка чучел животных Малайзии, которым грозит исчезновение, то лишь за первые пять дней ее посетило 70 тыс. человек, т. е. почти пятая часть населения столицы вместе с пригородами. Экспозиция, кстати, сыграла свою роль. После нее общественное движение в защиту животного мира получило небывалый для Малайзии размах.

Директор полон новых идей. «Если люди не могут прийти к нам,— говорит он,— мы должны приехать к ним». Когда я покидал Малайзию в 1976 г., то уже была готова программа создания музея на колесах. Огромные автобусы с экспонатами из музея должны были разъехаться по нескольким маршрутам, охватывающим в целом все крупные города страны.

Рожденные для боя

В музее я познакомился с симпатичным высоким индийцем по имени Дас. Он работал в музейной библиотеке, и с его помощью я получил разрешение отснять на пленку многие экспонаты и получить доступ к кни-

гам. В один из своих визитов в книгохранилище мы разговорились о пристрастии малайзийцев к азартным играм. Китайцы готовы ночи напролет сидеть за картами, по вторникам заполняют до отказа ипподромы, а малайцы обожают петушинные бои.

Я высказал сожаление, что в библиотеке нет ничего о петушинных боях. Они запрещены в стране специальным законом (как азартная игра), и, не надеясь увидеть их воочию, я хотел что-нибудь почерпнуть из литературы об этом, некогда одним из самых популярных развлечений малайцев. Дас, к моему величайшему изумлению, пригласил меня в ближайшее воскресенье посмотреть петушинные бои. Несмотря на запрет, они устраиваются, пояснил он. Конечно, нелегально.

Утром, в воскресенье, мы встретились с ним около музея и поехали к Исмаилу, хозяину одного из петухов, которому предстояло сегодня сражаться. Малаец ждал нас. Он быстренько собрался и с петухом под мышкой забрался в машину. Ехали мы долго. Позади остались Куала-Лумпур, скала с пещерами Бату-Кейвс, несколько поселков. После одного из них Исмаил попросил свернуть на проселочную дорогу. Мы проехали около 3 км в сторону от главной дороги и попали во двор небольшой птицефермы. Судя по вывеске, она принадлежала китайцу.

Мы оказались далеко не первыми. Двор был до отказа забит автомобилями. Позади барака, на шестах, под широким брезентовым тентом, приготовлена арена — огороженная растянутой на колышках мешковиной круглая площадка диаметром 4 м. Рядом с ареной, на земле, в решетчатых клетках металась в предчувствии схваток высокие и стройные боевые петухи. Приехавшие на машинах толпой ходили от клетки к клетке и возбужденно обсуждали толщину шеи, крепость груди, длину шпор бойцов.

По дороге Исмаил рассказал, что крылатых гладиаторов готовят к бою в течение двух месяцев. Каждое утро обмывают прохладной водой, тщательно обтирают полотенцем каждое перышко и затем выпускают часа на два на солнышко. Два месяца их кормят в строго определенные часы, держат на особой диете. Регулярно взвешивают. Если вес превышает норму, то прогулки под солнцем удлиняются. Ближе к вечеру петухи

проводят тренировочные бои с отставными бойцами. После тренировок обязательное купание и снова массаж.

Когда все съехались, хозяин птицефермы громко объявил, что можно начинать. Открыть состязание по жребью выпало Исмаилу с его петухом по кличке Шагающий Солдат и еще одному малайцу, петуха которого звали за роскошную окраску хвоста и гордую осанку Золотым Королем. Нежно массируя ноги боевых птиц, нашептывая им какие-то заветные, ласковые слова, Исмаил и его соперник вышли на арену и, крепко держа перед собой уже рвущихся в драку петухов, присели на корточки. Китаец звякнул колокольчиком, и бой начался.

Гладиаторов не надо было подстрекать — они мгновенно взвились в воздух, столкнулись грудью и обменялись первыми молниеносными ударами острых шпор. И так несколько раз подряд. Перья летели во все стороны, песок арены окропили капли крови.

Минут через пять воздушных боев петухи перешли к позиционной борьбе. Упершись друг в друга, они стремились поместить свою голову поверх гребешка соперника. Эта демонстрация превосходства время от времени взрывалась серией новых столкновений в воздухе, после которых на голове и груди оставались глубокие, кровоточащие раны.

По мере затухания ярости боя на арене разгорались страсти вокруг нее. Собравшиеся плотным кольцом зрители прерывающимися, хриплыми голосами повышали ставки, криками радости приветствовали каждый удар. Владельцы петухов с посеревшими, застывшими лицами не сводили глаз со своих питомцев.

Ровно через 15 минут китаец тряхнул колокольчиком. В наполненном водой тазу утонула сделанная из скорлупы кокосового ореха чашечка с маленьким отверстием в середине. Она наполняется водой и тонет ровно через пятнадцать минут после того, как ее опускают в таз.

Исмаил и другой малаец мигом растащили петухов, уселись в разных местах и принялись, ловко орудуя иглой и бритвой, зашивать раны, потом обтирать птиц влажным полотенцем, прочищать смоченным перышком гортани. Все это надо успеть за какие-нибудь десять ми-

Петушиный бой

нут перерыва. Последнее ласковое поглаживание, и вот бойцы снова на арене — начался второй раунд.

«Ах, иту мачам!» («Так его, так!») — завопил кто-то в толпе. Золотой Король клюнул врага прямо в глаз. Полуослепший Шагающий Солдат, прозванный так за походку, не признал, однако, своего поражения и продолжал биться не на жизнь, а на смерть. Его выручил звонок колокольчика на второй перерыв.

Исмаил подшил опухшее веко к коже головы, и начался третий раунд. Солдат, воодушевленный жаждой мщения, стал нападать с такой яростью, что Король не выдержал, начал уклоняться от боя и, распустив хвост, повернулся к сопернику спиной. Сдался. Бой окончен.

Все внимание разом переключилось на того, кто записывал ставки. Крупные пачки денег переходят из рук в руки. Один из игроков не скрывает радости. Ему повезло. Он сорвал куш в половину стоимости автомобиля. Получил несколько радужных бумажек и Исмаил. Гораздо больше — хозяин птицефабрики. Каждый выигравший отсчитал ему положенный процент от выигранной суммы. Китаец равнодушно заткнул деньги за кушак и дал сигнал готовиться к бою второй паре.

Случается, что на арене меряются силами не только лучшие петухи малайзийских штатов, но и чемпионы южных провинций Таиланда и соседнего Сингапура. Такому событию предшествует долгая закулисная подготовка. Играют на таких боях, сказал мне Исмаил, *туан бесар* — знатные господа.

Домой мы возвращались поздно вечером. Исмаил всю дорогу поглаживал петуха. Сказал, что теперь переименует его в память о сегодняшней схватке в Одноглазого рыцаря.

— Что же будет с Золотым Королем? — спросил я.

— Отдадут куда-нибудь как тренировочного или продадут за гроши, — сказал малаец.

Вот если бы он не сдался, а предпочел смерть в бою, то о нем бы вспоминали еще много лет после последней героической схватки.

Магический крис

Ибрагим, торгующий всяким старьем малаец, как всегда, принялся негромко, но настойчиво звать меня через раскрытые двери балкона. Я пригласил его подняться в комнату. Сняв с багажника велосипеда огромную корзину, он втащил ее наверх, удобно уселся на полу и стал раскладывать товар, вынимая из корзины завернутые в обрывки старых газет бронзовые чайники из Брунея, китайский фарфор, деревянные поделки мастеров Бали и прочее. Все это, по его словам, было *судах лама* — очень древним.

По обыкновению, лукавый малаец ломил тройную цену и был готов незлобиво торговаться хоть всю ночь. После часа неторопливой беседы, во время которой мы как бы невзначай возвращаясь к ценам, обсудили здо-

ровье всех родственников, тяготы жизни и тому подобное, Ибрагим понял, что продать ему ничего на этот раз не удастся. Тогда он развернул еще один сверток и протянул мне крис — малайский кинжал.

— Этот двухсотлетний крис сделает господина счастливым, — почти прошептал он. — Я покажу, что он судьбой предназначен господину, — уже громче закончил Ибрагим.

Он обнажил лезвие. На нем уложилось ровно 34 моих мизинца. Мне как раз месяц назад исполнилось 34 года.

Малайцы награждают это традиционное холодное оружие магическими свойствами. Они верят, что кинжал имеет глаза, тело и, разумеется, кровожадную душу. Он может убить человека, лишь прикоснувшись к его следу, отравить родник, темной ночью самостоятельно бродить в поисках жертвы. Крис, говорили в старое время, «ворчит, когда засунут в ножны, и радуется, когда обнажен».

Кинжал способен и на добрые дела. Если им помешать лимонный напиток с цветочными лепестками, тот становится лечебным. Он может также прикосновением избавить от недуга или изгнать из тела человека злого духа.

Историки считают, что крис завезли в Малайзию яванцы в XIII в., в эпоху расцвета явано-индуистского государства Маджапахит. Он чаще всего имеет обоюдоострое волнистое и круто расширяющееся у рукоятки лезвие, символизирующее ползущего змея — священного, мудрого и бесстрашного животного в индуистской мифологии. Число изгибов можно варьировать. Чем больше, тем смертельней крис. Но оно всегда должно быть нечетным. Лезвие такой формы легко проникает в тело и оставляет широкую рану.

Рукоятка у криса особенная. Она свободно крепится под почти прямым углом к лезвию. Оружие держат как пистолет и колющие удары наносят в горизонтальной плоскости. Рукоятку вырезают из дерева, кости или льют из драгоценного металла. Часто она имеет форму человека, охватившего себя руками как бы от холода, и с головой, склоненной на грудь. Называется она *джава демам*, что означает «охваченный малярией яванец».

Раньше каждый малаец ни на миг не расставался с крисом: когда купался, брал его с собой в воду, когда ложился спать, укладывал себе под бок. И уж, конечно, из дома выходил всегда с крисом, заткнутым за юбку. «Ухаживал за ним,— пишут историки,— больше, чем за женой, и ценил его гораздо выше». Клинок, как правило, передавался из поколения в поколение, почитался как знак силы, власти и домашнего благополучия.

В наши дни он таковым остался в богатых домах. Султан штата Перак обладает крисом, который, по преданию, принадлежал легендарному рыцарю XV в., верному слуге султана Мансур Шаха, адмиралу Ханг Туаху. Когда в 1957 г., после приобретения Малайей независимости, был учрежден институт Верховного правителя, для него главной регалией монархической власти тоже был избран крис. Это оружие на торжественных церемониях носят почти все малайцы из имущих классов, простой же люд — лишь один раз в жизни — во время свадьбы. Жених тогда становится «правителем» на день, и ему положен крис, который и покупают в соседней лавочке.

Я не устоял и купил крис, который должен был принести мне счастье. А через несколько дней в одной из лавчонок наткнулся на целую груду этих «древних» кинжалов разной длины и, конечно, в два раза дешевле. Ибрагиму, который знал мой возраст, нетрудно было подобрать кинжал с лезвием в 34 пальца. При следующей встрече я рассказал малайцу о своем открытии. Он охотно признался в проделке и тут же предложил купить бронзовую модель пушки, «отлитую португальцами в XVI в.».

Вверх по Тембелингу

Мы плыли по верхушкам деревьев. Нет, это не оговорка. Мы не летели, а именно плыли. Плыли по лесу, затопленному разбушевавшимся Тембелингом, притоком самой крупной в Западной Малайзии реки Паханг, давшей имя и самому большому в Западной Малайзии штату. Кстати, очень многие штаты страны носят те же названия, что и их главные реки. Это идет еще с тех далеких времен, когда на территории сегодняшней Малайзии в устьях больших рек стали складываться первые централизованные княжества, ставшие с распространением ислама султанатами. Естественно, что назывались они так же, как и река — основная транспортная артерия, связывающая устье с внутренними районами.

Наш моторист то и дело поднимал винт, опасаясь, как бы тот не застрял в ветках. Желтые волны гулко били в невысокие борта лодки, обдавали нас фонтанами холодной воды. Навстречу неслись вывороченные деревья, спутанные обрывки проводов, телеграфные столбы, полузатопленные домишки. С низкого серого неба лилось беспрепятственно. Брезентовый навес в середине лодки нисколько не защищал ни от дождя, ни от ветра. Впервые в тропической Малайзии я дрожал от холода.

И вот так каждый год, сказал моторист. В феврале задуют ветры с востока, нагонят из-за моря туч. Зарядят недельные дожди, река выйдет из берегов, зальет деревни и уголья, сорвет мосты, утопит дороги. Отрезанными от внешнего мира окажутся целые районы. Крестьяне со всей округи собираются на высоком холме и ждут, когда военные на катерах и вертолетах привезут еду, одеяла, медикаменты.

В западной части Малаккского п-ова нет, как и в его восточной части, четко выраженной смены сезонов. Бо-

лее того, там могут выпасть обильные дожди в месяцы, которые принято считать сухими, и, наоборот, может разразиться засуха, когда календарь показывает время дождей. Дело в том, что ползущие с востока дождевые тучи не пропускает на западную часть тянущаяся с севера на юг почти ровно посередине полуострова цепь высоких холмов. Злясь на свою неспособность преодолеть этот барьер, тучи в отместку всю свою ярость обрушивают на восточные штаты Келантан, Тренггану и Паханг.

Как раз в такое время мы попали на Тембелинг. В верховьях реки, в местечке Куала-Тахан, работала группа наших ленинградских геодезистов и гидрографов. Они изучали повадки реки, чтобы подготовить доклад, который бы помог малайзийцам выбрать тип плотины и электростанции, а также место для их строительства. Ленинградцам мы везли письма, советские газеты, новости.

Пока ехали до перевала, ничто не предвещало неприятностей. Погода была ясная, кондиционер в машине исправен, дорога свободна и в прекрасном состоянии. В Малайзии дороги, как правило, ровные и гладкие. Здесь нет тех перепадов температуры от зимы к лету, от дня к ночи, которые доставляют столько хлопот нашим дорожникам. Единственная беда малайзийских дорог — оползни. После мощных ливней засыпаются грунтом или проваливаются вместе с ним десятки метров асфальтового полотна.

На перевале остановились размяться и купить фруктов под раскинутым на шестах брезентовым тентом. Смешливые девчонки из лежащей в лощине деревни торговали бананами, арбузами, апельсинами. Бытует мнение, что тропики — фруктовый рай. Ничего подобного. Все местные фрукты можно пересчитать по пальцам — бананы, ананасы, папайя, рамбутан, мангостан, дуриан. Все остальное привозят из других стран: цитрусовые, яблоки, груши, сливы и т. д. Пробуют в Малайзии, в горах, разводить яблони, но пока безуспешно — плоды мелкие, жесткие и безвкусные, как трава.

Но местные фрукты поистине экзотические как по вкусу, так и по внешнему виду. Особенно в этом отношении уникален дуриан, «король фруктов». Название его происходит от малайского слова *дури* — «колючка».

Величиной со среднюю дыню серо-зеленый плод густо усыпан жесткими колючками.

Русские в шутку говорят, что в основе названия лежит слово «дурной». Столь нелестный отзыв вызван едким, терпким запахом дуриана. Чего-либо более отталкивающего и неприятного для носа придумать трудно. Кажется, что в «аромате» плода переплелись все гадкие запахи, какие только существуют в мире. Кроме того, это зловоние удивительно устойчиво и всепроникающе. Если в багажнике машины дуриан полежит полчаса, то в кабине его запах будет держаться несколько дней. Зная, что европейцы испытывают отвращение к источаемому дурианом «благоуханию», хозяева крупных отелей в Куала-Лумпуре в сезон этого фрукта на дверях вешают таблички: «С дурианом вход воспрещен».

Но если бы дело было только в запахе! Под колючей, толстой и жесткой коркой косточку обволакивает серо-белая мякоть, вкус которой заставляет непривычного к нему человека тарашить глаза и опрометью бежать за стаканом чистой воды. Вкус описать сложно. Он ошеломляет. В нем чувствуется что-то от лука и земляники, чеснока и ванили. Тут горечь и сладость, мякоть жжет небо и вяжет язык.

Малайцы считают дуриан самым вкусным и полезным фруктом. Когда он созревает, в Куала-Лумпуре им торгуют на всех улицах через каждые триста метров. Весь город недели на две-три погружается в дуриановую атмосферу. Местные жители, сидя на корточках, неторопливо перебирают сваленные у обочины дороги кучи дуриана, с закрытыми от удовольствия глазами, с упоением обнюхивают каждый плод, по запаху определяя степень зрелости.

Часто они не могут откладывать блаженную минуту до дома и едят тут же, на месте, не отходя от лотка. Из расколотого большим тяжелым ножом дуриана пальцами выгребают мякоть и отправляют ее в рот, выражая лицом невероятнейшее удовольствие. Когда я говорил малайцам о моей неудачной попытке «насладиться» дурианом, они успокаивали: надо привыкнуть. Зато после десятого раза за уши не оттянуть. Меня хватило только на две попытки. Но я знал нескольких европейцев, которые, преодолев барьер отвращения, стали постоянными едоками дуриана.

Пока мы стояли около фруктовой лавки, погода резко переменялась. Стало темнеть, поднялся ветер, густая серая пелена быстро затянула последние окна в небе, и полил дождь. В Джерангуге готовились к наводнению. В полицейском участке на высоком месте складывали мешки с рисом, картонные коробки с рыбными консервами, пачки свернутых одеял. На пристани молодые люди в белых халатах укладывали в моторные лодки деревянные ящики, помеченные красными крестами. Нас отговаривали плыть вверх по реке. Но присланная из Куала-Тахана лодка ждала нас, моторист обещал добраться к месту до ливня, и, оставив машину у полицейских, мы отправились в плавание.

Через три часа путешествия по верхушкам деревьев, поздно вечером, подплыли к пристани Куала-Тахана. Наскоро поужинав, улеглись спать в небольших домиках. А на следующее утро нашли себя отрезанными от внешнего мира. За ночь Тембелинг поднялся на 6 м, и о возвращении не могло быть и речи.

Река, эта единственная дорога, неистовствовала, и никакая лодка не могла бы справиться с ее буйной волной. Дня три-четыре, пока не спадет вода, сказали нам, придется посидеть в Куала-Тахане.

В гостях у оранг асли

Малайзийские ученые полагают, что заселение Малаккского п-ова происходило в четыре этапа. В ледниковый период, около 200 тыс. лет до н. э., когда полуостров был частью простиравшегося до Австралии материка, на нем появились первые люди негроидного типа. Они были маленького роста, темнокожие, курчавые. Их считают родственниками нынешних аборигенов Австралии и папуасов Новой Гвинеи.

В период между III и II тысячелетиями до н. э. из глубин материка, теперешних южных провинций Китая, на полуостров хлынула первая волна мигрантов-монголоидов. Их называют протомалайцами. Это были люди неолита. В пещерах Гуа Ча в штате Келантан археологи нашли черепки их посуды, каменные топоры и другие орудия труда. Этими находками в Национальном музее Куала-Лумпура открывается зал истории Малайзии.

Полагают, что пришельцы, как и негроиды, вели кочевой образ жизни, но жили не только в пещерах, но и в домах. Кроме собирательства и охоты они занимались рыболовством и даже подсечным земледелием. Как посетители более высокой культуры, они оттеснили негроидные племена во внутренние районы полуострова. В штатах Келантан и Паханг остатки этих туземцев, известные как племя *семангов*, кочуют и по сей день.

За три века до наступления нашей эры полуостров подвергся второму нашествию монголоидов с юга Китая. Дейтеромалайцы были уже людьми железного века. В штатах Селангор, Паханг и Перак они оставили по себе память: бронзовые литавры, колокольчики, железные лопаты, крюки. Как и их предшественники, они распространились по всему Индонезийскому архипелагу и Филиппинам. Жили дейтеромалайцы по устьям рек общинами. Выращивали рис, использовали в хозяйстве буйволов, начинали торговать друг с другом.

Новые мигранты оттеснили протомалайцев в джунгли, подальше от речных и морских берегов. В сегодняшней Малайзии в штатах Паханг и Келантан обитает племя *джакунгов*, считающихся потомками первой волны мигрантов — монголоидов. К ним также относят многочисленную народность *даяков*, обитающую в глубинных районах штата Саравак на Калимантане.

Однако малайское население окончательно сформировалось в результате третьей миграционной волны. На сей раз она пришла с юга, из Индонезии. Это были ушедшие некогда дальше на юг дейтеромалайцы. На о-вах Ява, Суматра, Бали они под влиянием индуизма создали несколько десятков небольших централизованных государств, которые в VIII—IX вв. были объединены под властью правителей династии Сайлендра. Их империя Шривиджайя включала и южную часть Малаккского п-ова. В этот период, видимо, и произошло переселение некоторой части дейтеромалайцев с индонезийских островов на Малаккский п-ов. Смешавшись с родственными им дейтеромалайскими племенами, они сформировали малайское население, которое сейчас в Малайзии называют *бумипутра*, т. е. «сыны земли», тогда как остатки негроидных племен и протомалайцы известны как *оранг асли*, что в переводе с малайского означает «исконные люди».

К *оранг асли* относилась семья *семанга* Мато. Она остановилась недалеко от Куала-Тахана подзаработать в поселке немного денег на случайных работах. Три хижины — вырытые в земле неглубокие ямы, обнесенные с трех сторон плетеными из прутьев стенками и накрытые такой же плетеной, покатою крышей, — таким было семейное жилище.

Скоро я убедился в его надежности. Когда я впервые подошел к хижинам, шедший с утра мелкий дождь вдруг разразился ливнем. Я без приглашения полез под крышу. Внутри было совершенно сухо. Ни одна капля воды не проникла в убежище.

«Дом» был обитаем. Прямо на земле, на горячих углях стоял котелок. Когда глаза свыклись с темнотой, я обнаружил, что на бамбуковых нарах, в грудке лохмотьев лежит человек. На меня без удивления, любопытства, страха или робости смотрели глаза. Они были такими же, ничего не выражавшими, когда я здоровался и извинялся за вторжение. Мой малайский язык, видимо, был непонятен обитателю.

После нескольких минут неловкого молчания я предложил сигарету. И тут фигура тронулась с места. Предложение было принято. Хозяином хижины оказалась женщина, возраст которой не поддавался определению. С прежним, безразлично-спокойным выражением на лице она молча взяла сигарету, неторопливо прикурила от уголька и принялась дымить так, как будто меня рядом вовсе не было.

Позже я видел эту женщину идущей, сидящей на корточках, готовящей еду и каждый раз поражался ее невозмутимости, спокойствию и даже величавости. Откуда, спрашивал я себя, в этой дочери джунглей столько свободы, столько независимости? Откуда в ней эта царственная раскованность? Видимо, она не выделяла себя из окружавшего ее мира джунглей, не знала никаких проблем и сомнений, воспринимая все как должное, неизбежное.

Через полчаса после моего вторжения пришли вымокшие под ливнем мужчины — Мато с братьями и сыновьями. Глава семьи знал немного малайский, и мы договорились, что, пока идет такой сильный дождь, я побуду у него в гостях. Все стали готовиться к обеду. Женщина, оказавшаяся женой Мато, вытащила из темного

угла помятые алюминиевые тарелки и ложки, разложила из котелка рис. Мато ножом вскрыл принесенную с собой консервную банку с рыбой. Это и был весь обед.

Один из сыновей, перед тем как присесть с тарелкой около очага, сменил дырявую рубаху на не менее дырявую майку. При этом он краем глаза наблюдал за мной, как бы говоря: мы тоже знаем правила хорошего тона и меняем рабочую одежду на домашнюю. После обеда я единственный раз видел, как смеялась хозяйка «дома». Муж, видимо, похвалил ее за стряпню или сказал что-то смешное, и она, закинув голову, залилась громким, лающим смехом, щедро обнажив черные обломки зубов. Зубы ее почернели от длительного употребления бетелевой жвачки.

Этим лакомством часто балуют себя малайцы. В пряный и острый на вкус лист бетеля заворачивают семена арековой пальмы и кусочек негашеной извести. Жгучая смесь обладает некоторым наркотическим свойством, вызывает обильную слюну, окрашивая ее в цвет крови. Малайцы наслаждаются этой жвачкой издавна. В наши дни ее употребляют только старики. Молодежь перешла на сигареты.

После обеда я уговорил Мато показать мне свое искусство стрельбы из духового ружья. Вместе с племенем он кочует, и его главное занятие — охота. Правда, в сезон дождей, когда прячутся зверь и птица, он иногда, как, например, сейчас, устраивается на случайную, временную работу. За неделю земляных работ в поселке он получит деньги и купит новый *паранг* — широкий стальной нож, табак, соль, спички и снова присоединится к племени.

Джунгли кормят Мато кореньями, дикими плодами, личинками жучков и мясом. Большая удача, если удастся выследить и поймать в капкан кабана, — пировать можно неделю. Чаще приходится довольствоваться мелкой птицей, мартышками, грызунами. Охотятся на мелочь с духовым ружьем — *сумпитаном*.

Его делают из безукоризненно прямого бамбукового трехметрового шеста, внутрь которого вставляют высохший ствол тростникового растения. Стрелы вытачивают из расщепленного бамбука, пыжом служит высохший мох.

Мато прицепил к стволу дерева широкий лист с куста, отошел метров на двадцать, присел на корточки. Вставил в ружье стрелу, загнал пыж. Потом конец листа взял в рот, прицелился, раздул щеки и коротко и сильно дунул. Стрела попала точно в центр листа, и вытащить ее из коры было не просто — так глубоко она вонзилась.

Семанг объяснил, что секрет стрельбы заключается в мгновенном и мощном выдохе и, конечно, остроте глаза. Нужный выдох получается, если закрыть отверстие в стволе языком, набрать до предела в полость рта воздуха и, когда щеки будут на грани того, что вот-вот лопнут, открыть отверстие и дунуть. Искусные стрелки могут подбить зверька или птицу на расстоянии 30 м. Кончики их стрел обмазаны добываемым из древесных корешков ядом парализующего действия.

Мато и его семья принадлежат к тем *оранг асли*, которые продолжают вести кочевой образ жизни. Их осталось немного. Большая часть негроидов и потомки протомалайцев осели. Огромная заслуга в этом принадлежит созданному после приобретения страной независимости Департаменту по делам коренных народностей. С первых дней своего существования он стал вовлекать аборигенов в строительство новой жизни.

В разных штатах правительство выделило племенам участки земли для поселков — со школами, амбулаториями, магазинами. Много усилий потребовалось, чтобы привить аборигенам навыки сельского труда. Сейчас они выращивают рис, овощи, работают на каучуковых плантациях. Но не забывают и традиционных занятий — рыболовства, охоты, кустарных ремесел.

По данным департамента, в настоящее время в школы ходит около 70% детей аборигенов. Для жителей лесов правительство построило в местечке Гомбак специальный госпиталь, который гордится тем, что усилиями его врачей за последние десять лет смертность среди *оранг асли* сократилась вдвое.

Госпиталь получил такую широкую известность, что стал своеобразным центром, куда стекаются все новости о жизни племен. Их вожди здесь встречаются с представителями департамента. В окружении джунглей они чувствуют себя гораздо свободнее, нежели в тесных городских кабинетах.

Рядом с госпиталём открыта небольшая лавочка, где *семанги* и *джакуны* торгуют ремесленными поделками. Особенно мастерски выполнены деревянные фигурки. Аборигены — анимисты. Они одухотворяют реки, камни, лес, животных. Фигурки как раз и изображают этот таинственный и богатый мир духов *ханту*. Как правило, изображения человеческие, но со звериными ушами или птичьими носами, огромными клыками или лапами фантастических животных. Духи пожирают свои ноги или руки, могут иметь по два лица. Вид у них устрашающий. Это подчеркивается неизменным оскалом и огромными выпуклыми глазами без зрачков. Используется для изготовления демонов твердая древесина. Готовые изделия никогда не красят и не лакируют.

Встретившийся мне в лавчонке резчик Лиак объяснил, что к работе приступает лишь после того, как увидит сон. Утром, когда он берется за долото и молоток, его рукой водит дух сна. Работает Лиак не для денег, а по душевной потребности. «Когда что-нибудь сделаю,— сказал он,— то радуюсь».

Знакомство с семьёй Мато было недолгим. Он уже закончил копать в поселке траншею и собрался присоединиться к племени. Когда я пришел прощаться, семья была готова отправиться в путь: собраны в узлы нехитрые пожитки, связаны жерди для хижин. В голове цепочки стоял Мато с новеньким *парангом* на бедре, за ним мужчины по старшинству, последней шла женщина. Перед встречей с соплеменниками она принарядилась — заткнула за ухо бледно-розовый цветок. Лучшего украшения и придумать нельзя. Мы коротко попрощались. Самый молодой парнишка, тот, что менял перед обедом рубашку на майку, протягивая руку, с улыбкой сказал: «Моска». Это он запомнил, как я вчера говорил о большом городе по имени Москва.

Бесшумно ступая, цепочка двинулась и мгновенно растворилась в зеленом хаосе дымящегося от ночного дождя леса. Я смотрел туда, где они скрылись, пытаюсь представить себе эту маленькую группку людей в безбрежном море джунглей, и поймал себя на том, что думаю о них как о слабых, нуждающихся в помощи. Но тут же вспомнил, что вчера Мато говорил, как хорошо ему в джунглях. Они — его огромный дом, а он, как и любой человек, лучше всего чувствует себя дома.

Несостоявшееся свидание

От Куала-Тахана на север простирался Таман Негара, национальный заповедник, где, судя по туристическим справочникам, нашли себе убежище многие редкие виды тропической фауны.

Животный мир Малайзии богат, но и ему грозит быть уничтоженным. Бесконтрольная охота, освоение больших площадей под лесоразработки, плантации, широкое применение ядохимикатов в сельском хозяйстве уже нанесли заметный ущерб. По данным Общества натуралистов, единственной в стране, малочисленной и не располагающей достаточными средствами организации, борющейся за охрану природы, к настоящему времени в малайзийских джунглях осталось не более 500 тигров, 450 слонов, 300 диких коров *селаданг*. На грани исчезновения оказались дымчатые леопарды, суматранские носороги, лесные кошки, некоторые виды крокодилов, птиц. Последний яванский носорог был застрелен в 1932 г. для Лондонского музея.

В 1975 г. правительство приняло Закон об охоте, взявший под государственную защиту 34 вида животных. Но он не запрещает убивать зверей и птиц — «вредителей сельского хозяйства». Прикрываясь этим, браконьеры в год убивают до 15 слонов, столько же примерно тигров, сотни обезьян, тысячи пернатых.

Предпринимаются и другие оградительные меры. Операция «Слон» началась с прибытия в Кланг, морские ворота страны, советского теплохода «Комсомолец Уссурийска» с необычным грузом на борту — четырьмя дрессированными слонами. Их привезли из Индии. Капитан сказал, что плавание четвероногие пассажиры перенесли нормально, если не считать небольшой паники, в которую они впали во время шторма в Бенгальском заливе. Из порта гигантов на специально оборудованных грузовиках отправили в лесные дебри штата Паханг. Там каждое утро с охотниками на спинах они уходили в джунгли и по известным только им признакам разыскивали стадо диких слонов. Когда стадо было обнаружено, началась охота. Стрелки начиненными снотворным пулями валили с ног одного-двух дикарей. Пораженные животные часа через три приходили в чувство и находили себя в окружении «ученых» собратьев. Те

помогали им подняться на ноги и еще не пришедших в себя зажимали между собой и отводили в загон.

Детенышей старались полонить первыми. Тогда взрослые не уходили далеко от лагеря охотников и рано или поздно тоже попадали за ограду. Слонов увозили в Таман Негара и выпускали на свободу. За 1975 г. в заповедник таким путем переселилось около двух десятков диких слонов.

В малайзийских лесах порхает около 900 видов порхающих яркими и богатыми расцветками бабочек. Чтобы узнать об этом, не надо и в лес ходить: в любой торговой точке, от бензоколонки до крупного универмага, вам предложат в качестве сувенира застекленную рамку с дюжиной наколотых на картон бабочек.

Когда начинаются дожди, в леса за ними отправляются многочисленные ловцы, вооруженные огромными сачками. В нашем доме, на первом этаже, жил японец, преподаватель музыки. Он не пропускал ни одного воскресенья, чтобы не выехать на очередную охоту. Перед отъездом домой, на прощальном ужине, японец пригласил гостей в одну из комнат, всю заставленную большими черными рамками, под стеклами которых было засушено более 800 видов бабочек. Он очень сожалел о том, что до конца командировки не успел собрать полную коллекцию малайзийских видов.

К несчастью, преподаватель музыки из Японии далеко не одинок. Любителей такого коллекционирования в Малайзии предостаточно. Одни собирают для себя лично, другие, а их большинство, — для продажи. Не удивительно поэтому, что многие виды бабочек, особенно ярких и красивых, стали исчезать. В таком же опасном положении оказались некоторые виды экзотических птиц. Птица-носорог, названная так за огромный костяной нарост на верхней половине клюва, находится под охраной государства. Но ее живую можно купить в соседнем Сингапуре, который в последние годы стал нелегальным птичьим базаром Юго-Восточной Азии.

Из малайзийских джунглей редких пернатых контрабандой вывозят по ночам на катерах, днем в грузовиках, кузова которых оборудованы двойным дном. Чтобы птицы не гомонили в пути или во время таможенного досмотра, их усыпляют наркотиками. Такую дорогу выдерживает менее половины птиц.

Потери, однако, не смущают дельцов. Они все равно наживают огромные деньги. Ведь спрос на контрабандный товар огромный. За пару редких птиц в Западной Европе можно получить до 10 тыс. американских долларов. Там сейчас мода держать дома экзотическую птичку. И чем редкостней, тем лучше, тем больше можно поразить гостей и знакомых.

Пару лет назад, говорили мне работники зоопарка в Куала-Лумпуре, они с трудом смогли достать для себя несколько видов крокодилов. А ведь совсем недавно, только в 1954 г., на берегах многих рек в Малайзии стояли щиты, предупреждавшие, что купаться опасно из-за обилия коварных рептилий. Кто-то тогда в зоопарке невесело заметил, что малайзийцы скоро доживут до того времени, когда крокодил, один из самых распространенных персонажей народного фольклора, навсегда переселится в единственное безопасное для себя место — на страницы сказок и басен.

Крокодилов в Таман Негара я увидеть и не надеялся. Был уверен, что не встречу и с носорогами. Последний раз их видели около восьми лет назад, а потом встречали лишь их следы. Была надежда посмотреть на что-нибудь помельче и побезопасней. Например, на дикого кабана, оленя или редкую птицу.

Недалеко от поселка стояла смотровая вышка, с которой открывался вид на широкую поляну с озерцом. Говорили, что звери часто приходят туда на водопой. В бинокль с вышки можно было рассмотреть, что топкие берега озерца истоптаны копытами животных. Значит, надо было просто ждать.

Изулив географию Малайзии по надписям, сделанным перочинными ножами на вышке, я принялся разглядывать лес. Джунгли поражали своей пышностью, буйным хаосом, грандиозностью, многоцветьем. Огромные, густо обвитые лианами деревья, широченные листья всех оттенков зеленого, яркие, крупные цветы с нежными, фарфоровыми лепестками, тонкие кружева гигантских папоротников — все это удивляло и поражало воображение. Куда ни бросишь взгляд — новое дерево, новый куст, новая гирлянда цветов. Но джунгли не восхищали. Они казались сплошной гигантской бутафорией, где все ненастоящее: стволы — из папье-маше, листья — из картона, покрытого лаком, цветы — из раскрашенной

акварелью бумаги. Кричащие красоты тропического леса, беспорядочное нагромождение зелени подавляли, будоражили, вызывали даже в глубине души чувство безотчетного страха. Интересно знать, что чувствовал бы Мато, оказавшись посреди спокойной, неброской и милой нашему сердцу природы средней полосы?

Малайзийские джунгли — это не только красоты, но и валюта. С начала 70-х годов страну охватил лесной бум. В год вырубается до 150 тыс. га леса. Малайзия вышла на одно из ведущих мест в мире по экспорту тропической древесины. После каучука, пальмового масла и олова, основных статей малайзийского экспорта, бревна и доски стали четвертым по значению источником валютных поступлений.

Лесопромышленники, без оглядки истребляя лес, оправдываются тем, что 70% восточной половины Малаккского п-ова покрыто джунглями и что такой резервуар, мол, неисчерпаем. Точные расчеты специалистов, однако, показали, что при сохранении нынешних темпов вырубки Малайзия лишится зеленого покрова через 25 лет.

Поэтому правительство было вынуждено в 1975 г. разработать программу чрезвычайных мер, чтобы спасти лесное богатство. Согласно ей из 6,5 млн. га джунглей под постоянные лесоразработки отводилась только половина. Ежегодную вырубку на отведенной площади решили ограничить 65 тыс. га. Другую половину лесов объявили заповедной зоной, которая призвана играть роль регулятора экологического баланса. Программа предусматривала также планомерное восстановление лесов. Теперь дело стало лишь за тем, чтобы провести эту программу в жизнь.

На вышке я просидел часа три, но так ничего и не увидел. Зазвенели цикады — значит, до наступления темноты остались считанные минуты. Надо было поспешить в поселок. Ночью, да еще в лесу заблудиться можно в 20 шагах от дома. Поход оказался не напрасным: я познакомился с представителями малайзийской фауны, пребывающими в диком состоянии. Правда, обнаружил я их только на веранде при свете электрической лампочки. Ими были пиявки, которые совершенно незаметно для меня густо облепили щиколотки моих ног.

Новь джунглей

Советских специалистов в Куала-Тахан правительство Малайзии пригласило, когда в этом районе штата Паханг решено было построить крупную электростанцию.

Западная часть Малаккского п-ова относительно развита. На ней сосредоточено 90% промышленных предприятий, 80% дорог, три крупнейших порта страны. Центральные же и восточные районы полуострова до сих пор на 70% покрыты джунглями.

Частные предприниматели, как местные, так и иностранные, не хотят заниматься их развитием. Отсутствие инфраструктуры, отдаленность от коммуникационных центров не обещают им скорых прибылей.

А проблема экономического отставания восточных штатов чрезвычайно актуальна. Их заселяют преимущественно малайцы, тогда как население западных городов состоит в подавляющем большинстве из китайцев. Поэтому разница в уровнях экономического развития востока и запада полуострова выливается в неравномерность распределения доходов на душу населения не только по классовому, но и по национальному признаку. Такое положение создает почву для нездоровых, националистических настроений. В мае 1969 г., например, они вышли из-под контроля властей и привели к кровавым столкновениям между общинами на улицах Куала-Лумпура.

Для ликвидации экономических корней межнациональной розни правительство в 1971 г. приступило к осуществлению Новой экономической политики, цель которой — втянуть малайскую общину в экономическую жизнь, за 20 лет передать в ее руки треть всей экономики страны. Причем сделать это так, чтобы не ущемлять экономические интересы других национальных общин, а путем создания новых хозяйственных отраслей и освоения целинных земель. Одним из основных орудий правительства в проведении политики малаизации экономики стал Федеральный департамент развития земель. Его главная функция — поднять целинные земли в восточных штатах Келантан, Тренггану, Паханг. Первый крупный объект департамента — комплекс Дженгка

в джунглях Паханга. Это для него нужна энергия гидроэлектростанции на Тембелинге.

Когда мы, группа аккредитованных в Малайзии иностранных корреспондентов, подлетали к Дженгка на вертолете малайзийских ВВС, то комплекс открылся нам сразу как гигантский желтоватый треугольник, четко вырисовывавшийся на фоне безбрежного темно-зеленого лесного массива. Хорошо были видны ровные квадраты рисовых полей, посадки каучуконосов, уходящие спиралями к вершинам холмов, похожие на вышивку крестом плантации масличной пальмы. Цинковые крыши новеньких поселков играли солнечными бликами.

Освоение Дженгка, рассказал нам директор проекта Мохаммед Тахир, началось наступлением на джунгли с помощью бульдозеров и огня. Потребовалось немало усилий, чтобы свалить вековые деревья, выкорчевать пни, сжечь их. Таким образом у джунглей было вырвано 360 тыс. акров земли. На них посадили каучуконосную гевею, масличную пальму, сахарный тростник. Построили поселки, дороги. Потом пригласили желающих осваивать целину.

Каждой семье выделяли стандартный домик, небольшой приусадебный участок. Пока плантации не давали плодов, целинникам за 8 часов работы по уходу за посадками выдавали минимальную, но гарантированную зарплату. Когда же масличные пальмы стали плодоносить, а гевеи давать латекс, заработки поселенцев уже определялись размерами выручки от продажи государству собранного с плантаций урожая. Их доходы увеличились, и они могли уже выплачивать ссуду, отпущенную правительством на корчевку, строительные и начальные сельскохозяйственные работы. Рассрочка целинникам дана на 15 лет с момента сбора первого урожая.

Но это только первый, уже заверченный в Дженгка этап освоения. В Малайзии хорошо знают, как много страна проигрывает оттого, что экспортирует необработанное сырье. Экономисты подсчитали, что каждый килограмм сырого каучука, возвращаясь в Малайзию в виде законченной промышленной продукции, стоит в 15—20 раз дороже. Чтобы в полной мере использовать свои богатства, правительство стремится создать обрабатывающую промышленность. В Дженгка уже дейст-

вует деревообделочный завод, на котором работает до 3 тыс. человек. На других объектах, подобных Дженгка, действуют заводы по выделке пальмового масла, первичной обработке латекса.

В будущем планируется построить в Дженгка новые лесопилки, мебельные фабрики, ремонтные мастерские, шинный завод. Тогда проект охватит уже 530 тыс. акров. В нем к существующим ныне 15 поселкам прибавятся еще 10, вырастет административный центр — город. Для всего этого потребуются много энергии. Ее может дать гидростанция на р. Тембелинг.

Освоение целины не только способствует экономическому подъему отсталых районов. По уставу департамента на отвоеванных у джунглей землях могут селиться лишь те, у кого мал или вовсе нет источника доходов. В новые поселки приезжают безземельные крестьяне и безработная молодежь. Здесь они получают и землю, и работу, и надежду на лучшее будущее. Бригадир Джелани сказал нам, что в Дженгка он приехал после многих лет батрачества и только тут почувствовал себя хозяином своей судьбы, понял, что его руки нужны и могут приносить стране пользу.

Жизнь целинников, конечно, еще полна лишений. Отобранная у джунглей земля требует много внимания, работать приходится от зари до зари. Ослабь чуть-чуть усердие — и джунгли мигом поползут и поглотят плантации. Бывают перебои с водой, электричество в дома дают только в вечерние часы, единственное развлечение — приезжающая раз в месяц кинопередвижка.

Но люди не жалуются. В первые годы на целине, сказал Джелани, было гораздо труднее, и ничего, справились.

На всех видных местах в поселках Дженгка стоят большие щиты с поблекшими от солнца и дождей буквами: «Бина Малэйсиа!» («Построим Малайзию!»). Это был лозунг, выдвинутый перед страной правительством в 1972 г. Когда я спросил Мохаммед Тахира, почему сейчас, в 1975 г., пропагандируется лозунг трехлетней давности, он ответил:

— Для нас, целинников, самым актуальным остается этот, потому что мы самые главные строители страны, строители новой жизни.

Поединок с нечистой силой

До Куала-Тренггану, столицы штата Тренггану, оставалось еще около получаса езды, когда отгорел короткий закат. Темнота пала сразу. Кроме выхватываемого фарами участка дороги и километровых белых столбиков на обочине, не видно было ни зги.

Слева показались редкие огоньки. Мы подъезжали к какой-то деревне. Хотелось скорей добраться до города, поэтому у меня и мысли не было останавливаться. Мой спутник, корреспондент столичной газеты Азим, знаком попросил притормозить и открыл окно. Вместе с теплым и влажным воздухом в охлажденную кондиционером машину проникли слабые звуки музыки. Присмотревшись, я заметил, что один из домиков освещен больше других, вокруг него много народа, а в окнах мечутся какие-то фантастические тени. Там происходило что-то необыкновенное. Мы, не долго думая, свернули с шоссе на деревенскую дорогу. В доме, окруженном, как потом выяснилось, почти всеми жителями деревни, совершалось изгнание злого духа из тела больной женщины.

Мирно внедрившись в Малайзию в середине XV в., ислам был терпимым не только к некоторым культам индуистского толка, но даже и к элементам анимизма, доставшимся малайцам в наследство от первобытнообщинных времен. Живы они и по сей день. Малайцы-крестьяне и сейчас наделяют душой рисовое поле, джунгли, реки. Все физические и душевные недуги человека они относят на счет злых духов.

Анимизм прослеживается во многих малайских обрядах. Когда на свет появляется новый человек, мир приветствует его плевком повивальной бабки. Новорожденный еще не знает, насколько коварны злые духи, он беззащитен. Слюна старухи призвана отвести от него все первые несчастья.

Ребенку дают предварительное имя на семь дней. Если к восьмому дню станет заметно, что он растет слабым или больным, то его называют другим именем, чтобы обмануть овладевших им демонов.

Анимистическими представлениями определяется и диета малайской женщины до и после родов. После шестого месяца беременности и в течение полутора меся-

цев после родов обычай запрещает женщине прикасаться к мясу, яйцам, молоку. Эта пища считается «тяжелой» и подверженной власти злых духов. В то время, когда мать больше всего нуждается в белках, ее сажают на рис, овощи, травы и настойки из трав.

Оберегает эти табу в деревне повивальная бабка *бидан*. К ее помощи при родах обращается в сегодняшней Малайзии каждая третья крестьянка. Поверья, которые складывались веками, трудно изжить за считанные годы. Это понимают в министерстве здравоохранения и не идут в лобовую атаку на знахарство. Медицинские власти избрали другой путь.

Сейчас в некоторых деревнях повитухе при родах «помогает» профессиональная акушерка. По ее советам путь злым духам преграждают не только заклинаниями и плевками, но и соблюдением правил санитарии и гигиены. Для знахарок в некоторых районах были организованы краткосрочные курсы, на которых им разъяснили преимущество кипяченой воды перед сырой, стерильных бинтов перед случайным тряпьем и т. д.

Посредником между человеком и миром духов выступает малайский шаман *бомо*. Обычно это мужчина, получивший свою «профессию» в наследство от отца. Во время проходившего в Куала-Лумпуре 3-го чемпионата мира по хоккею на траве к их услугам прибегали даже официальные власти. Зарядившие над столицей дожди сорвали весь график состязаний. Комитет чемпионата тогда, по инициативе малайцев конечно, пригласил в город одного из популярнейших в Малайзии *бомо* и попросил его отогнать дождевые тучи подальше от спортивных площадок.

Однако дожди продолжали идти вопреки всем усилиям колдуна. Чемпионат пришлось продлить на несколько дней. Потом из разговора зрителей на одном из стадионов я узнал, что виной всему другой *бомо*, который в дни чемпионата колдовал в соседнем городе Серембане. Там проходили какие-то местные соревнования, и он отводил дождевые тучи от Серембана в сторону Куала-Лумпура. Его заклинания оказались сильнее.

Разувшись, мы с Азизом вошли в дом. В просторной и, как обычно, скудно обставленной комнате на циновке лежала накрытая тонким одеялом женщина. Глаза ее

были закрыты, дыхание тяжелое, прерывистое. Нам сказали, что она страдает от головных болей и меланхолии. В углу комнаты на циновках разместились оркестр — трехструнный смычковый *ребаб*, флейта *серунай* и пара гонгов. Он тянул унылую мелодию.

Рядом с большой обнаженный по пояс, невероятно худой *бомо*, держа в вытянутых руках широкий банановый лист с горстью желтого вареного риса, кусочками мяса, стручками красного перца, шептал заклинания, втягивая носом сизый дым, струившийся из бронзовой чаши. В чаше тлели специальные смолы и высушенные травы. Азим мне шепнул на ухо, что дым от этой смеси обладает наркотическими свойствами.

Еда на банановом листе, как оказалось, предназначалась для духа, или, как его называют деревенские жители, *джинна*. Старик заклинаниями уговаривал его не отказываться от приношения. *Джинн*, видимо, поддался уговорам. Шаман сделал из листа маленький сверток, обвязал его веревочкой и передал своему помощнику. Тот вышел из дома и скрылся в темноте. Азим сказал, что угощение будет подвешено им на дереве или оставлено на каком-либо пеньке.

Когда помощник вернулся, *бомо* принялся за самое главное — изгнание духа. Оркестр заиграл быстрее, громче. Помощник и колдун, пританцовывая на месте, повели диалог. *Бомо* спрашивал, что случилось с женщиной, помощник отвечал. Заполнившие веранду зрители молча и напряженно следили за разговором.

Вдруг лицо *бомо* исказилось, рот криво открылся, глаза закатились кверху, из уголков губ потекла слюна. Он вскочил, нервно задергал руками, ногами, головой, всем телом и пустился в какой-то безумный танец. Из его гортани вырывались хриплые звуки, переходившие время от времени в высокие, звонкие вопли. Порой шаман шарахался в сторону, высоко подпрыгивал или замирал в неудобной, нелепой позе. Каждая поза означала того или иного *джинна*, который переселялся из тела женщины в тело *бомо*. Он несколько раз приближался к больной, касался рукой ее ног и вызывал на себя нового духа.

Через полчаса этого танца *бомо* по телу женщины пробежала дрожь. Она открыла глаза. Наконец-то шаман нашел духа, овладевшего ею. Зрители зашумели,

кто-то даже захлопал в ладоши. Теперь осталось только изгнать непрошеного гостя. Оркестр завыл на самых высоких нотах, *бомо* совсем обезумел. Но минут через десять он стал успокаиваться и вскоре затих. Замолкли и музыканты. Нам сказали, что изгнание будет продолжено после небольшого перерыва. Мы не стали дожидаться конца лечения и поехали. Азим дорисовал мне в пути, чем должен был кончиться сеанс изгнания.

Выманить *джинна* из тела женщины будут пытаться всю ночь, а может быть, и несколько ночей. Если в одну из попыток больная встанет и присоединится к танцу *бомо* — это будет означать полное выздоровление. Шаман может также объявить, что злой дух не согласен убраться немедленно и оставит женщину потом. Редко бывают и такие случаи, когда *бомо* капитулирует. Он признается, что не в силах справиться с *джинном* и виной тому или тяжесть грехов больной, или скудость приношений.

Когда пусто в рыбацких сетях

Большая часть 80-тысячной армии малайзийских рыбаков проживает на восточном побережье Малаккского п-ова. Рыболовство в стране только недавно встало на промышленную основу. Создается флотилия небольших траулеров, строятся специальный порт, а также обрабатывающие предприятия и холодильники.

Пока же 90% рыбаков выходят в море на утлых судах с примитивными снастями, которыми пользовались еще в средние века. Лодки малайзийских рыбаков легко выделить из многомиллионной армады рыбацких суденышек Юго-Восточной Азии. Только они на носу имеют *банггоу* — искусно вырезанное из дерева и ярко раскрашенное изображение дракона, морского чудовища, мифической птицы или национального растительного орнамента.

Это украшение делается в форме дуги, левый конец которой, метровой высоты, и есть сама фигура, а правый, маленький, лишенный такой резьбы, лишь в общих, схематических чертах повторяет ее.

Обычай устанавливать *банггоу* возник в первые века нашей эры, в период расцвета государства Ланкасука,

центр которого находился в юго-восточных провинциях современного Таиланда. Для рыбаков-анимистов *банггоу* были не просто украшением, а олицетворением духа, охранявшего рыбака в море, приносившего ему улов.

Лет 30 назад ни один малаец не выходил в море, не ублаготворив деревянного идола приношением из цветов, фруктов, риса. Но сейчас молодые рыбаки все реже и реже вырезают *банггоу*. Они считают их лишним грузом и силе духа предпочитают надежность мотора. Мастерство резчиков *банггоу* хорошо представлено в Национальном музее, где собраны лучшие образцы деревянных идолов со всего восточного побережья.

В небольшой рыбацкой деревушке Керупок, в нескольких милях к югу от Кота-Бару, столицы штата Келантан, *пак* — деревенский староста Юсуф сказал мне, что *банггоу* стали забывать в послевоенные годы, когда на смену парусам пришли моторы. Теперь *джинны* моря мстят за это, добавил он. Вот уже две недели рыбаки вытаскивают пустые сети. За год три лодки не вернулись к родным берегам. Пару дней назад собрались старики, поговорили о бедах и решили послать *джуру селам* — рыбацкого старшину с поклоном к *бомо* в соседнюю деревню. Собрали последние гроши, купили все необходимое, и вот сегодня на берегу состоится церемония *пуджа пантай* — умиротворения всемогущих духов.

До войны с такого обряда начинался каждый рыбацкий сезон. В жертву тогда забивали белого буйвола, а жертвоприношению предшествовали три дня праздника. С наступлением темноты до рассвета шло представление театра теней *вайянг кулит*, днем выступали артисты танца-драмы *макйонг*. Юноши демонстрировали свою силу и ловкость в борьбе *силат*, а девушки очаровывали зрителей изящным и древним танцем *манора*.

Пуджа пантай, на которую меня пригласил Юсуф, была гораздо скромнее и заняла всего пару часов. Когда мы пришли на берег, там уже все было готово. Еще утром лодки вытащили на берег, их выстроили в длинный ровный ряд носами к морю. Возле них прямо на доске разместился оркестр, состоящий из традиционных ребаба, флейты и гонгов.

У моря на циновке восседал сморщенный старичок в сверкающей золотым шитьем просторной рубаше. Это

Малайцы в национальной одежде

и был известный на все побережье *боло*. Его окружали три многоярусных подноса с вареным белым, желтым и красным рисом, фруктами, цветами, связанными в пучки листьями бетеля. Рядом лежал свежесрубленный банановый ствол, из которого торчали куклы из театра *вайянг кулит*. Сизыми струйками дымили бронзовые курильницы. Все это сверкало, слепило глаза яркими, чистыми красками.

В руках колдун держал полуметровую модель рыбацкой лодки с парусом из неровного клочка пожелтевшей газеты. Когда он поднял модель над головой, оркестр заиграл. Под плавную, негромкую мелодию старик принялся читать заклинания, наполняя лодочку содержимым из каждого подноса. Он просил духов моря вернуть

расположение к деревне Керупок и обещал за это благодарность и уважение рыбаков.

Старик еще продолжал разговаривать с духами, когда из-за лодок на берег в медленном танце выплыли девушки. Казалось, что перед глазами разворачивается замедленная съемка полета бабочек. Юные танцовщицы в ярких кофточках, разноцветных платках незамысловатыми широкими и плавными движениями рук подтверждали правдивость заверений *бомо*.

Заклинаний и танца *джиннам*, видимо, показалось мало. Они потребовали тщательной проверки готовности рыбаков выйти в море. Старик обернулся к толпе. Его добродушное лицо стало суровым, ноздри раздулись, глаза округлились. Он вскочил на ноги, выдернул из бананового ствола самую большую куклу *пурба кала* и, подержав ее в дыму благовоний, бегом бросился к лодкам.

Держа куклу в вытянутых руках, *бомо* трижды обещал лодки, убедился, что в каждой из них есть *банг-гоу*, осмотрел снасти, потоптался около оркестра, покрутился среди танцующих девушек. Ничто не вызвало сомнений, и *пурба кала* — была водворена на место, в банановый ствол. На лицо шамана вернулось прежнее выражение. Он бережно взял нагруженную приношениями лодочку, вошел по колено в воду и пустил ее. Слабый ветер подхватил суденышко, и оно поплыло к горизонту, покачиваясь на светло-зеленых волнах.

Завтра рыбаки выйдут в море в надежде вернуться с полными сетями, сказал на прощание Юсуф. Если *джинны* приняли угощение, то они нагонят в сети рыбы. А если нет, то не судьба. Но пригласить *бомо* вторично деревня уже не сможет. Нет денег. За приезд в деревню со своим оркестром и танцевальной группой он берет немало.

Второе рождение макйонга

Малайзийские лингвисты говорят, что название штата Келантан идет от слова *килатан*, что в переводе с малайского означает «молния» или «искра». Утверждениям лингвистов охотно веришь, побывав в Келантане в сезон дождей и гроз, когда низкое, серое небо разры-

Традиционный почетный караул в штате Келантан

вают причудливо разломанные гроздя ослепительных молний и от оглушительных, сухих раскатов грома содрогается земля.

Но сухой сезон в Келантане — это время народных праздников и фестивалей. Там хорошо сохранились национальные художественные ремесла, многие виды древнего сценического искусства, народные спортивные игры. Штат Келантан — сокровищница народных талантов, озаряющих всю культурную жизнь Малайзии.

В столице штата Кота-Бару, этом тихом, без единого светофора, зеленом городке, я познакомился с Хатиджах Аванг. После первых минут разговора я понял, что у этой невысокой красивой женщины глубокая артистиче-

ская душа. Ее неторопливая, богатая интонациями речь сопровождалась скупыми, но выразительными жестами рук. На кажущемся малоподвижным лице глаза выдавали динамику темпераментной натуры. Спокойная сосредоточенность, сдержанность и выразительность были даны Хатиджах не только природой. Эти качества, столь часто присущие женщинам Востока, отшлифовались в ней, были доведены до безупречности годами самозабвенной работы в народном театре *макйонг*.

Несмотря на то что бабушка и мать ее были известными в свое время актрисами *макйонга*, Хатиджах не думала о театральной карьере. В театр она попала, по ее словам, случайно. Это произошло в 1968 г., когда в Куала-Лумпуре проходил фестиваль народного сценического искусства стран Юго-Восточной Азии. От Малайзии в нем принимала участие и труппа *макйонг*. Составлена она была из пожилых самодеятельных артистов, которые приехали из штата Келантан, где еще не были забыты театральные традиции.

Утратившие с годами чистоту голосов и четкость движений, они, конечно, не могли поразить мастерством строгое жюри, а в зрительном зале вызывали лишь добродушные смешки. «Мне было тогда так стыдно за соотечественников,— призналась Хатиджах,— что я убежала из зала, не дождавшись конца представления». В тот день она решила посвятить свою жизнь возрождению *макйонга*.

Искусствоведы считают, что театр возник в XVI в. Родина его — малайское царство Паттани, занимавшее тогда территорию нынешних южных провинций Таиланда. Вырос он из сопровождавшегося песнями и танцами древнего обряда приношения духу заливных рисовых полей Махйянгуну цветов и фруктов.

А легенда повествует о происхождении театра следующее. Однажды правитель Паттани, чтобы отпраздновать небывало богатый урожай, повелел доставить во дворец самую звонкоголосую певицу. Ею оказалась крестьянка по имени Макйонг. Она искусней всех ублажала песней духа. Девушка так понравилась правителю, что тот оставил ее во дворце, чтобы она постоянно развлекала его песнями.

Дворцовое происхождение театра выдает его репертуар. Он состоит из 12 канонизированных драм. Глав-

ные действующие лица: Пакийонг Туа — правитель, Майонг Туа — жена правителя, Пакийонг Муда — принц, Макйонг Муда — принцесса. Действие во всех драмах развивается по одной из той же канве. Злые *джинны* или великаны-людоеды похищают принцессу, а принц отправляется на поиски. Одерживая одну за другой блистательные победы над темными силами, он возвращает сестру невредимой во дворец к родителям. Все роли исполняют женщины. Традиция родилась, видимо, в результате того, что первые труппы набирались исключительно из окружавших правителя жен и служанок.

Макйонг, безусловно, одна из сложнейших форм древнего сценического искусства Юго-Восточной Азии. Представление открывает трехструнный *ребаб*. Незаметно в его плавную, сочную мелодию вплетается голос одной из сидящих на сцене по-восточному четырех актрис. А вот и первые их движения. Сначала только пальцев, потом рук, плеч, головы, всего тела, и неожиданно для себя обнаруживаешь, что все на сцене исполняют изящный танец. К *ребабу*, когда и не успел заметить, присоединились два барабана *ганданги*, гонг *тавак* и флейта *серунай*.

Но что это? Голосу, кажется, вторит сидящий на заднем плане сцены небольшой хор? Действительно, вторит. Но если прислушаешься, то не просто голосу, а уже песне. Представление, оказывается, идет полным ходом, и развернулось оно совершенно незаметно и неожиданно. И непонятно, что так завораживает: звуки ли древнего *ребаба*, или чарующие движения танцующих, или же чистый, словно застывший в воздухе голос.

Сложность и прелесть *макйонга* заключается в том, что диалог ведется большей частью песней. А при полном отсутствии декораций танец раскрывает характер и место действия. Через него передаются и горе утративших дочь родителей, и радость встречи странствующего принца с животными-друзьями в чистом поле, и напряженность смертельной схватки юноши со злым демоном в неприступных горах. Единственным бутафорным средством служат изысканные костюмы, каждая деталь которых до предела наполнена содержанием.

Выйдя за пределы дворца, *макйонг* оставался широко распространенным в северо-восточных районах Малайзии почти до второй мировой войны. В Келантане

существовало около десятка трупп, которые разъезжали по всем крупным населенным пунктам. Тогда для многих *макйонг* да театр теней были единственными источниками познания мира, простиравшегося за пределами деревни. Но после войны, в вихре социальных и политических изменений и с приходом кино, театр потерял свою популярность. Звезды *макйонга* одна за другой стали уходить из жизни, не передав мастерства молодым.

К счастью, это древнее искусство не умерло, его вернула к жизни Хатиджах Аванг. В 1969 г. она создала любительскую труппу и по крохам стала собирать все, что еще осталось от театра. Было трудно. И не только потому, что настоящих артистов *макйонга*, к тому времени немощных стариков, оставались считанные единицы. Много сил отнимал сам процесс познания тонкостей театра. Ведь, чтобы довести до совершенства гармонию одной песни-танца, требуется не менее трех месяцев. Кроме того, энтузиасты решили не только возродить театр, но и приблизить его к современной жизни. Нужна была кропотливая работа: сократить длинноты, заменить некоторые, уже ставшие непонятными древние слова и при этом сохранить самобытность, все особенности *макйонга*.

Многолетние усилия окупили себя с лихвой. Сейчас труппа Хатиджах Аванг *Шри Теменггонг*, ставшая уже профессиональной, известна и любима не только в Малайзии, но и за рубежом.

Популярность сопутствует *макйонгу* и во втором рождении потому, считает Хатиджах Аванг, что он проповедует вечную и всеобъемлющую правду — правду неизбежного торжества добра над злом. Поэтому театр будет жить и у него всегда будут зрители.

Силат и вау

От Кота-Бару до моря полчаса езды на автомобиле. В сухой сезон на берегу обычно тихо и пустынно. Волны беззвучно, лениво лижут белесый песок, чуть слышно перешептываются кокосовые пальмы. Вскрикнет в небесной лазури морская птица, и резкий ее крик только подчеркнет безмолвие задремавшей природы.

Шумным берег становится в те дни, когда он превращается в арену народной малайской борьбы *силат* или при запусках воздушных змеев *вау*. Собираются тогда у моря жители всех окрестных деревень, воздух наполняется боевыми кличками борцов, гомоном толпы, яркие краски одежды разбивают сверкающую под солнцем белизну песка.

Давным-давно, гласит легенда, три юных малайца в поисках смысла жизни отправились в джунгли. Однажды один из них, по имени Аминуддин, решил набрать воды из лесного озера, образовавшегося от водопада. Только он наклонился над водной гладью, как сверху, с дерева *бонгор* в воду упал пурпурный цветок и, подхваченный течением, медленно поплыл.

Юноша замер. Его заворожили движения огненного цветка. С каждой секундой он скользил по воде все быстрее и быстрее, пока стремительно не понесся к водовороту, падающим струям, туда, где опасно, где могут поломаться его хрупкие лепестки. Но водоворот целым выбросил цветок к берегу, в тихую заводь, откуда снова начал он свое опасное кружение.

Долго стоял изумленный Аминуддин у лесного озера. Потом вытащил невредимый цветок из воды, принес его своим товарищам и сказал, что в смертельно опасном танце цветка скрывается наука безоружным побеждать вооруженного врага. Так, по преданию, родилась борьба *силат*, один из самых популярных сейчас в Малайзии видов спорта.

Правда, здесь трудно провести четкую грань между спортом и танцевальным искусством. Из всех известных в мире способов самообороны без оружия *силат*, пожалуй, самый изящный и более других похож на танец. Да и схватки проходят всегда под аккомпанемент оркестра из трех барабанов и флейты. Он располагается обычно под шестом, воткнутым в землю. Шест символизирует дерево *бонгор*, обронившее цветок в лесное озеро на глазах у Аминуддина.

Борцы босиком, в специальных костюмах черного цвета, который у малайцев ассоциируется с силой, начинают состязание-представление, изысканно-церемониально приветствуя публику. Потом они салютуют друг другу и начинают под музыку медленно, кругами сходиться. Время от времени они, полуприсев, замирают

или делают резкие и неожиданные, красивые в своей точности движения руками. Жесты строго канонизированы, как в балете. Их назначение — нагнать на соперника как можно больше страха. Важно также при этом и устрашающее выражение лица. Соперники прямо-таки сверлят друг друга глазами, свирепо дышат, скрежещут зубами.

Когда борцы сближаются на расстояние вытянутой руки, барабаны бьют дробь, взвизгивает флейта. Мгновение — и соперники в атаке. С боевым криком они прыжком бросаются друг на друга. Мелькают руки, ноги, один упал, другой взвился в воздух, еще мгновение — и они уже, как в самом начале, на разных концах поляны и снова начинают медленно сходиться. Совсем как два цветка, затягиваемые водоворотом.

Момент атаки настолько быстр и краток, что специалисту трудно уследить, кто, кому, куда и чем наносит удары. А они, судя по рассказам, очень опасны. На тренировках борцы ребром ладони и пятками перешибают кирпичи, а быстроту рук отрабатывают, перехватывая на лету бросающуюся голодную кобру за горло. Удар мастера может временно парализовать соперника, переломать кости или даже убить. Но после семи-восьми сходов борцы заканчивают встречу без единого синяка.

Конечно, возник *силат* как метод самообороны в иных ситуациях: когда безоружному человеку надо было защищаться, оказавшись лицом к лицу с врагом, вооруженным крисом. И тут от верного удара рукой или ногой зависело, жить тебе или не жить. Но сейчас в спортивном *силате* удары имитируются. Рука или нога бьющего не доходит до цели всего на несколько сантиметров. Побеждает в поединке тот, кто более искусен в обороне, кто быстрее уходит от удара.

Оборонный принцип тщательно оберегается. Каждый начинающий борец дает клятву использовать приемы *силата* только в целях самообороны. В секцию принимают душевно уравновешенных, сдержанных людей. Существует даже поверье, что человеку с недобрый сердцем не дано познать тайны борьбы.

Популярность этого самобытного спорта в наши дни огромна. Борьбой увлекается около 70 тыс. молодых людей. Открыты сотни школ *силата*. Новички носят белые

Воздушные змеи

пояса, борцы поопытней — зеленые. Закончившие школу имеют право надевать красный пояс, мастера — желтый. Черный дается достигшим в *силате* совершенства. Только этим немногим разрешается учить молодежь.

Регулярно в стране проводятся соревнования на разных уровнях, вплоть до общенационального. *Силат* обязательно входит в программы всех празднеств — от свадьбы до фестиваля в День независимости. Состязания в быстроте и ловкости всегда собирают огромные толпы зрителей. Древнее искусство побеждать не увядает.

Побережье Келантана — идеальное место для запусков воздушных змеев. Упругий бриз с моря так быстро и высоко уносит их в поднебесную синь, что глазам становится больно, когда разыскиваешь маленькие точки в ослепительном небе. Этому, тоже национальному спорту малайцы посвящают значительную часть свободного времени.

К запускам змеев они пристрастились давно. Одна из драм *макйонга* повествует о том, что принц Дева Муда в поисках сестры отправляется в «страну, что выше облаков», на волшебном змее *вау керамат*. *Вау* были популярны еще во времена первых малаккских султанов. Тогда воздушных гигантов делали из огромных высушенных листьев, обрамленных бамбуковым каркасом.

Запуски далеко не детская забава. Конечно, и ребята пускают змеев в поднебесье, но настоящих *вау* делают и соревнуются в их запусках взрослые мужчины. Когда они собираются на пляже, прежде всего жюри из стариков выбирает самого красивого змея. Поражают размеры, разнообразие форм. Некоторые из змеев имеют размах крыльев до 3 м. Такой, говорят, может унести к облакам трехлетнего ребенка.

Наиболее распространенная форма — *вау булан* — змей-месяц. Так он называется потому, что хвост его сделан в виде месяца. Другие змеи похожи на мифических птиц, драконов и т. п. Есть дань и современности: некоторые выполнены в форме самолета, ракеты.

Для изготовления каркаса по-прежнему используется расщепленный бамбук. Полости крыльев заклеиваются легкой и прочной рисовой бумагой. Крылья раскрашивают яркими цветами или национальным орнаментом.

Есть *вау* с музыкой. К центральному стержню прикрепляют вырезанный из бамбукового колена свисток или смычок из волокон дерева — *бусор*. В небесах ветер играет свистком, а смычок трется о смазанный канифолью стержень и поет.

После того как определен первый победитель, т. е. обладатель самого красивого змея, начинаются запуски. Здесь требуется не только сила, но и умение правильно использовать воздушные потоки от нагретой солнцем земли и бриз с моря, готовность в одно мгновение приспособиться к перемене ветра. При запуске бывают и неудачи. Не успеет змей подняться выше пальм, как вдруг начинает кувиркаться и падает. Хорошо, если не помят каркас, можно попытаться еще раз. А уж если порвутся крылья, то приходится выходить из игры.

Более удачливые, прикрывая глаза ладонями, следят за застывшими в небе точками. По сигналу они пускают своих змеев в догонялки. То ослабляя, то натягивая бечеву, соревнующиеся стремятся своим змеем сбить змея

противника, заставить его снизиться, выйти из нужного воздушного потока. Это продолжается часами, пока в небе не остается один *вау* — змей-победитель.

После соревнований Мат Сулонг, изготовивший чемпиона, сказал, что он еще мальчиком любил делать и запускать змеев. Сейчас на изготовление одного *вау* у него уходит более недели. Перед тем как приступить к работе, он, чтобы не рассердить духов, в определенный день и в сопровождении определенного лица — своего племянника — выбирает в джунглях бамбук. А когда, просушив, расщепляет его, то непременно цитирует на память Коран.

Утреннюю победу Мат Сулонг объяснил тем, что накануне состязаний его *вау* проплавал в небе почти целый день и заручился поддержкой небесных *джиннов*. Раньше крестьяне запускали музыкальных змеев на недели и по изменению тона их песен судили о перемене ветров, сулящих наступление сезона дождей.

После состязаний Сулонг отдает змеев мальчишкам в деревне, продает редким заезжим туристам, но никогда не запускает вторично: не будет удачи. К новым соревнованиям он всегда делает другой *вау керамат*, и каждый новый всегда лучше прежнего.

Берегите черепах!

Как и большинство старинных городов Малайзии, столица штата Тренггану Куала-Тренггану возникла в устье реки. В переводе с малайского *куала* означает либо «устье», либо «слияние рек». В давние времена реки были теми единственными нитями, что связывали внутренние районы полуострова с морским побережьем. Человек, утвердившийся в устье любой реки с вооруженным отрядом, становился ее хозяином. Он брал в руки контроль над передвижением по реке товаров, торговлей с чужеземными купцами. Его поселок-крепость становился торговым, а затем и административным центром, вокруг которого создавалось государство, султанат.

Такова была и история развития Куала-Тренггану — от торгового центра до столицы султаната. В центре города, на самом оживленном перекрестке стоит выре-

занная из твердого дерева длиной в 10 м морская черепаха. Пляжи штата Тренггану — это одни из немногих в мире мест, где эти гигантские пресмыкающиеся откладывают яйца.

Круглый год черепахи, панцирь которых достигает размеров овального обеденного стола на четырех человек, бороздят теплые моря от Японии до Малайзии, а в июле—августе неизменно приплывают к тем местам, где были рождены и они, и их предки, — к песчаным пляжам Тренггану.

Я попал в город как раз в августе и, конечно, не мог упустить возможности посмотреть, как черепахи откладывают яйца. На пляже мы появились уже в полной темноте. Но ждать рептилий пришлось еще более часа.

Мальчишки, бегавшие по колено в воде, вдруг закричали: «Есть, есть!» — и мигом исчезли. В лунном свете было видно, как из воды медленно выползали две гигантские черепахи. Они стали неуклюже подниматься по отлогому берегу. Метрах в двадцати от кромки воды черепахи развернулись головами к морю и принялись задними лапами выгребать из-под себя еще не успевший остыть песок.

Прошло довольно много времени, пока воронки нужной глубины были готовы. Черепахи копали медленно, с длительными перерывами. Несколько раз они, закончив, переползали на другое место и принимались копать заново. На старом месте что-то их не устраивало: влажность песка, может быть, его плотность или температура.

Но вот притаившийся недалеко от них за невысокими кустами малаец зажег факел. Это означало, что черепахи начали откладывать яйца и теперь ничто не могло остановить их и сдвинуть с места до тех пор, пока в песке не окажется последнее яйцо. Все, приехавшие на машинах, включили фары, направив свет на черепах. Местные жители с факелами окружили животных.

Было отчетливо видно, как на песок одно за другим падали круглые, величиной с пинг-понговый шарик, бело-серые яйца в мягкой, пергаментной скорлупе. Считать яйца было бесполезным занятием. За один только раз черепахи откладывают их до сотни.

Трудно представить себе существо более беспомощное и беззащитное, чем черепаха, когда она откладывает

яйца. Природный долг свой она исполняет, обливаясь крупными слезами, под мучительные и жалобные, почти человеческие стоны. С ней можно делать все, что угодно — ничто ее не испугает, да она ничего и не почувствует. В эти минуты все ее внимание, все нервы сосредоточены только на одном — на падающих серыми каплями яйцах.

После того как упало последнее яйцо, черепаха засыпала яму песком, тщательно разгладила лапами неровности и, выбиваясь из последних сил, поползла к морю. Попробуйте остановить ее на пути к спасительной воде! Она раздавит вас. Неповоротливые на суше, черепахи ожили в воде, проворно заработали лапами-веслами и мигом исчезли в морской глубине. Теперь они появятся в этом месте только через год.

Около десяти лет назад малайзийские натуралисты забили тревогу. С каждым годом, по их наблюдениям, черепах на берегах Тренггану становилось все меньше и меньше. Указали они и причину: редких животных истребляли во время откладывания яиц ради нежного мяса для знаменитого супа и дорогой черепаховой кости. Яйца собирали для приготовления всевозможных деликатесов. Для охраны этих древнейших представителей тропической фауны требовались чрезвычайные меры.

По инициативе Общества натуралистов сначала была организована охрана пляжей в июле—августе от браконьеров. А в 1970 г. построили два инкубатора — огороженные участки, куда с побережья сносили черепаший яйца. За оградой из них в естественных условиях через два-три месяца выводились детеныши, которых спустя определенное время выпускали в море. Позднее под такие заповедные зоны были отведены еще два пляжа.

Усилия увенчались успехом. По данным Общества, с 1975 г. к берегам Тренггану стало возвращаться больше черепах, чем в конце 60-х годов. Сейчас даже разрешен ограниченный сбор яиц на продажу.

А напоминанием о необходимости охранять редких морских долгожителей служит гигантская деревянная черепаха, украшающая центральный перекресток города. Видимо, кто-то из энтузиастов Общества натуралистов воткнул рядом с ней табличку, на которой от руки написано: «Берегите черепах! Иначе я стану надгробным памятником!»

Крестьянские заботы

Ибрагим встретил нас на пороге дома. Меня к нему привез его сын, работник Департамента информации Абдуллах. Как-то Абдуллах сказал, что его отец — типичный малайзийский крестьянин, и пообещал свозить меня к нему в деревню.

С порога веранды Ибрагим повернутой к земле ладонью приглашал подняться. Малаец никогда не позовет поднятым вверх согнутым пальцем. Это, по малайским понятиям, крайне невежливо. Даже оскорбительно. Хозяин усадил нас на циновки и предложил что-нибудь попить после дороги.

— Кофе, чай, оранжад, лимонад? — спросил он.

Я уже был предупрежден и попросил лимонада. Малайцы, принимая гостей, первым делом предлагают утолить жажду. При этом они называют несколько напитков, но соглашаться надо только на тот, который назван последним. У хозяина, возможно, только этот и есть, но, заботясь о престиже дома, он может перечислить с десяток напитков, показывая этим, что живет в достатке.

С полчаса мы, как это и положено на Востоке, обменивались вопросами и ответами о здоровье, погоде, дороге и прочих приличествующих первой встрече вещах. Только после небольшого обеда я стал осторожно расспрашивать Ибрагима о его хозяйстве, житье-бытье. Он предложил выйти во двор.

О гевеях на своей маленькой, в два гектара, плантации крестьянин рассказывал как заботливый отец о любимых детях. Он знал биографию каждого дерева, его повадки, привычки, недуги.

— Вот здесь, — сказал он, — когда-то росла старая, в темных лишаях гевея. Когда отец купил этот участок

Дом малайского крестьянина

после войны, ей оставалось жить недолго. Через пару лет она действительно засохла, но перед смертью успела бросить в землю семена. Сейчас здесь растут с десяток гевей беспорядочной группой. С них, собственно, и началась наша плантация.

У грядок ровными рядами стояли трехлетки. Саженцы привезли из города. Белый, пахучий, густоты сливок латекс они должны дать через пару лет. Срок небольшой.

Крестьяне привыкли к тому, что гевея созревает за семь-восемь лет. Кроме того, специалисты, давшие саженцы, сказали, что латекса с них можно будет получать в два раза больше, чем со старых гевей. Чиновники из города даже советовали заменить на новый сорт гевей всей плантации.

— Но торопиться не надо,— сказал Ибрагим.— Посмотрим, как пойдут дела с трехлетками. Вот это дерево я посадил в пятьдесят восьмом году, когда родился младший брат Абдуллаха. Очень капризное. Если утром оно покрыто росой, то сока не даст. Не стоит и пытаться делать на его серой мягкой коре подрез. Ну а после обильного предупреденного дождя бастует вся плантация.

Не надо подниматься за полчаса до рассвета и делать первый обход — подрезать стволы и укреплять под надрезами чашечки для латекса. Все деревья от избытка влаги не дадут ни капли. Приходится ждать, пока солнце не подсушит их.

В день плантация дает Ибрагиму до 4 кг латекса, который он сдает на сборочный пункт. Этим и живет его семья — он с женой и четырьмя детьми. Ничего, кроме плантации, у крестьянина нет, и ничем, кроме сбора латекса, он не занимался. В гевеях заключено все его богатство и благополучие. Поэтому каждое дерево для него — существо одушевленное, с полным набором индивидуальных черт. Но в отношении к ним он в одном все-таки отличается от заботливого отца. Ибрагим отказывается говорить о будущем гевей. На все вопросы о том, что будет с плантацией, он отвечает одно: «Аллах знает!»

Первые семена бразильской гевеи были посажены в Малайзии в 1877 г. Но, несмотря на то что почвенные и климатические условия Малайзии оказались для каучуконосов идеальными, гевея не сразу получила признание. Это произошло только в самом конце XIX в. Тогда резко упали цены на кофе, и англичане, хозяева огромных кофейных плантаций в Малайзии, оказались на грани банкротства. Хватаясь за любую возможность поправить свои дела, они стали между кофейными кустами высаживать гевей.

Новый век принес бурный рост автомобильного дела. За первые десять лет спрос на резину удвоился, а за вторые — увеличился еще в 3 раза. Это и решило поединок между кофе и гевеей. Все, доступные по тем временам, земли были вскоре целиком засажены каучуконосами.

Сейчас Малайзия — самый крупный в мире производитель натурального каучука. В 1976 г., например, она выработала до 1,5 млн. т, что составило свыше 40% мирового производства. В этом году каучук для малайзийцев значил 14% валового национального продукта, 20% валютных поступлений, работу для каждого третьего.

Обширные, принадлежащие английскому капиталу, крупные каучуковые плантации тянутся повсюду вдоль главных дорог на западной половине Малаккского п-ова. Работают на них, как правило, тамилы, отцов и дедов

которых англичане специально для сбора латекса привезли из Индии во времена каучукового бума.

Сборщики латекса просыпаются в Малайзии первыми. В половине шестого, когда еще царит непроглядная тьма, они идут на плантации, чтобы с зарождающейся зарей сделать первый обход своего участка. За день его надо обойти 5—6 раз. В конце рабочего дня бидоны с соком сдают на фабрику первичной обработки. Там латекс коагулируют с помощью кислоты, коптят дымом и прессуют в широкие коричневые листы. В таком виде сырой натуральный каучук с клеем «Сделано в Малайзии» расходуется по всему свету.

В Малайзии с таких плантаций добывают менее 40% каучука. Остальные 60% дают мелкие хозяйства. Всего по стране владельцев крошечных плантаций около полумиллиона. Вместе со своими семьями они составляют почти треть всего населения. Без преувеличения можно сказать, что на плечах таких, как Ибрагим, лежит экономическое благополучие Малайзии.

Всего этого крестьянин не знает. Ему хорошо известно только одно: плантация кормит его. Но, несмотря на это, признался он, у него бывают такие дни, когда хочется взять топор и вырубить гевей. Подмывает засадить участок чем-нибудь другим или вообще продать его, уехать из деревни, поискать лучшей доли в другом месте.

Такое отчаянное желание назревает в крестьянской душе каждый раз, когда вдруг, по непонятным для него причинам, скупщик латекса начинает платить все меньше и меньше. Бывало, что за килограмм — всего 50 центов. Получалось, что в день Ибрагим зарабатывал три доллара: два — от продажи латекса и один — овощей. И на эти гроши надо кормить семью, купить керосину, отправить детей в школу. Нужно и отложить какую-то малость, чтобы купить ребятам к началу учебного года книги, форму. А как все это сделать на три доллара, когда булка хлеба стоит 30 центов?

Но Ибрагим готов мириться с этим, если бы не одно обстоятельство. Когда падают цены на латекс, то почему-то всегда дорожает буквально все: рис, сахар, керосин, одежда. Крестьянин дважды в своей жизни выезжал за пределы деревни, и он не знает, что 80% каучука Малайзия продает развитым капиталистическим стра-

нам. Когда в США, Западной Европе и Японии свер- тывается промышленное производство, падает спрос на сырье, падают цены и на малайзийский каучук.

В то же время Малайзия импортирует из этих же самых стран до 60% продуктов питания. В списке импортных товаров продовольствия по количеству расхо- дуемых на него средств она занимает третье место. Что же касается промышленных товаров, то 95% их Малай- зия также закупает в этих странах. Отсюда и получает- ся, что, когда Запад переживает даже легкое экономи- ческое недомогание, Малайзию лихорадит. А в кризис- ные годы страна буквально терпит катастрофу.

Для Ибрагима это значит влачить нищенскую жизнь, отдавать за горсть риса все больше и больше латекса. А если идут дожди и деревья не дают сока? А если скупщики наотрез отказываются брать сырой каучук? Тут и наступают минуты, когда в душе Ибрагима воз- никает желание взяться за топор.

По деревенским стандартам Ибрагим считается «се- редняком». Как-никак — два гектара собственной земли. А некоторые из его соседей имеют участки поменьше. Их почти половина из полумиллиона владельцев мелких плантаций. Четвертая часть их арендует землю и вы- плачивает аренду долей собираемого латекса. Таким приходится еще хуже, чем Ибрагиму. Поэтому его ни- сколько не удивило известие о том, что в соседнем шта- те Кедах осенью 1974 г. крестьяне толпой двинулись в административный центр и потребовали от властей ри- са. А потом в их защиту выступили студенты в Куала- Лумпуре.

Правительство принимает меры, чтобы ликвидиро- вать столь фатальную зависимость благополучия страны от каучука. За последние годы немало сделано для раз- вития таких новых отраслей хозяйства, как производст- во пальмового масла, лесной промышленности. Прила- гаются усилия и в плане стабилизации цен на каучук на мировом рынке. Малайзийцы добиваются того, чтобы перевести международные каучуковые рынки из Лондо- на и Нью-Йорка в Куала-Лумпур, активно ищут новых торговых партнеров, главным образом среди социалисти- ческих стран.

Куала-Лумпур выступил инициатором создания меж- дународного буферного запаса каучука, который бы ней-

трализовал колебания цен. К участию в создании запаса приглашены крупнейшие производители натурального каучука — Шри Ланка, Индонезия, Таиланд. Эти три страны вместе с Малайзией дают миру 85% каучука.

Международный запас планируется составить из национальных буферных запасов. Малайзия готова выделить до 200 тыс. т. Практически она уже приступила к его созданию в кризисном, 1974 г. Это ощутил на себе и Ибрагим. После «голодных маршей» он стал сдавать свой латекс по твердым государственным ценам. Таким образом, исчезла полная зависимость от скупщика. Этот спекулянт наживался всегда, даже во времена самых низких цен, тогда как крестьянин оставался все таким же бедным и в годы рекордно высоких цен.

Действенность всех этих мер правительство оговаривает всевозможными «если». Международный буферный запас возможен, если будут преодолены противоречия между его потенциальными участниками. Государство и дальше будет скупать крестьянский каучук, если у него хватит на это средств. Диверсификация экономики будет существенной, если ее найдет выгодной частный капитал, поскольку слабый государственно-общественный сектор не в состоянии сам справиться с такой огромной задачей.

Большую часть дня Ибрагим проводит один на своей крохотной плантации. Механически исполняемые операции по сбору латекса не прерывают неспешного течения его мыслей. Они невеселые. Как свести концы с концами? Как выбиться из нужды? Ах, если бы у правительства не было никаких «если». Тогда он, вероятно, смог бы рассказать о будущем своего хозяйства.

Загадка Долины гробниц

Чтобы попасть в Пинанг, конечный пункт моей поездки на север, надо было на границе штатов Перак и Кедах свернуть под прямым углом на запад, к морю. Но чем меньше оставалось километров до поворота, тем чаще я возвращался к мысли проехать перекресток прямо, пересечь границу. Манила загадочная кедахская Долина гробниц. Еще в прошлом веке в густых джунглях по берегам р. Буджанг были найдены следы цивили-

лизации, тайна происхождения которой еще не раскрыта до конца.

Долина начиналась от р. Мербок. На другом ее конце, около самого горизонта, в серой дымке растворилась гора Кедах, самая высокая на Малаккском п-ове (1200 м). От деревни Буджанг к гробницам можно проехать на машине. Гробницами оказались невзрачные остатки нескольких десятков квадратных фундаментов храмов, служивших иногда усыпальницами.

Малайзийские археологи считают, что в Долине с IV по IX в., т. е. задолго до возникновения Малаккского султаната, существовало централизованное государство, в котором индуизм был главной религией. К этому выводу они пришли, отыскав в развалинах золотое изображение Шивы и каменную фигуру другого индуистского божества — Ганеша. Некоторые ученые утверждают, что название реки и Долины происходит от санскритского слова *бхуджанга*, что значит «змея». В камнях были также найдены урны с пеплом усопших, оружие, домашняя утварь. Но кто создал все это? Индийские колонисты или принявшие индуизм аборигены? А может быть, это было государство, где эту религию исповедовала правящая верхушка?

Возникновение в Долине индийской колонии можно объяснить. С древнейших времен купцы Индии навещали побережье Кедаха и вели торговый обмен с местными племенами. Маяком кораблям, плывшим через Бенгальский залив, служил пик Кедах, который виден в ясную погоду за 30 миль от берега. Как и любая другая гора, она была для индийцев и местом, где обитали боги.

Возможно, что один или несколько купцов решили подняться по реке поближе к горе и попросить у всемогущих богов удачного возвращения домой. Путешественники и заметили, вероятно, как хороша для судоходства река, как плодородна земля Долины и насколько мирны и дружелюбны местные жители. У них, конечно, могла возникнуть мысль о создании в Долине постоянного торгового поселения.

Но, с другой стороны, архитектура храмов говорит о том, что их строили не индийцы. В Индии нет храмов, состоящих из двух отдельных частей — святилища и зала, соединенных или мощеной дорожкой, или арочным

переходом. Кроме того, в отличие от индийских храмы в Долине р. Буджанг служили убежищем как для богов, так и для умерших.

Поэтому некоторые малайзийские историки полагают, что усыпальницы строили малайцы, которые, подобно яванцам, создавшим Борободур, и кхмерам, построившим Ангкор Ватт, поклоняясь индуистским богам, возможно, пользовались индийским календарем, но не утратили при этом самобытной культуры. К сожалению, в Долине пока не нашли ни одного письменного свидетельства древнего государства, которое могло бы пролить свет на тайну его происхождения и гибели.

Сейчас в Долине идут интенсивные работы. Археологи продолжают раскопки и ищут новые следы исчезнувшей цивилизации. Остатки фундаментов реконструируются. Департамент музеев планирует создать в Долине первый в Малайзии национальный исторический парк. Руководитель восстановительных работ, куратор Национального музея Рашид сказал, что в Долине будут построены выставочный зал, гостиница. К ней протянут широкую дорогу. Правительство надеется превратить Долину в крупный туристический центр.

Бангсаван приехал

Когда я вернулся из Долины в деревню, начинало смеркаться. В полицейском участке, где мне обещали ночлег, не было ни души. Да и в самой деревне стояла странная тишина. Мимо участка пробежала стайка мальчишек. Они очень торопились. На мой вопрос, куда все подевались, самый старший из них ответил:

— Разве господин не знает? *Бангсаван* приехал, и все собрались около *балэй райя*. Там вот-вот начнется представление.

Балэй райя, деревенский дом собраний, гудел как улей. Собрались жители не только деревни Буджанг, но и соседних деревень. Взрослые — женщины на одной стороне поляны, мужчины на другой — тесными рядами расселись кто на циновках, кто прямо на земле перед верандой, которая уже была превращена в сцену. Дети гроздьями облепили перила веранды, окна, лестницы.

Приезд театра *бангсаван* — большое и редкое событие в деревенской жизни.

Из репродукторов стоящего рядом с верандой маленького автофургона лилась национальная малайская музыка. Все оживленно переговаривались, угощали друг друга сигаретами, женщины укачивали на руках детей, незло покрикивая на бегających взад-вперед подростков. Было видно, что толпой владеет приподнятое, праздничное настроение.

Репродукторы замолкли. Все утихло. Импровизированный занавес сняли, и началось представление. На сцене разворачивалась городская драма о долге в семь долларов. Главными действующими лицами были две женщины — одолжившая и должница. В спор из-за денег постепенно были вовлечены и семьи.

Сначала зрители внимательно и спокойно следили за ходом спектакля. Но потом ссора женщин увлекла их. Они стали подсказывать актерам, как лучше действовать. Когда диалоги-споры затягивались, зрители требовали действия, и на сцене, по их настоянию и к их огромному удовольствию, начинали драться вениками, палками.

В середине представления зрители заставили актеров изменить сюжет, привлечь к разрешению спора представителей властей. Одному из актеров пришлось уйти на несколько минут за кулисы и вернуться на сцену в полицейской фуражке. Разумеется, свое дальнейшее поведение в конфликте, реплики ему пришлось придумывать на ходу.

Изменений, внесенных зрительным «залом», было еще много. Когда драма заканчивалась, в ней от прежнего состава действующих лиц осталось только три. Дело из города перенесли в деревню, и спор теперь шел вокруг семи мешков риса. Зрители были в восторге. Много хлопали, искренне радовались и огорчались.

После представления руководитель театральной труппы Алви сказал, что тесная связь артистов со зрителем, способность к самой широкой интерпретации задуманного ранее сюжета и есть отличительные черты *бангсаван*.

Родился театр как уличное представление в середине XIX в. С самого начала для своих постановок он использовал весьма разнообразный материал: арабские роман-

гические истории и отрывки из индийского эпоса «Махабхарата», классические китайские оперы и европейские пьесы. Все это переделывалось на малайский лад. Изменялись имена, место действия, время. Зрители тоже каждый раз меняли сюжет, и в конце концов источник пьесы трудно было узнать.

Наибольшей популярностью передвижной уличный театр пользовался в предвоенные годы. Тогда, как сказал Алви, по стране разъезжало около 40 трупп *бангсаван*. Целью их было не только развлекать публику, но и проповедовать всем понятные истины: торжество добра над злом, победу справедливости, несокрушимость правды.

Театр умер после войны. Его убило кино. Всего лишь два года назад группа молодых энтузиастов из Департамента развития земель решила возродить *бангсаван*. О народном театре вспомнили, когда в департаменте встал вопрос об организации досуга жителей целинных поселков. Тогда и возникла мысль попытаться вернуться к этой форме пропаганды и просвещения.

Создали труппу из 15 профессиональных актеров, дали им автофургон, радиооборудование и после репетиций отправили в первую гастрольную поездку. Успех превзошел все ожидания. Народ не забыл *бангсаван*, встретил его с прежней любовью и участием.

Через два года при департаменте работали уже два театра на колесах. Молодые драматурги стали писать для *бангсаван* пьесы на современные темы. Постановки на злобу дня понемногу вытеснили все старинные водевили. *Бангсаван* из театра для целинников превратился в национальный передвижной театр для сельских жителей. Его теперь знают, ждут и любят в каждой малайзийской деревне.

Брак по-малайски

Уехать из деревни Буджанг на следующее утро не удалось. Приютивший меня полицейский Ахмад утром пригласил на бракосочетание своего сына, сержанта, приехавшего в краткосрочный отпуск. Блюститель порядка уверял, что свадебный обряд будет совершен по правилам, заезжаным отцами.

Старьки-малайцы говорят: «Любовь приходит после свадьбы». И хотя в сегодняшней Малайзии молодые люди все чаще сами выбирают себе спутников жизни, решающее слово нередко, особенно в сельской местности, по-прежнему остается за родителями.

Когда девушка приближается к брачному возрасту, родители стараются изолировать ее от общества. Обычай предписывает ограждать «цветок от шмелей» так, чтобы даже «солнце и луна не могли его увидеть». Сейчас это практически невозможно: молодежь ходит в школы, кино, участвует в общественных работах. Здесь юноша может заметить девушку и сказать о своем выборе родителям.

Сержант знал Фаридх много лет. Они когда-то вместе ходили в школу. Потом он уехал в город и завербовался в армию. Полицейский по дороге к дому сына успел рассказать мне о том, как однажды, несколько лет назад, поймал его сидящим на дереве против окон его теперешней невесты. Потом он узнал, что они тайком встречаются, но не стал препятствовать этому, хотя в пору его молодости такое было совершенно недопустимо.

Ему невесту выбирала мать. Она долго присматривалась к девушкам в деревне, отмечая про себя тех, кто отличался добрым нравом, услужливостью, домовитостью. Внешний вид тоже принимался в расчет, но это не было главным. Наконец она сделала выбор и сказала об этом сыну. Тот не стал противиться.

Тогда в семью избранной девушки послали родственников выведать, свободна ли она и не откажет ли, если к ней придут свататься. Получив предварительное согласие, семья Ахмада стала готовиться к церемонии *ме-минанг*, т. е. сватовству.

В назначенный день мать Ахмада с мужем и другими родственниками в нарядных одеждах направились к дому будущей невесты. После долгих, неторопливых переговоров по освященному веками сценарию они договорились, что родственники девушки рассмотрят предложение и дадут ответ через неделю. В случае согласия они оставят у себя принесенное сватами кольцо. Если решат отказать, то кольцо будет возвращено.

Сказать «нет» сразу малайцы считают тягчайшим оскорблением. Быстро соглашаться тоже нельзя: нане-

сешь ущерб престижу дома. Главными достоинствами жениха во времена молодости Ахмада считали принадлежность к хорошей, почитаемой семье, материальное благополучие и умение красиво читать Коран.

Если бы Ахмаду отказали, ему бы поискали счастья в другом доме. Правда, при желании он мог добиться руки девушки, которую указала ему мать. Обычай позволял ему ворваться в ее дом и, угрожая крисом, вынудить ее родителей отдать за него замуж дочь. Практиковался в те времена и другой способ настоять на браке. Отвергнутый жених мог прибегнуть к пикетированию дома избранницы. Согласно неписаным правилам ее родители обязаны были кормить и поить юношу во время такой демонстрации преданности, которая могла длиться до бесконечности. Как правило, родители сдавались через несколько дней.

Но ко всему этому Ахмаду прибегать не пришлось. Предложение было принято, и главы двух семей вскоре договорились о приданом жениха и дне свадьбы. Приданое обязательно состояло из небольшой суммы денег, праздничной одежды и ювелирных украшений для невесты.

Поскольку Ахмад женился на девушке, у которой старшая сестра не была замужем, ему пришлось купить одежду и для нее. Это была компенсация (согласно обычаю) за то, что он «перешагивает через гору». Кое-где жениха заставляли даже устраивать для сестры недорогую, ненастоящую свадьбу, на которой роль ее «супруга» должен был играть один из его друзей.

Весь предшествующий свадьбе месяц избранная для Ахмада девушка не выходила из дома. Ее держали на строгой диете, тело ежедневно натирали рисовой мукой, чтобы кожа была белой и упругой, а перед самой свадьбой девушку отдали в суровые руки *мак андам*, пожилой женщины, которая знает все тонкости свадебного обряда и парикмахерского искусства. Она регулярно красила руки и ноги невесты хной, в ниточку выщипала ей брови, привела в порядок волосы. Она же учила девушку, как следует вести себя на свадьбе: ни в коем случае не улыбаться, смотреть только в землю, делать как можно меньше движений. Словом, стараться выглядеть самой несчастной на земле — этого требует обычай.

По правилам свадьба должна длиться неделю. Правда, продолжительность празднества определялась не столько традицией, сколько материальным положением объединяющихся семей. В 1926 г., когда женился Ахмад, состоялась свадьба султана штата Перак и дочери султана штата Паханг. У них свадьба растянулась на 40 дней. Ахмад не мог себе позволить больше трех.

В первый день на церемонию крашения рук и ног невесты хной были приглашены только ее близкие родственники. На второй день в ее же доме хной красили и жениха. На этот раз половина гостей были его знакомыми. Именно в этот день он увидел свою суженую вблизи. После того как высохла на пальцах хна, состоялась официальная регистрация брака, обряд *акад никах* — самый трудный для жениха: в присутствии всех гостей-мужчин, перед деревенским имамом сказать длинную, со множеством малопонятных для него арабских слов фразу о своем согласии на брак.

Несмотря на то что Ахмад с приятелями накануне репетировал фразу, она никак не получалась. Он обливался потом, заикался, но имам все требовал повторить ее еще и еще, чтобы все слышали согласие жениха. Наконец имам сжалился: торжественно провозгласил Ахмада мужем, напомнил ему обязанности супруга и прочитал несколько соответствующих выдержек из Корана. Так Ахмад и выбранная его матерью девушка стали мужем и женой.

Затем состоялась вторая встреча Ахмада с девушкой. Гости под руки провели его в комнату новобрачных. На циновке, около широкой, низкой кровати под праздничным тюлевым балдахином ни жива ни мертва сидела супруга в свадебном, нарядном костюме, с высокой прической и бледным то ли от рисовой муки, то ли от волнения лицом. Девушка ждала своего повелителя, смиренно сложив на груди ладони. Казалось, она вот-вот расплачется. Подталкиваемый друзьями, Ахмад подошел к жене и легко коснулся рукой ее ладоней. Девушка обхватила его кисть и прижалась лицом к руке — она отдавала себя ему в жены и клялась в любви и покорности.

На третий, последний день состоялась церемония *берсандинг*. Муж и жена сидели на возвышении в самой большой комнате. На один день они стали «царем

и царицей». У Ахмада за поясом торчал специально купленный для свадьбы крис. Позади девушки сидела *мак андам* и давала последние наставления.

К новобрачным по очереди, в строго определенном порядке подходили родственники и знакомые, осыпали их щепотками желтого риса и окропляли розовой водой. Этим они желали им счастья и благополучия. Потом — праздничный ужин. Женщины ели в одной половине дома, мужчины — в другой. Избранные гости расположились на циновках в комнате молодых.

Ахмад с супругой кормили друг друга. Они по очереди брали горстями рис и отправляли друг другу в рот, демонстрируя всем свою готовность заботиться друг о друге, жить в любви и согласии. После ужина *мак андам* попросила их встать, соединила их руки и медленно повела с возвышения через строй гостей в спальню. Для Ахмада и его жены началась совместная жизнь.

Все эти обряды сохраняются в сельской местности и по сей день. Время, конечно, внесло свои коррективы. Сын полицейского давно знал свою будущую жену, они сами избрали друг друга и настояли на свадьбе. Уступая ритму современной жизни, их родственники отвели на свадьбу всего один день. С утра молодых людей красили хной, в полдень состоялась церемония *акад никах*, и вечером гостей позвали на *берсандинг*.

У меня не оставалось времени дожидаться торжественного ужина, поэтому я побывал лишь на официальной регистрации брака. Жених оживленно шутил с приятелями. Парень не раз был в городе, служит в армии и хочет, чтобы все знали об этом. Супружескую клятву он отбарабанил лихо, как военный рапорт. Но сидевших вдоль стен стариков провести не так-то просто. Один из них с видимым притворством приложил к уху ладонь, другой стал переспрашивать что-то у соседей — пришлось сержанту еще раз повторить согласие на брак. Сделал он это, однако, охотно и весело, нисколько не обижаясь на мнимую глухоту свидетелей.

Распроставшись с гостеприимной деревней, я поехал в Пинанг. По дороге мысленно возвращался к свадьбе, которая, несмотря на краткость, была проведена по всем выработанным веками правилам. Я пытался представить себе жизнь новой малайской семьи. Неужели она будет

такой же, какую я повсюду видел в Малайзии. Перед глазами одна за другой возникали картины «семейной жизни».

Вот по улице идет, заложив руки за спину, малаец, не оборачиваясь и не замедляя шага. За ним, метрах в десяти, с одним ребенком на руках, с другим — около юбки, семенит жена. Она не смеет ни приблизиться к мужу, ни заговорить с ним, ни тем более попросить взять у нее тяжелый узел. Или дома. Жена вносит поднос с чаем и, не поднимая глаз от земли, подает мужу чашку, ставит на пол тарелку с печеньем. Потом уходит, пятась к двери. Она знает, что к гостям ее не пригласят.

Пока еще большинство малайских женщин воспринимают свое рабское положение в семье как должное. Они так воспитаны с детства. Сам свадебный обряд, когда невеста целует руку мужа и изображает печаль на своем лице, показывает, что от женщины в браке ждут полного подчинения и послушания.

Покорно женщины воспринимают и такие пережитки, как полигамия и свобода развода для мужчин. Коран разрешает мусульманину иметь четырех жен. Многие мужчины в Малайзии, особенно те, кому позволяет материальное положение, пользуются этим правом. Когда муж приводит в дом новую жену, прежняя не считает ее своей соперницей. Она даже рада: теперь с ее плеч свалится половина забот по дому и уходу за мужем.

Зато трагедией для малайских женщин оборачивается свобода развода. Чтобы оставить семью и считать себя свободным, мужчине достаточно три раза при свидетелях сказать слово *толак*. Женщина остается одна с детьми без каких-либо средств к существованию. Этот жуткий *толак* постоянно держит ее в страхе перед мужем, заставляет раболепствовать, унижаться. В то же время у нее нет никаких прав самой стать инициатором развода.

Две интервенции

Чтобы попасть на Пинанг, пришлось полчаса выстоять в очереди на паром. Пинанг — остров, отделенный от материка узким проливом. Плавание на двух-

этажном пароме занимает не более 20 минут. Паромы разгружаются как раз в том месте, где в 1786 г. высадился на необитаемый остров англичанин Фрэнсис Лайт.

Английская Ост-Индская компания, пытаясь вырвать из рук голландцев торговлю восточными товарами, начала во второй половине XVIII в. искать себе место для торговой и военной баз на Малаккском полуострове. В 1771 г. бывший морской офицер Лайт извещал Совет директоров компании, что, играя на страхе султана Кедаха перед Сиамом и разбойничаящими бугами, он может обосноваться с небольшим отрядом в устье реки Мербок. Тогда, писал офицер, «ни крупинка олова, ни зернышко перца» не будут проданы никому, кроме англичан.

Через 15 лет после этого он вновь доложил хозяевам компании, что может выторговать у султана Кедаха место для английской опорной базы, но теперь не на материке, а на необитаемом острове Пинанг. Лондон дал согласие, и Лайт заключил с правителем Кедаха устное соглашение, по которому остров был отдан англичанам за ежегодную дань в 30 тыс. долларов и обещание защищать султанат от внешних врагов.

16 июля 1786 г. Лайт высадился на острове, поднял британский флаг и назвал остров в честь принца Уэльского. Но это название не удержалось. Остров даже во времена английской колонизации называли Пинангом.

Местные жители дали ему такое название из-за плодов арековой пальмы «пинанг», которыми были усыпаны берега острова. Плоды несъедобны, их называют еще «орехами нищих». Остров находился у северного входа в Малаккский пролив, поэтому он быстро стал крупным торговым портом. Жители Пинанга говорят, что трудными были лишь первые годы освоения острова, когда шла борьба с джунглями за землю. Говорят даже, что Фрэнсис Лайт, чтобы воодушевить людей на эту трудную борьбу, стрелял в лесах из пушек серебряными монетами. И люди в поисках монет расчищали участки для улиц. Так это или нет, но к 1794 г. порт Пинанг насчитывал уже 25 тыс. жителей.

Он стал той отправной точкой, откуда пошла дальнейшая колонизация Малайзии Англией. В 1800 г. Ост-Индская компания купила у султана Кедаха узкую по-

На рынке в Пинанге

лосу земли на материке, как раз напротив острова. Спустя 19 лет после этого служащий компании Стэмфорд Раффлз обманным путем приобрел для хозяев о-в Сингапур, а в 1824 г. англичане окончательно утвердились в Малакке.

В 1851 г. три контролирующих полностью Малаккский пролив порта — Пинанг, Малакка и Сингапур — были объединены в колонию под названием Стрейтс-Сеттльментс и переданы под контроль генерал-губернатора Индии, давно уже находившейся под английским владычеством.

О первых днях Пинанга сейчас напоминают лишь невысокие развалины форта, построенного Фрэнсисом Лайтом. Сохранилось с тех времен несколько пушек. Старая часть города — это увеличенная копия китайского квартала Малакки, поскольку осваивали остров в основном китайцы.

Старый Пинанг — узкие и короткие улочки, двухэтажные, вплотную примыкающие друг к другу дома с резными дверьми и ставнями, торчащие из окон длинные палки с сохнувшим бельем. Новичков здесь одолевает особый запах: смесь аромата тлеющих перед кажда́м домом на миниатюрных алтарях палочек с фимиа́мом, зловония текущих по открытым канавкам нечистот, запаха раскаленного растительного масла, без которого не обходится приготовление большинства китайских блюд. Здесь же в изобилии и высохшие от долгого курения опиума старики, неподвижно сидящие на корточках с невидящим, остановившимся взглядом.

Интересны в этом квартале аптеки, торгующие лекарствами народной медицины. Полки заставлены стеклянными банками с высушенными ядовитыми многоножками. Их считают лучшим средством от укуса змей. Вымоченную в бренди многоножку прикладывают к месту укуса, и она якобы вытягивает яд из крови.

Продаются также засушенные огромные красные тараканы. Отваром из них китайцы лечат расстройство кишечника. Здесь можно найти высушенных детенышей игуаны, змей и других пресмыкающихся. Хозяин одной аптеки сказал, что все ползающее и летающее может служить лекарством. И не только это. У себя во дворе он держит в клетках белых мышей, детенышей которых глотают живьем «для продления жизни».

Хозяин другой аптеки показал три толстых тома пособия для аптекарей, где записаны рецепты приготовления лекарств из насекомых, пресмыкающихся, трав, корней. Эпиграфом к нему служит фраза: «Человек — часть природы и потому может многому у нее научиться». Один из рецептов пособия рекомендовал заворачивать живых земляных червей в листья бетеля, тщательно разжевывая и давать жвачку детям, страдающим эпилепсией. Ожоги пособие советовало лечить прикладыванием к обожженному месту рассеченной пополам жабы. Много места в томах отведено порошкам, настойкам, экстрактам из корня женьшеня. В аптеках женьшеневые препараты занимают значительную часть полок.

Приезжающие в Пинанг иностранные туристы бывают в китайском квартале редко. Они предпочитают проводить время на знаменитых пинангских пляжах. Про-

Велорикши Пинанга

тянувшаяся по всему северному побережью острова песчаная полоса, обрамленная кокосовыми пальмами и казуариной, названной так за ниспадающие ветви, которые напоминают перья казуара, свежий воздух, обилие солнца и тепло спокойного моря обещают хороший отдых. По всему берегу цепью тянутся большие и маленькие отели, от которых до моря два шага, открытые ресторанчики, где можно отведать все прелести малайзийской кухни. Пинанг может похвастаться лучшими в Малайзии блюдами из морских продуктов.

Кулинары Пинанга имеют и свои фирменные кушанья. Наибольшей популярностью среди них пользуются *лакса асам* и *карри капитан*. *Лакса* — кисло-пряный острый рыбный суп с китайской лапшой *ми*. К нему подается на кончике ложки темно-коричневая кислая паста, изготовляемая из красно-бурых бобов тамаринда.

Пряность супу придают репчатый лук, листья мяты, лепестки цветка *бунга кантан*, остроту — красный перец.

На приготовление *карри капитана* идут куриные ножки, вымоченные в соусе из лука, красного перца, имбиря, кокосового молока и лимона. Обработанная таким образом курятина после обжаривания обладает приятно жгучим вкусом, но не настолько острым, чтобы запивать каждый кусок глотком пива. Говорят, что когда-то капитан голландского судна спросил своего малайского повара, что будет на обед. Тот ответил: «Карри, капитан». И по-новому приготовил курицу. Еда пришлась капитану по вкусу и вскоре получила всеобщее признание.

Провести на пинангском берегу несколько дней довольно ощутимо для кармана. Тропические прелести дорого стоят. В отелях не встретишь простого люда. В них большей частью гостят туристы из Западной Европы, США, Австралии. Реже встречаются состоятельные малайзийцы. Правда, если поехать по побережью дальше, до той точки, где береговая линия начинает сворачивать на юг, можно за небольшую плату остановиться в какой-нибудь рыбацкой деревушке. Так и делают студенты на каникулах.

Одно время деревни атаковали хиппи из Европы. Это была, по выражению малайзийских газет, «вторая европейская интервенция». Хиппи прибывали большими группами, занимали целые деревни, поражая местных жителей развязностью манер, неопрятностью одежды, бесстыдством. Малайзийских женщин, которые до сих пор купаются, следуя местным нормам нравственности, в специальных платьях или по крайней мере в закрытых купальниках, в ужас приводили даже слухи о том, что обросшие и невытые молодые люди целыми днями валяются на песке в чем мать родила.

Полюбили хиппи Пинанг не за красоту и благодать его пляжей, не за великолепие его покрытых джунглями гор, не за гостеприимство и радушие его жителей. Сюда их привлекло только одно: возможность достать относительно дешевые наркотики. «Вторая интервенция», как и первая, не обещала ничего хорошего. Высадка Фрэнсиса Лайта на Пинанге привела в конечном счете к длительному политическому закабалению Малайзии.

Наплыв хиппи грозил разрушением нравов и морали малайзийцев, поэтому правительство решило покончить с ними раз и навсегда. В один прекрасный день в рыбацких деревнях появились полицейские. Они посадили на машины одуревших от постоянного употребления наркотиков «туристов», отвезли их в аэропорт и за 24 часа выпроводили из страны. Чуть позднее было принято решение не допускать в Малайзию иностранцев в неопрятной одежде, с длинными волосами и без достаточных средств. Но Пинанг успел заразиться героиновой чумой.

Наркотики в мороженом

Наркотики в Пинанге, как и везде в Юго-Восточной Азии, далеко не новость. Опиум китайцы курили здесь с первых дней основания порта. Тогда вся торговля им находилась в руках триад. Везде, где только собиралась китайская община, они открывали нелегальные курильни. Известный уже «капитан» Яп Ах Лой разбогател именно на торговле наркотиками.

Опиум курят в Малайзии и сейчас. Старых курильщиков относят к первому поколению наркоманов. Этих состарившихся раньше времени, немощных, до безобразия тощих инвалидов можно встретить в китайских кварталах Пинанга, Малакки. Они целыми днями сидят без движения на корточках, а в привычный час спускаются в какой-нибудь грязный подвал, укладываются на деревянные нары и с первой затяжкой уносятся в сладкий мир грез. Этих людей уже нельзя вылечить.

Ко второму поколению в Малайзии относят наркоманов, родившихся после войны. Правительство пытается административными мерами и лечением помочь им вернуться в общество. Для них создана сеть оздоровительных центров, где трудом, убеждением, лекарствами их лечат от наркомании.

Опиум в Малайзию издавна поступает контрабандой из так называемого «Золотого треугольника», горного района, где сходятся границы Лаоса, Бирмы и Таиланда. В самой Малайзии опийный мак не растет. Тайком выращивают здесь индийскую коноплю, из которой готовят гашиш.

В последние годы, в связи с тем, что канал, по которому поступал опий-сырец в Западную Европу и США из Малой Азии, был перерезан, поток его из «Золотого треугольника» стал быстро увеличиваться. Тайные общества, почуяв наживу, заработали вовсю. Контрабанда коричневой массы сырого опиума из ЮВА, десятилетиями остававшаяся сравнительно небольшим ручейком, очень скоро превратилась в широкую реку.

Триады организовали международные синдикаты по тайной переправке наркотика. Перевалочными базами в цепи контрабанды стали Пинанг, Сингапур, Гонконг. В начале 1974 г. в аэропорту Вены таможенники задержали 12 малайзийцев с 19 кг героина. С этого же самолета через несколько часов в Брюсселе были сняты еще 10 граждан Малайзии. В их багаже нашли 20 кг героинового порошка.

Как выяснилось, арестованные не были профессиональными преступниками. Это были люди, которые прельстились возможностью бесплатно провести в Западной Европе две недели за пустяковую просьбу: передать определенным лицам «подарки» из Малайзии. Им было невдомек, что резные шкатулки, детские игрушки и сувениры набиты героином.

С их арестом у полиции в руках не оказалось ни одной ниточки, которая могла бы раскрыть деятельность преступного синдиката. Курьеры не знали ни одного имени. Они сели за решетку, а подлинные организаторы контрабанды остались на свободе. После арестов в Вене и Брюсселе с самолетов, летящих из Малайзии в Западную Европу, все чаще стали снимать пассажиров с героином. В самой Малайзии полиция обнаружила две подпольные лаборатории по переработке опия-сырца в героин. Одна из них находилась в Пинанге.

Есть в Малайзии и третье поколение наркоманов — молодые люди, значительная часть которых родилась уже после того как страна приобрела независимость. Работники университета в Пинанге провели исследование, опросив в течение полугода около 16 тыс. школьников-старшеклассников. Оказалось, что почти половина из них два-три раза «пробовали» наркотики, а каждый десятый употребляет их регулярно. Чаще всего они травят себя табаком, смешанным с героином, или мороженым, посыпанным каким-нибудь наркотиком.

Когда эти факты стали известны, малайзийская общественность была потрясена. «Люди, очнитесь! — затрубили газеты. — Бейте тревогу! В каждом доме, в каждой семье! На карту поставлено будущее страны!» Правительство приняло чрезвычайные меры: закон, предусматривающий за изготовление, хранение и распространение наркотиков высшую меру наказания — смертную казнь. Министерства здравоохранения, просвещения и социального обеспечения развернули широкую разъяснительную работу в школах и среди родителей. В полицейском управлении был создан специальный отдел по борьбе с наркотиками.

Однако, несмотря на все эти усилия, число наркоманов третьего поколения продолжает расти. Оно пополняется главным образом за счет молодых людей, отчаявшихся найти работу. Полиция не успевает делать облавы на растущие как грибы после дождя подпольные лаборатории, выжигать в джунглях плантации индийской конопли, десятками вылавливать в вечерние часы одурманенных героином юношей и девушек. Наркотическая чума находит себе все новые и новые жертвы. Остановить ее трудно.

Фестиваль Девяти богов императора

Самые старые китайские храмы на территории Малайзии находятся в Малакке, а самые красивые — в Пинанге. Особенно среди них выделяется богатством и тонкостью деревянной резьбы храм Дракона гор в самом центре старой части города. Кроме того, в Пинанге есть единственный в Малайзии Храм змей, где на алтарях среди бронзовых курильниц и подсвечников лежат клубками десятки черных ядовитых змей. Их без опаски можно трогать, брать в руки, вешать на шею. Они не укусят, потому что никогда не бывают голодными и одурманены дымом специальных благовоний.

Для туристов, желающих сфотографироваться со змеями на плечах, отведен специальный уголок. У этих змей для верности вырваны зубы.

Знамениты буддийские храмы Пинанга. Один из них, в глубине острова, в поселке Аир Хитам (Черная вода), носит название храма Десяти тысяч будд. Видимо,

Китайский храм в Пинанге

столько изображений Будды и хранится в высокой белой пагоде и прилегающих к ней храмовых помещениях. Каждый алтарь в них охраняют гигантские, достигающие до 4 м высоты, деревянные крашенные фигуры китайских богов и героев. Другой буддийский храм — сямский. Здание, в котором лежит крашенный золотом, каменный Будда длиной в 12 м, оберегают 10-метровые великаны с лицами чудовищ и мечами в руках, а также драконы с разинутой пастью.

Обычно храмы посещают только туристы, любители экзотических фотографий. Местные же жители приходят туда лишь в определенные дни религиозных праздников. Самый красочный и захватывающий из них — праздник Девяти богов императора.

Легенда гласит, что эти девять богов были сыновьями покровительницы моряков богини Доу Му. Во времена династии Мин (XIV—XVII вв.) они в образе ученых спустились на землю, чтобы помочь китайскому на-

роду в борьбе с маньчжурами. Планы богов, однако, были раскрыты, и их казнили. Отрубленные головы заговорщиков запечатали в вазу и бросили в море.

Долго плавала ваза в морских просторах, пока ее не выбросило волной на берег. Сосуд случайно нашел рыбак и открыл. Головы тут же вознеслись на небеса. На следующую ночь императору в Пекине приснился сон, в котором девять богов требовали от него расплаты за злодейство. Напуганный император пообещал богам построить в их честь великолепный храм и каждый год в первые девять дней девятого месяца по лунному календарю устраивать в нем торжества. Так родился фестиваль Девяти богов императора, который малайзийские китайцы устраивают в настоящее время почти во всех городах. Но наиболее широко он проходит в Куала-Лумпуре и Пинанге, куда на дни фестиваля приезжают китайцы не только со всех уголков Малайзии, но и из Гонконга, Таиланда, Сингапура.

Поклонники культа девяти богов, дающих якобы счастье, богатство и долголетие, на все девять дней праздника располагаются в общежитиях при храмах. Ходят они все это время босиком, в белых одеждах и придерживаются строгой вегетарианской диеты. Едят «жареных уток», «свинные ножки» и прочие деликатесы из соевой муки. Причем изделия напоминают мясные блюда не только по внешнему виду, но и по вкусу.

Все девять дней они проводят в молитвах перед алтарями. Но увидеть богов нельзя. Их деревянные фигуры спрятаны за желтой занавеской, куда может заходить только священник. В храм приходят с приношениями — апельсинами, бананами, цветами и ярко-красными булочками, выпеченными в форме черепашек. На их спинах золотом выведены иероглифы, означающие счастье или богатство, любовь или долгие годы жизни.

Внутри храма от чада тысяч палочек с фимиамом слезятся глаза. Перед занавесом на коленях стоят верующие, проникновенно просящие у богов всяческих милостей. Некоторые тут же гадают. Трясут бамбуковыми пеналами с двумя десятками палочек. По количеству выпавших палочек и по их расположению на полу они читают свое будущее. Другие пытаются предсказать судьбу, выбрасывая на пол разрезанный вдоль на две части деревянный «банан».

Поклонники культа Девяти богов императора

Всех желающих храм вместить не может. Поэтому снаружи делают несколько временных алтарей, куда можно поставить приношения, зажечь свечу и погадать. У входа в храм все девять дней священник в тяжелой, шитой золотом красной мантии и в черной шапочке под аккомпанемент небольшого оркестра распевает молитвы. Не угасая, горят девять фонарей на высокой мачте с треугольным желтым флагом. Эти фонари зажжены, как и благовонные свечи, тоже в честь девяти богов императора.

Площадь перед храмом на дни фестиваля превращается в ярмарку. Сооружаются временные лавки для торговли горячей едой, одеждой, галантереей, детскими игрушками и прочим ярмарочным товаром. Внимания толпы наперебой добиваются фокусники, идет бесплат-

У входа в храм Девяти богов императора

ное представление китайской оперы, выступления силачей. Словом, все как на настоящей ярмарке.

Такое оживление царит в храме и вокруг него восемь дней. Последний день — особенный. Его отличают от остальных две церемонии, завершающие фестиваль. Первая начинается ровно в два часа дня. Группа из пяти обнаженных до пояса священников под грохот барабанов выходит на площадь. В руках у них мечи, топоры, треугольные желтые знамена. Площадь плотным кольцом окружают верующие.

Священники переходят от алтаря к алтарю. Вернее, не переходят, а передвигаются в каком-то неритмичном танце. Кажется, что ими, как куклами, управляет кукло-

вод, перепутавший все нитки. У каждого алтаря они дают письменную клятву пронести вечером деревянных богов через священный дым.

От алтаря к алтарю барабаны учащают дробь, движения монахов становятся все более дикими, резкими, их потные лица свирепеют, глаза становятся безумными. Около последнего алтаря они полностью впадают в транс и начинают колотить себя по животу и спине мечами и топорами. Появляется кровь. Истязанием плоти занимаются и другие монахи. Одни опускают руки в тазы с кипящим маслом, другие перебрасываются раскаленными чугунными ядрами, третьи босиком ходят по лезвиям мечей. Это жуткое представление превосходства духа над плотью продолжается около получаса.

Когда окровавленные, обожженные монахи уходят, храм устраивает бесплатное угощение. Под навес выносят огромные кадки с рисом, супами, лапшой, и монашки начинают раздавать еду всем желающим. Этой минуты с утра дожидается огромная толпа нищих с кружками, тарелками, ведрами. При появлении кадок они облепляют темной массой навес, давят, толкают друг друга, дерутся из-за лишней ложки храмовой похлебки.

Пока оборванные старики и старухи осаждают навес, на площади готовятся к вечерней церемонии — хождению по раскаленным углям. Мешками носят уголь и насыпают им дорожку метров в пятнадцать. Одни служки широкими досками ее утрамбовывают, другие обносят металлической сеткой площадку вокруг нее. К наступлению темноты все готово. За ограду можно попасть только по специальному пропуску.

Мне удалось получить такой пропуск после того, как знакомый китаец Чонг сходил к Верховному жрецу храма. Когда я протиснулся сквозь толпу, плотным кольцом обступившую ограду, угольную дорожку поливали каким-то горючим. В начале дорожки в окружении монахов, занимавшихся самоистязанием, стоял священник в черном. Позвякивая колокольчиком, он пел молитвы, затем обошел вокруг дорожки, рисуя на земле какие-то магические знаки.

Потом он сделал жест рукой, и уголь подожгли одновременно в нескольких местах. Высокое пламя моментально охватило всю дорожку, вырвав из темноты тыся-

чи прильнувших к ограде любопытных глаз. Огонь быстро опал, и служки начали забрасывать дорожку рисовым зерном из мешков. Мне сказали, что зерно это прошло специальную обработку, но какую — никто толком не знал.

Пламя почти исчезло и только время от времени ярко-красными языками прорывалось сквозь потрескивающий рис. Дорожка, ставшая темно-багровой, нещадно чадила бурым дымом. Это и был тот священный дым, сквозь который монахи поклялись пронести девять богов императора.

Они появились из храма с девятью паланкинами на плечах. В каждом сидел деревянный бог. Пока они добирались от храма до раскаленных углей, верующие нацепляли на паланкины тряпочные и бумажные ленты, мотки ниток, колечки. Получив короткое благословение, священники в черном, укротители плоти, цепочкой медленно пошли по огню. Так они ходили по углям целых полчаса.

Уже разгаданы многие чудеса Востока. Самое распространенное от Марокко до Японии — заклинание змей — оказалось не таким уж сложным трюком. Кажется, что кобру завораживают звуки флейты. Но змеи глухи, как камни. Они раскачиваются не в такт музыке, а инстинктивно в такт движениям заклинателя. И ни один заклинатель не станет выманить кобру из корзины, не заставив ее за полчаса до представления выпустить весь яд. Вот и весь секрет.

Но вот почему ходящие по раскаленным углям не обжигают пятки? Это пока неясно. В том, что на дорожке жарко, сомнений не было. Фотографируя монахов, я из-за жара не мог подойти к дорожке ближе чем на два метра. Ноги у священников были ничуть не обожжены, а только выпачканы золой. На мой вопрос, почему монахи не обжигают ноги, китайцы отвечали: потому что они верят. Меня, разумеется, этот ответ не устраивал. Оставалось предположить, что секрет заключался в рисе, которым обильно посыпали дорожку перед тем, как выпускать на нее людей. Ведь тайну его обработки не знал никто, к кому бы я ни обращался.

Но в чем бы ни был секрет, монахи, вволю набегавшись по багровой дорожке, вернулись с паланкинами в храм живыми и невредимыми. Верующие растащили

свои ленточки, нитки и колечки. Теперь они будут хранить эти предметы, побывавшие в священном дыму вместе с девятью богами императора, на домашнем алтаре как святыни.

Потом состоялось явление богов народу. Деревянные фигуры доставали одну за другой из паланкинов и водружали на главный алтарь. Последнего, девятого бога доверили достать самому молодому священнику, который сегодня первый раз в жизни прошелся по углям. Он выдержал экзамен и был принят в клан профессиональных укротителей плоти. Теперь к своим обязанностям он приступит ровно через год.

Родина помнит

Пинанг, как и вся Малайзия, многонационален. Разделенными малайцы, китайцы и индийцы остаются и после смерти. Каждая община имеет свои кладбища, которых в Пинанге великое множество.

На одном из них, христианском, среди стоящих ровненькими рядами крестов выделяется своей высотой обелиск из серого гранита. Рядом с обелиском на черной гранитной плите стоит якорь с ниспадающей тяжелой цепью. На обелиске золотыми буквами на русском и английском языках лаконичная надпись: «Русским военным морякам крейсера „Жемчуг“ — благодарная Родина». Как сюда попали русские моряки? Что они делали здесь, в тропиках, за тридевять земель от родных берегов? Как погибли?

Легкий крейсер «Жемчуг» был заложен в Петербурге в 1903 г. Его строили с учетом всех достижений военноморской науки того времени. Он отличался быстротой (25 узлов), маневренностью и обладал для своего водоизмещения (3 тыс. т) значительной огневой мощностью.

Когда в 1905 г. разразилась русско-японская война, кораблю приказали отправиться к дальневосточным берегам, где он и оставался до начала первой мировой войны. В августе 1914 г. командовавший им капитан 2-го ранга И. А. Черкасов получил приказ поступить в распоряжение командования союзнического англо-французского флота, базировавшегося в Сингапуре. Русскому крейсеру поручили конвоировать транспортные суда в Индийском океане.

Успешно сопроводив несколько караванов, «Жемчуг» в октябре зашел в пинангскую бухту, бросил якорь, чтобы отремонтировать котлы: из девяти под парами находился всего один. Моряки были рады передышке. Казалось, в надежно защищенной бухте они отдохнут от бесконечных походов. Этому, однако, не суждено было сбыться.

На вторую ночь стоянки вахтенные заметили быстро приближающийся к крейсеру корабль без опознавательных знаков. Кто это — друг или недруг? По едва различимым в темноте тропической ночи очертаниям — английский крейсер. Но где же сигнальные огни? Подойдя почти вплотную, неизвестный открыл огонь. Сомнений не было — это враг, и коварный. Экипаж подняли по тревоге. Но поздно. Вражеская торпеда угодила в пороховой склад, и «Жемчуг», ответив лишь двумя залпами, пошел ко дну. 82 моряка погибли, 115 получили ранения.

Как выяснилось впоследствии, пиратскую атаку учинил немецкий крейсер «Эмден». В предзакатном тумане, замаскировавшись под английский, он вошел в бухту, не ответив на позывные французских патрулей. Те сообщили о странном визитере по команде, но Черкасова портовые власти не предупредили о возможной опасности, и немцы торпедами в упор расстреляли «Жемчуг». Уходя из пинангских вод, они потопили французские катера, пытавшиеся оказать им сопротивление, и безнаказанно скрылись.

Оставшихся в живых с русского крейсера отправили домой. Убитых и умерших от ран в пинангском госпитале местные жители похоронили на своем кладбище в братской могиле. Все эти годы они бережно ухаживали за ней, отдавая должное героизму русских моряков. Когда Советский Союз в 1967 г. установил дипломатические отношения с независимой Малайзией, ухаживать за могилой стали и представители всех аккредитованных здесь советских учреждений. Посещение кладбища стало священным долгом и всех экипажей советских торговых судов, заходящих в Пинанг.

При содействии малайзийских властей в 1975 г. на месте погребения русских героев воздвигнут привезенный из СССР мраморный обелиск. Родина чтит память своих сыновей, где бы они ни отдали за нее свои жизни.

Династия Белых раджей

Как только мы, группа малайзийских и аккредитованных в Малайзии иностранных корреспондентов, прилетели на военном самолете «Карибу» в Кучинг, столицу штата Саравак, мой старый знакомый газетчик Азиз отвел меня на берег р. Саравак, где располагался базар, и показал возвышающиеся на противоположном берегу три домика. Их белые стены и темно-красные черепичные крыши были хорошо видны на фоне поросшего густой зеленью холма.

Это Астана, пояснил Азиз, бывший дворец Белых раджей и теперешняя резиденция губернатора штата. Присмотревшись, недалеко от Астаны можно было увидеть серую крепость, которую, как я узнал позднее, построил второй Белый раджа для своей жены Маргарэт. Эту миниатюрную крепость местные жители до сих пор называют фортом Маргерита. Она используется сейчас полицейским управлением штата под оружейный музей, где собрано местное холодное оружие прошлого века и современное американское огнестрельное оружие.

В середине XV в. на севере о-ва Калимантан, получившего впоследствии в Европе название Борнео, возникло сильное государство с центром в Брунее. От искаженного англичанами произношения Брунея и появилось Борнео. Индонезийцы называют остров Калимантаном, что в переводе с языка заселяющих его *даяков* означает «сырое саго». Саговыми пальмами остров необычайно богат. Крахмал, добываемый из сердцевины ствола пальмы,— самый распространенный товар на рынках Саравака.

Бруней находился в тесных торговых связях с Малаккой, подчинил себе соседние туземные племена и к 1440 г. распространил свою власть на территорию, входящую сейчас в состав малайзийских штатов Саравак

и Сабах, т. е. на весь север Борнео-Калимантана. Тогда Брунеем правил Аванг Алак бер Табар.

Позднее, женившись на дочери султана Джохора, он принял ислам и соответствующее новой религии имя Мохаммед. Когда в 1511 г. португальцы захватили Малакку, многие малайзийские аристократы бежали в Бруней и там впоследствии повлияли на формирование дворцовых порядков, администрации, системы управления.

В XVI в. султанат Бруней процветает, успешно воюет и торгует с соседними странами. Итальянец Пигафетта, плававший с Магелланом, оставил описание Брунея тех времен. Он посетил столицу султаната в 1521 г., когда ею правил знаменитый и могущественный султан Булкейях, известный под именем Находа Рагам (Поющий Капитан). Говорят, что он напевал даже в самые критические минуты сражений. Его власть распространилась почти на весь остров и входящий ныне в состав Филиппин архипелаг Сулу. Сама Манила одно время платила ему дань.

Пигафетта в восторженных тонах и с немалой долей удивления пишет о «полностью стоящем в соленой воде городе», где насчитывалось до 25 тыс. домов, о находящемся на суше в окружении каменной стены с 65 бронзовыми пушками дворце султана. Итальянца и приплывших с ним гостей хозяева приветствовали дорогими подарками, на слонах отвезли во дворец и угостили «ужином из многих блюд».

Все улицы вокруг дворца были «заполнены людьми, вооруженными мечами, копьями и щитами». В огромном, задрапированном дорогим шелком и набитом золотой и серебряной посудой зале султан дал аудиенцию. Сидящего за занавесом владыку окружали 300 телохранителей с обнаженными мечами. К нему нельзя было обращаться непосредственно. Слова приветствия гости сказали сопровождавшему их человеку. Тот передал их дворцовому служителю рангом повыше, и так по цепочке они дошли до главного распорядителя, который по вделанной в стене трубе довел их до сведения приближенных султана. Там, за занавесом, приветственная фраза дошла до ушей султана, пройдя еще одну линию живого телефона из приближенных и родственников правителя.

Мощь и влияние Брунея того периода были вынуждены признать даже португальцы. Капитаны их судов, возвращаясь с Молукк или из Макао, считали своим долгом зайти в брунейский порт и поднести султану подарки. В 1526 г. португальцы заключили с Брунеем торговое соглашение. Его тогда лучше было иметь союзником, чем врагом.

В течение всего XVII века султанат утрачивает былое могущество, сокращается в размерах. К началу XVIII в. Бруней вырождается в пиратскую базу всей Юго-Восточной Азии. С самого зарождения морской торговли они были главной опасностью для купцов в водах от Индийского до Тихого океана. *Иллануны* (или *лануны*) с о-ва Минданао, *баланини* с архипелага Сулу, целебесские *буги*, *даяки* с Борнео, малайцы и ачехцы днем и ночью на тысячах легких и стремительных *перау* бороздили эти воды, грабя каждое судно, попадавшееся им на пути.

Расправлялись с жертвой всегда одинаково: выпотрошенное судно вместе с командой шло на дно. Пираты совершали рейды и на сушу. Они захватывали деревни и мелкие города, сжигали их, а всех жителей поголовно уводили и продавали в рабство. Ничего так не страшилось первые европейцы в этих морях, как появлявшихся всегда неожиданно армад выдолбленных из цельных стволов лодок, наполненных разрисованными и украшенными перьями пиратами. Под удары гонгов и боевые, пронзительные кличи, потрясая копьями, они исполняли на узеньких палубах воинственные пляски, которые для бледнолицых мореплавателей были плясками смерти.

В начале XVIII в. торговля рабами и награбленным добром превращается в главный промысел Брунея. Бывший некогда столицей могущественного государства, город на сваях как нельзя лучше отвечал нуждам пиратов. Он далек от построенных европейцами крепостей, султан его слаб и корыстолюбив, приближенные султана продажны и своевольны, а в устьях бесчисленных речек и в узких, извилистых заливах по побережью всегда можно скрыться от преследователей, отсидеться, устроить засаду.

Убежищем для пиратов Бруней оставался весь XVIII век. В начале нового столетия власть султана

ослабевают еще больше. Его вассалы становятся все более независимыми, открыто покровительствуют пиратам, которые фактически хозяйничают на всем побережье. В это время разброда и шатаний у берегов Брунея появляется Джеймс Брук.

Сын чиновника английской колониальной администрации в Индии, он служил в колониальных войсках, был ранен в англо-бирманской войне, в 1838 г. ушел в отставку и решил отправиться на собственной шхуне «Роялист» с командой в 14 человек на Борнео. Ему захотелось «познакомиться с племенами, исследовать реки, гору Кинабалу». Он планировал после Борнео посетить о-ва Сулавеси, Тимор, собрать гербарий и отправиться домой, в Англию, чтобы написать труд о тропической флоре.

Труду не суждено было появиться на свет. При первой же остановке на Борнео, в устье р. Саравак, Джеймс Брук забыл о благих намерениях ботаника. Им всецело завладела страсть колонизатора, желание иметь свою собственную «империю», для которой он, по его же словам, «создан самим богом».

Саравак в те времена был самой дальней юго-западной провинцией султаната Бруней, находившегося на последней стадии распада. Раджа Муда Хассим, родственник брунейского султана, когда появился «Роялист», безуспешно боролся с восставшими даяками в столице Саравака Кучинге.

Ознакомившись с обстановкой, Джеймс Брук вернулся в Сингапур, вооружил шхуну и в 1840 г. вновь появился у причалов Кучинга, предложив Радже Муда Хассиму свои услуги в обмен на право властвовать в провинции. Тот, не долго колеблясь, дал согласие, *даяки* были разбиты, и в сентябре 1841 г. 30-летний англичанин под салют корабельных пушек был провозглашен правителем Саравака «со всеми соответствующими правами». В своем дневнике Джеймс Брук в тот же день записал: «Теперь я имею страну».

В 1842 г. брунейский султан Омар Али Сайфуддин подтвердил его статус правителя, а потом за ежегодную дань уступил Саравак Бруку. Так в самом центре Юго-Восточной Азии единым и полновластным хозяином целого государства стал европеец, который величал себя отныне Белым раджей.

Силой, подкупом, шантажом семейство Бруков принялось за расширение пределов своей монархии. В 1846 г., используя дворцовый переворот и убийство Раджи Муда Хассима как предлог, Джеймс Брук с помощью английских кораблей из Сингапура захватил Бруней и заставил султана отказаться от ежегодной дани. С небывалой жестокостью он подавил второе восстание *даяков*, а потом и восстание рабочих золотых приисков. Старатели на пять дней захватили Кучинг. Джеймс Брук вынужден был спасаться вплавь, но его выручил пришедший из Сингапура корабль. По восставшим стреляли из пушек. Около 3,5 тыс. рабочих было убито и казнено.

Пришедший в 1863 г. на смену первому второй Белый раджа, Чарлз Брук, оправдывал захват новых территорий «борьбой с пиратами». Он увеличил площадь бруковской вотчины почти в три раза. Жена третьего и последнего Белого раджи, Венера Брука, Сильвия в своих воспоминаниях пишет о Чарлзе не иначе, как о тиране. Уже если он для ближайших родственников, братьев и сестер по цвету кожи, был тираном, то можно себе представить, каким он был по отношению к местным жителям. Джеймс Брук считал, что даже он по сравнению с Чарлзом выглядит «шутником».

Винер Брук правил Сараваком с 1918 г. до оккупации Малайзии японцами в 1941 г. Накануне войны, в сентябре 1941 г., Бруки отметили столетие своей династии. В честь этого события народ получил конституцию, признававшую право за Государственным советом, состоящим из вождей племен, «обсуждать все постановления раджи». Назначал вождей в Совет сам раджа.

После капитуляции Японии в 1945 г. экономика Саравака была в таком плачевном состоянии, что третий Брук счел для себя выгодным продать Саравак Англии. В июле 1946 г. английское правительство присоединило его к своим колониальным владениям в Юго-Восточной Азии. Гимну Белых раджей со словами: «Десятки тысяч еще не рожденных будут благословлять имя Брука» — не суждено было больше звучать на саравакской земле. Под британской короной Саравак оставался до 1963 г., когда он присоединился в качестве штата к независимой Малайзии.

Дети охотников за головами

Саравак, как и вся Малайзия, многонационален. Большую часть населения Кучинга составляют китайцы, которым принадлежат банки, отели, конторы, магазины. Единственным в городе «роллс-ройсом» владеет президент Китайской торговой палаты Саравака.

Вторая по величине община столицы — малайская. Малайцы заполняют административные учреждения, занимаются розничной торговлей. Есть в Кучинге и индийская улица. На ней держат свои конторы индийцы-ростовщики.

Коренных жителей Саравака, *даяков*, которых называют *ибанами*, можно встретить лишь на базаре. Они появляются там изредка — продать сырое саго либо плетеные изделия. Особенно хороши цветные циновки, сплетенные так искусно, что не пропускают воду.

Широкоплечие и стройные, разрисованные с головы до пят татуировкой, *даяки* необычайно приветливы, улыбки, мягки в речи и жестах. Наблюдая за тем, как они с готовностью идут на уступки покупателям, незлобиво отгоняют тощих базарных собак, без обиды уступают место в рядах вновь прибывшим торговцам, я никак не мог поверить, что передо мной потомки отчаянных и безжалостных охотников за головами. А это были они — дети грозных и гордых *даяков*, хозяев саравакских джунглей, судивших о достоинствах мужчины по количеству отрезанных у врага голов.

Молодой *даяк* брачного возраста не мог рассчитывать на благосклонность девушки до тех пор, пока на его поясе не висели две-три высушенные головы. Он мог прекрасно распевать любовные песни, быть непревзойденным в боевых танцах, мастером на все руки, но все это ничего не значило, если у него не было голов. При объяснении в любви девушка прежде всего спрашивала: «Сколько голов ты отрезал и засушил, что хочешь взять меня в жены?» Сильвия Брук писала, что всякий раз, когда она приходила в дом *даяка*, хозяин считал обязательным в честь столь высокой гостьи навешивать около нее как можно больше голов.

Охота за головами — дело прошлое. Этот жестокий обычай был похоронен еще до второй мировой войны. Собрались вожди всех племен и порешили закопать

все высушенные головы, а вместе с ними и традицию. Она, правда, была возрождена ненадолго в годы японской оккупации. Убитым оккупантам *даяки* отрезали головы и вешали их на свои заборы. Японское командование издало даже приказ, запрещающий солдатам углубляться в джунгли. Эти головы в глубинах штата в некоторых домах *даяков* можно встретить и сейчас.

Но *даяки* по сей день сохранили несколько церемоний и обрядов, связанных с охотой за головами. Один из них — *гавай кеньяланг* — праздник птицы-носорога. Хозяева джунглей — анимисты. Они верят в духов, в сны. Птиц почитают за хорошие или дурные предзнаменования. Птица-носорог с ее устрашающим клювом всегда была объектом поклонения охотников за головами.

Некогда *гавай кеньяланг* был прелюдией к нападению на соседнее племя, в результате чего не один *даяк* расставался с головой. В празднике имели право участвовать только мужчины, имеющие у себя на поясе эти жуткие трофеи. Нарушишь правило — дух птицы заключет все племя до смерти.

Начинались торжества с того, что несколько известных охотников уходили в джунгли, отыскивали особые деревья с мягкой древесиной и, принеся в жертву духам леса белого петуха, срубали их и под причитания заклинателей приносили в деревню. За них принимались резчики. Из стволов они вырезали двухметровые фигуры птицы-носорога. Когда все фигуры были готовы, их с песнями и танцами несли по деревне, собирая с жителей посуду, циновки, фрукты, листья бетеля для будущего пиршества.

Затем из леса приносили окропленные кровью жертвенного петуха 10-метровые стволы железного дерева. Деревянных птиц и бревна помещали в специальный дом, накрывали самыми яркими циновками и ежедневно до самого праздника ублажали их подношениями из риса, цветов, фруктов. За неделю до праздника в деревню съезжались гости из окрестных, дружественных деревень, и начиналась подготовка: варили, жарили, настаивали брагу *туак*.

До рассвета в день праздника мыли жертвенных свиней и связанными укладывали на веранде, где должно было произойти их заклатие. С первыми лучами солнца на веранду по старшинству начинали сходиться гости.

Хозяева деревни встречали их бамбуковыми стаканами с *туаком*.

Когда все были в сборе, вождь закалывал свиней. На приготовленный бамбуковый алтарь сваливали все имеющиеся в деревне засушенные человеческие головы, усаживались на циновки и целый день проводили за едой и питьем.

На следующее утро избранные охотники, пританцовывая и распевая боевые песни, уносили птиц и столбы обратно в джунгли. Бревна вкапывали в землю, на них водружали птиц клювом в сторону врага. Ну, соседи, теперь держитесь! Берегите головы! Заручившись поддержкой *кеньяланг*, жестокие и отважные *даяки* двинутся теперь за ними на охоту.

Гавай кеньяланг, который показали нам, продолжался всего полдня. На алтаре, конечно, никаких высушенных голов не было. Их место заняли мирные приношения из цветов и фруктов. С обычаем покончено навсегда. Теперь изменилась даже покрывающая все тело *даяков* татуировка. Раньше из нее можно было узнать, сколько врагов обезглавил воин, а теперь она в лучшем случае отражает его охотничьи трофеи — кабанов, оленей, а чаще это просто орнамент.

Даяки — самая многочисленная коренная народность Саравака. Они составляют треть всего населения штата. Живут по берегам рек в джунглях небольшими деревнями, занимаются охотой, рыболовством, в меньшей степени земледелием.

Письменность у них отсутствует. Старики говорят, что причиной этому послужило следующее. Когда бог-создатель раздавал устные и письменные языки народам мира, вождь *даяков* проглотил все буквы. Они соединились с его телом и превратились в память. С тех пор *даяки* свое прошлое, своих духов, свои законы крепко держат в памяти, передавая их в легендах и мифах из поколения в поколение.

Строят *даяки* длинные, до 30 м, дома из расщепленного и цельного бамбука на сваях, между которыми держат свиней и кур. Каждый дом занимают несколько семей. Комнаты соединены общим коридором. Все в доме подчиняются старейшине, которого почтительно называют «хозяином дома». Одна большая комната *руай* — общая. В ней встречают гостей, устраивают

праздники. В доме обычно живет от 200 до 300 человек. Каждая семья может по своему желанию оставить дом и переехать в другой, если в нем имеется свободная комната.

Мы съездили в одно из таких общежитий недалеко от Кучинга. На открытой веранде нас встретил чаркой браги «хозяин дома» в национальном головном уборе, украшенном яркими птичьими перьями. Он провел нас в *руай*, усадил на циновки. Женщины внесли огромные тарелки с дымящимся рисом, подносы с вяленой рыбой, печеными бананами и яйцами, жареным мясом кабана.

Сначала старейшина в отдельную тарелку положил всего понемногу и поставил ее в центре комнаты. Она предназначалась духу мира и дружбы. Потом он взял петуха, выдернул из его крыла перо и несколько раз кнул этим пером петуху в гортань. Побежала тонкая струйка крови. Наполнив ею три маленькие чашечки, он вместе с кусочками еды уложил их в корзину и с помощью перекинутой через брус веревки поднял ее к самому потолку. Это — угощение для духа войны и вражды. Не сделай он этого, мы бы перессорились за обедом.

Туаком бамбуковые стаканчики наполнялись как по волшебству каждый раз, как только гости их осушали и ставили на циновки. Когда все были сыты и переполнены оставляющей ясной голову, но отнимающей способность ходить брагой, в центр комнаты с тяжелым *парангом* в руке, в боевом убранстве из перьев, козлиной шкуре и шелковой перевязи через плечо прыгнул красавец-*даяк*. Под удары гонгов и барабанов он стал исполнять танец птицы.

Полузакрыв глаза, широко раскинув растатуированные мускулистые руки, юноша то подражал, стоя на одном колене, конвульсиям раненой птицы, то взмывал под потолок, то с пронзительным воплем резко приседал, ястребом падая на добычу. Неистовый, страстный, он всех заморозил, всех увлек.

Так же самозабвенно и темпераментно *даяки* исполняли этот боевой танец ночами напролет и в те далекие дни, когда им заканчивался *гавай кеньяланг* и открывался поход за человеческими головами.

Край, где кончаются ветры

Это произошло в деревне Кандазон недалеко от Кота-Кинабалу, столицы штата Сабах. Когда взошла полная луна, ударили гулкие гонги. Бианти, крест-накрест надевшая поверх национальной черной бархатной блузы два широких, шитых золотом шарфа, первой вошла в круг и медленно поплыла в танце *сумазао*. Вскоре к ней, главе семьи, стали по старшинству присоединяться братья, сестры, дети, внуки. Рисовый пьянящий напиток *тапай* лился рекой. Сменяя друг друга, члены семьи танцевали до утра*.

Как только на небе появилась первая светлая полоска, гонги смолкли. Наступил ответственный и знаменательный момент в жизни семьи Бианти: передача главенства и семейного сокровища новому лидеру. Бианти исполнилось 88 лет, и она решила, пока находится в здравом уме и держится на ногах, передать власть своему брату 70-летнему Муджингу.

К церемонии готовились целый месяц. Всю предшествовавшую ей неделю деревня пировала, танцевала в ожидании полной луны. Наконец, она появилась — и торжественный час настал.

На рассвете Бианти повела родственников и гостей к небольшому сараю, конек крыши которого украшали огромные рога буйвола, пучки засушенных трав. Он стоял на невысоких сваях посреди рисового поля. Там хранились передаваемые с незапамятных времен из поколения в поколение 42 человеческих черепа, принадлежавших всевозможным врагам семьи Бианти. Они символизировали силу и жизнеспособность тех, кто сделал их своими боевыми трофеями.

В сарай вошла только старуха. Остальные с факелами в руках окружили сарай и принялись распевать заклинания. Опять загудели гонги. Мужчины порой прерывали причитания пронзительными боевыми кличками.

Бианти вышла неожиданно. На ее голове возвышалась теперь посеревшая и покоробившаяся от времени огромная, шитая бисером и разукрашенная полинявшими перьями корона. В правой руке она держала обна-

* Семья Бианти относится к одной из коренных народностей штата Сабах — *кадазанам* (научное же название их — *дусуны*).

женный широкий *паранг*, а в левой — перевязанные новенькой розовой ленточкой ножны. Видимо, с помощью этого *паранга* и были добыты ставшие теперь священными черепа.

Родовое оружие женщина передала брату, а на его голову водрузила старинный головной убор. С этого момента Муджинг стал главой семьи. Уже по-хозяйски он поднялся в сарай с несколькими помощниками и принялся уверенно снимать подвешенные к балке темножелтые пыльные черепа.

Потом семейное сокровище, освещенное поблекшим светом факелов, перенесли в дом нового главы семьи. Там, под все те же заклинания и гул гонгов, черепа подвесили под крышу, где они будут пылиться до тех пор, пока не настанет время возглавлять семью новому лидеру.

Привезший меня в Кандазон местный журналист Сайед сказал, что, по всей вероятности, это была последняя церемония передачи власти, осуществленная по правилам, освященным веками. Молодые *кадазаны*, приобщившиеся к исламу, отказываются следовать обрядам дедов-анимистов. Так, например, уже никто в Сабахе не совершает *бамбайярана* — подношения духам рисового поля семи порций вареного мяса, семи кусочков обжаренной курятины, семи сваренных яиц и семи пучков тростника. *Кадазаны-анимисты* считали, что рисовые поля охраняет семейство духов, семь братьев. Угощение складывалось посреди рисового поля под специально воздвигнутый навес с резными столбами и балками. Вокруг него требовалось, разложив еду, с пением заклинаний обойти семь раз.

Совершенно изжит и существовавший среди другой сабахской народности, *мурутов*, анимистический обряд погребения усопших. Когда-то они хоронили покойников в деревянных гробах в неглубоких могилах, поверх которых насыпали высокие пирамидальные холмы. Через несколько лет погребенных выкапывали и кости складывали в глиняные кувшины, которые хранили в специальных домиках на высоких сваях. При перемене места жительства *муруты* забирали с собой останки и на новом месте прежде всего воздвигали для них новое хранилище. Духа предков нужно уважать, чтобы он всегда покровительствовал деревне. Сейчас же, став мусульманами или

христианами, они хоронят умерших в соответствии с требованиями веры.

Напоминают об анимистическом прошлом Сабаха около сотни каменных столбов, рассыпанных на равнине между городами Кота-Кинабалу, Туаран и Папар. Больше всего их сосредоточено вокруг кадазанской деревни Пенампанг. Как клыки доисторических чудовищ, торчат эти трехметровые, заостренные кверху, необработанные глыбы серого песчаника посреди рисовых полей, в джунглях, по берегам рек. На них нет ни рисунков, ни резьбы. Но в том, что это дело рук человеческих, сомневаться не приходится. Еще живы люди, при которых полстолетия назад в землю были врыты последние столбы.

Кадазаны ставили их в ознаменование какого-либо важного события: кончины вождя большой и влиятельной семьи или знаменитого шамана, победы в схватке с враждебным племенем, а также в тех случаях, когда умирал богатый человек без прямых наследников. Его поля, буйволов, землю делили между собой родственники, а в знак того, что раздел имущества сделан справедливо, строили каменную махину, как бы предотвращая тем самым споры относительно наследственных прав в будущем.

Плиты песчаника *кадазаны* приносили с отлогов горы Кинабалу, где жили враждебно настроенные по отношению к ним племена. Каждый поход за памятниками стоил немало крови.

Анимистами аборигены Сабаха были до появления там ислама, т. е. до середины XV в., когда он утвердился как государственная религия в султанате Бруней, которому подчинялась и нынешняя территория Сабаха. Первыми новую веру приняли племена, жившие вдоль морского берега, по устьям рек. В глубинные же районы она проникала медленно, на протяжении последующих нескольких веков, и мирно уживалась с анимистическими представлениями о мире.

Одними из первых, кто признал в Сабахе Коран, были *идаханы* — племя, живущее на юго-восточной окраине штата Сабах. Из-за этой окраины весь штат называют краем, где кончаются ветры. На северной стороне конечной ее точки горные склоны смотрят в море темными глазами 25 пещер, которые еще до появления

здесь человека сделали своим домом ласточки. Эти пещеры — наследственная собственность и главный источник доходов *идаханов*. Они добывают в них ласточкины гнезда, которые в Куала-Лумпуре, Пинанге, Сингапуре, Гонконге идут на приготовление экзотического супа.

Идаханы живут постоянно в долине, занимаются земледелием, но дважды в год, в апреле и сентябре, целыми семьями переселяются в деревню Атоп-Атас у входа в самую большую пещеру. В деревне может разместиться до 300 человек. Домишки из связанных ротаном бамбуковых жердей тесно лепятся к зеву пещеры, цепляются друг за друга, шатаются и скрипят от порывов ветра. Самые старые хижины, которым отсутствие крыши придает вид курятников, находятся в пещере. Они принадлежат семьям, ведущим свою родословную от легендарного вождя *идаханов* Апоя.

Согласно преданию, Апой открыл эти пещеры. Однажды он, охотясь со своей любимой собакой, которая была его братом-близнецом, пустился в погоню за оленем с золотыми копытцами Пайяу Мас. Долго продолжалась погоня, пока Апой не загнал оленя в пещеру. Но Пайяу Мас открыл охотнику, что намеренно завел его в пещеру, поскольку он его третий брат и хочет отдать ее ему во владение.

Легенда восходит к тем временам, когда *идаханы* были анимистами. Пещеры они использовали как усыпальницы. Кое-где под темными сводами еще встречаются полусгнившие, выдолбленные из одного куска дерева гробы и высокие платформы, на которых они когда-то стояли, охраняемые выточенными из железного дерева идолами.

Эту практику похорон *идаханы* оставили, приняв ислам, в начале XV в. Новая вера была завезена из султаната Сулу, с которым *идаханы* давно торговали. Первого мусульманского вождя *идаханов* звали Абдуллахом. Он составил и первое генеалогическое дерево племени. Оно начинается с Апоя. Себе Абдуллах отвел место десятого колена от легендарного охотника. Генеалогия, написанная на языке *идаханов*, но древнеяванским шрифтом, датирована 1408 г. В настоящее время в главном поселке этого племени, Сапагайя, у имама хранится последняя, сделанная 50—60 лет назад копия ге-

неалогического списка с соответствующими дополнениями.

Документ проливает свет на один из каналов, по которому ислам проникал в Сабах. Он говорит о том, что часть аборигенов Сабаха приобщилась к мусульманской вере примерно в то же время, что и Малакка, Бруней и Сулу. Отсюда следует, что торговые связи Сабаха с внешним миром были для этого достаточно широкими. К древнему списку прибегают в наши дни и затем, чтобы разрешить споры относительно наследования и раздела участков в пещерах, облепленных ласточкиными гнездами.

Атоп-Атас просыпается до восхода солнца. Утром, часа в четыре, кто-либо из стариков будит деревню, созывая всех из находящейся внизу под пещерой деревянной мечети на утреннюю молитву. После короткого завтрака, состоящего из остатков вчерашнего ужина — холодного риса с кусочками оленины или рыбы, все отправляются на работу.

Сбор ласточкиных гнезд — опасное, требующее силы и сноровки занятие. В пещерах, разделенных на участки, принадлежащие отдельным семьям, сборщикам приходится карабкаться в крошечной темноте по скользким, отвесным стенам до самого потолка. Один неосторожный шаг, неверное движение — и полетишь вниз навстречу смерти. Никто не осмеливается работать в одиночку — только группами по три-пять человек. Самые опытные, вооружившись легкими, бамбуковыми лестницами, шестами и ротановыми веревками, лезут вверх, другие подбирают сбитые с потолка гнезда в мешки и относят их в деревню.

Христианство в Сабахе появилось с приходом европейцев. Первыми в «краю, где кончаются ветры», проявили интерес англичане во второй половине XVIII в. К тому времени они закрепились в Индии и искали промежуточную точку опоры на торговом пути из Индии в Китай. Потом они сделали такой точкой Пинанг, позднее Сингапур, но начинали поиски с Сабаха.

В 1761 г. служащий Ост-Индской компании Александр Далримпл выторговал у султана Сулу разрешение создать на о-ве Баламбанган, близ сабахского берега, торговую факторию. Султан превратившегося в пиратский притон Брунея уже не контролировал к тому

времени северо-восточные земли, и англичанин заручился разрешением того, кто фактически управлял ими.

Однако эта первая попытка европейцев закрепиться в Сабахе потерпела провал. Отдаленность острова от главных опорных пунктов колониальной власти и незначительные масштабы местной торговли обрекли ее на неудачу.

В конце XIX в. колонизаторы вновь обратили свои взоры к Сабаху. Пример Джеймса Брука, его деятельность в Сараваке вдохновили некоторых авантюристов сделать то же самое в Сабахе. Их поощряло и то, что султан Брунея Абдул Мумин, старый, безвольный и алчный человек, легко поддавался уговорам, особенно если они касались земель, фактически неподвластных ему.

Так, в 1865 г. он не раздумывая отдал Сабах за небольшую ежегодную плату американскому консулу в Брунее. Тот продал свои права американской торговой компании из Гонконга. Один из совладельцев компании, Торрей, был провозглашен султаном Сабаха.

Позднее, разочаровавшись в способности Сабаха принести скорые деньги, Торрей уступил территорию австрийскому консулу в Гонконге. Тот, в свою очередь, сначала нашел себе для эксплуатации Сабаха партнера — английскую компанию «Дент Бразерс», а потом, в 1878 г., продал ей свою половину прав. Так Сабах оказался полностью в руках английского торгового дома, который, назвавшись «Британской компанией Северного Борнео», владел Сабахом вплоть до второй мировой войны.

С 1942 г. в течение трех лет Сабах был оккупирован японцами. После капитуляции Японии компания, поняв, что ей не по силам восстановить разрушенную экономику Сабаха, продала его английскому правительству. Колонией Англии Сабах оставался до 1963 г., пока вместе с Сараваком не вошел как отдельный штат в состав независимой Малайзии.

Вскоре после этого главный город штата, носивший имя одного из вице-председателей компании Северного Борнео, Джесселтона, был переименован в Кота-Кинабалу. Столица стала носить имя находящейся на территории штата самой высокой в Малайзии горы Гунунг-Кинабалу, которую почти все коренные жители почитают как обиталище душ умерших предков.

Ярмарка в Туаране

В Сабах надо приезжать в мае, когда после сбора урожая в одном из административных центров устраивается ежегодная ярмарка *таму бесар*. Повезет, если попадешь на ярмарку в Туаран, небольшой городок, в 35 км от Кота-Кинабалу. Там они по традиции самые яркие и пышные.

В Туаран съезжаются со всех концов Сабаха. Здесь встретишь *кадазанов, мурутов, идаханов* и представителей других народностей штата. Все они в национальных костюмах, с неизменными музыкальными и танцевальными труппами, со своей кухней, напитками.

Ярмарка — это скопление сбитых на скорую руку торговых рядов, театральных подмостков, ресторанов. Это гомон многотысячной разноязычной толпы, не затихающие ни на минуту дробь барабанов, мелодия нежной свирели, бравурное гроыхание полицейского духового оркестра. Это семь дней песен и танцев, семь дней объедания. Это праздник урожая. Можно без конца ходить от одного ряда к другому и везде открывать для себя все новые и новые особенности и прелести Сабаха.

В Малайзии каждая национальная община имеет свой день открытых дверей. Мусульмане-малайцы держат столы накрытыми для всяк входящего в их дом на *райя нуаса*. Китайцы приглашают к праздничному столу любого, заглянувшего к ним на Новый год по лунному календарю. У индийцев этот день приходится на веселый праздник огней *дипавали*. А в штате Сабах таким общим Днем открытых дверей для всех национальностей служит *таму бесар*.

Только в Сабахе гости посещают не только своих друзей, но и всю деревню, целое племя, общину. Ведь в Туаране каждый ряд, каждый навес представляет или деревню, или район. Останавливайся у любого: тебя тут же угостят стаканчиком *тапая*, накормят изысканной едой, а потом втянут танцевать *сумазао* под аккомпанемент *ребаба*.

Европейцы не выдерживают и трех дней ярмарки. *Тапай* валит с ног, еда до того вкусна и разнообразна, что соблазняешься отведать и того и другого, в резуль-

тате неподготовленный желудок начинает резко протестовать. Остается последнее, но не менее приятное удовольствие — ходить и глазеть.

Вот здесь готовятся к *сумазао*. Сидящие на циновках и держащие между колен *ребабы* музыканты в красных тюрбанах начинают выводить мелодию. К ним подключаются две пожилые женщины, играющие на флейтах носом. В состав оркестра входят еще три гонга, в них с озорным упоением бьют мальчишки.

Танцевать будет юноша с платком на шее и листьями саговой пальмы вокруг пояса. Голову его украшает высокий, шитый бисером убор с яркими перьями. Напарница в национальной одежде *кадазанок* — блузе и юбке из черного бархата, отороченных серебряным шитьем. Ее гибкую талию охватывает пояс из серебряных монет, на тонких запястьях и щиколотках — тяжелые серебряные браслеты.

Перед тем как пуститься в танец, оба выпивают по полному бамбуковому колену *тапая*. Танец весьма прост, но грациозен. Юноша и девушка, как две птицы, кружатся друг возле друга, плавно махая распростертыми руками и непрерывно двигая взад-вперед головой примерно так, как это делают при ходьбе куры. Если парень сумеет загнать напарницу в угол, то она будет принадлежать ему. Но это возможно лишь в том случае, когда того желает сама девушка. Танец может продолжаться бесконечно долго, пока оркестр или кто-нибудь из танцующих не устанет.

А рядом танцуют три девушки в красных юбках *саронгах* и шесть-семь юношей в рубахах из белого шелка. Парни, взявшись за руки, все время наступают на девушек, теснят их, окружают, время от времени издавая воинственные кличи.

Давным-давно это был жертвенный танец и исполнялся только во время больших событий. Тогда аборигены-анимисты после танца приносили девушек в жертву духам.

Акомпанирует танцующим гигантский ксилофон. Десять мужчин держат в левой руке подвешенные на веревках длинные и толстые стволы бамбука, на верхних концах которых сделаны продольные срезы разной длины. Равнодушно жуя бетель, они бьют колотушками по бамбуку, и стволы гудят на разные лады.

На другой стороне ряда в крытой листьями хижине соревнуются виноделы. Рисовую брагу *тапай* здесь можно попробовать из бамбуковых стаканчиков. Чтобы наполнить их, хозяева нанизывают по стаканчику на каждый палец и затем опускают руки в огромные чаны. Вкус и крепость напитка можно оценить, если потягивать его через тоненькую тростниковую трубочку из кувшина. Можно отведать и рисовой водки, которую получают, перегоняя брагу. Немногие осмеливаются глотнуть этого перехватывающего дыхание зелья. К водке подают маленькую пресноводную рыбку *нумсум*, вымоченную в специальном соусе и обваленную в горчичных зернах.

Ярмарка переполнена всевозможными изделиями местных мастеров. Особенно хороши выполненные из рисовой соломы, ротана или бамбука и отличающиеся большим разнообразием коробки, корзины, шляпы. Все они украшены незамысловатым на первый взгляд цветным орнаментом. Очень нарядны канонические шляпы *сараонги*. Для жителей Сабаха они служат своеобразным удостоверением личности. По форме, размерам и рисунку шляпы они определяют происхождение, возраст и профессию ее хозяина. В простых линиях рисунков для них скрываются полные смысла картины. Так, в ромбах, точках и кружках рисунка под названием «Встреча» они видят двух женщин и двух мужчин, лежащих головами на одной, общей подушке.

В Туаране устраивают и конкурсы красоты. На открытую циновками деревянную дорожку под добродушный смех зрителей одна за другой выходят местные красавицы в национальных одеждах. Они испуганно улыбаются, краснеют, спотыкаются, двигаются как заведенные механические куклы. Одна из девушек не находит лучшего способа скрыть смущение, как показать публике язык и убежать, другая на помосте заливается нервным смехом, третья идет с закрытым ладонями лицом. Но все они необычайно изящны и милы. Три красавицы получают призы — большие бронзовые кубки.

На ярмарке можно побывать на запуске волчков, посмотреть состязания стрелков из духового ружья, но все ждут главного спортивного события — скачек на буйволах. В этих состязаниях «слабый» пол, как правило, оказывается сильнейшим: побеждают буйволицы.

По сигналу, под оглушительный свист и улюлюканье зрителей медлительные и безразличные ко всему животные стартуют привычным, неторопливым шагом тянувшего телегу или плуг труженика. Но вскоре, время от времени заражаясь азартом наездников, подстегиваемые кнутом, они мчатся с такой быстротой, что только диву даешься. Вот тебе и воплощение невозмутимости и спокойствия!

«Жокеи», ухватившись одной рукой за буйволоный хвост, а другой — за продетую сквозь ноздри животного веревку, всеми силами пытаются удержаться на его спине. Это нелегко. Спина буйвола ходит как гигантские качели — того и гляди свалишься в грязь под громовой хохот зрителей. Кроме того, «скакунов» надо прогнать по определенному маршруту, а они такие своенравные: то остановятся как вкопанные, то побегут, игнорируя кнут, в сторону, а то начнут прыгать на месте, стараясь во что бы то ни стало избавиться от седока.

Завершаются состязания необычно: победитель награждается лишь славой, тогда как проигравшие штрафуются стаканом *тапая* и их обязывают участвовать в следующем заезде. Последние скачки захмелевших наездников-неудачников, конечно, бывают самыми смешными.

Покидая Туаран, надо непременно под любым весом поднять прощальный тост, в ответ на который *кадазан* или *мурутка* — любые другие хозяин или хозяйка навеса — непременно споют в честь отъезжающего сочиненную на ходу балладу. Содержание ее примерно такое:

Ты приехал к нам из далекой страны
Посмотреть, как мы живем.
Если тебе нравится у нас,
То бери любую девушку в жены
И оставайся с нами.
Но нет, наверняка ты поедешь домой,
Потому что дома всегда лучше, чем где-либо.
Так расскажи у себя дома,
Какая у нас богатая земля,
Какие храбрые охотники и красивые женщины,
Какие глубокие реки, высокие горы и густые леса,
Расскажи, как нам здесь живется.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Музей под открытым небом	8
«Это место рождает смелость»	8
Все торговые пути ведут в Малакку	11
Баба	13
«Золотой век» Малакки	17
Во имя креста и короля	22
Забутые временем	27
От португальцев до независимости	29
Майн гасинг	33
Столица Малайзии Куала-Лумпур	36
Там, где сливаются реки	36
По улицам и площадям	39
«Даулат Туанку!»	48
Городские «деревни»	53
Триада без грима	55
Тайпусам	60
Музей для народа	65
Рожденные для боя	67
Магический крик	71
За перевалом на востоке	74
Вверх по Тембелингу	74
В гостях у оранг асли	77
Несостоявшееся свидание	83
Новь джунглей	87
Поединок с нечистой силой	90
Когда пусто в рыбацких сетях	93
Второе рождение макйонга	96
Силат и вау	100
Берегите черепах!	105
Поездка на север	108
Крестьянские заботы	108
Загадка долины гробниц	113
Бангсаван приехал	115
Брак по-малайски	117
Две интервенции	122
Наркотики в мороженом	128
Фестиваль Девяти богов императора	130
Родина помнит	137
Саравак и Сабах лежат за морем	139
Династия Белых раджей	139
Дети охотников за головами	144
Край, где кончаются ветры	148
Ярмарка в Туаране	154

Станислав Викторович Бычков

ПО ЗЕЛЕНЫМ ХОЛМАМ
МАЛАЙЗИИ

Путевые заметки

*Утверждено к печати
Редколлекцией серии «Рассказы о
странах Востока»*

Редактор *Р. Г. Стороженко*
Младший редактор *Л. В. Исаева*
Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *Г. А. Никитина*
Корректор *Л. И. Письман*

ИБ № 13700

Сдано в набор 11/X 1978 г.
Подписано к печати 14/II 1979 г.
А-02739. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1
Печ. л. 5. Усл. п. л. 8,4. Уч.-изд. л. 8,44
Тираж 30 000 экз. Изд. № 4321. Зак. 727
Цена 30 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

В ы й д у т:

Александров Ю. Г. Юго-Восточная Азия:
проблемы аграрной эволюции. 20 л.

Деопик Д. В. Феодализм в Юго-Восточной
Азии (Аграрные отношения и социальная
структура). 15 л.

Попов Г. В. Кооперативное движение в
Бирме. 8 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книго-
торгов и «Академкнига», а также по адресу: 117192.
Москва. Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Кни-
га — почтой») «Академкнига».

Цена 30 коп.